

КАРЛ ФОН
КЛАУЗЕВИЦ

О войне

АЗБУКА-КЛАССИКА
NON-FICTION

Карл фон Клаузевиц

О войне

Серия «Азбука-классика. Non-Fiction»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69601840

Клаузевиц К. фон. О войне: Азбука-Антикус; Санкт-Петербург; 2021

ISBN 978-5-389-24313-2

Аннотация

Эта фундаментальная монография о военном искусстве была написана почти два века назад и с тех пор была переведена на многие языки мира и неоднократно переиздавалась. Ее автор – прусский офицер, участник Наполеоновских войн, чей личный опыт, безусловно, нашел отражение в трактате. Однако, чтобы постичь природу и законы войны, Клаузевиц изучил около 130 кампаний. Рассматривая различные аспекты войны (стратегию и тактику ведения боя, способы наступления и обороны, взаимосвязь войны и политики и т. д.), он подчеркивает решающее значение военного гения в исходе сражения. Клаузевиц писал, что «война – неотъемлемая часть борьбы человеческих интересов и поступков». Свое блестящее аналитическое исследование он не успел закончить; в настоящем издании публикуются завершённые части этого капитального труда.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Из предисловия Марии фон Клаузевиц к первому изданию	6
Пояснения автора	12
От автора	19
Часть первая. Природа войны	22
Глава I. Что такое война?	22
Глава II. Цель и средства в войне	60
Глава III. Военный гений	87
Глава IV. Об опасности на войне	120
Глава V. О физическом напряжении на войне	123
Глава VI. Сведения, получаемые на войне	126
Глава VII. Трение на войне	129
Глава VIII. Заключительные замечания к первой части	134
Часть вторая. О теории войны	137
Глава I. Подразделения военного искусства	137
Глава II. Теория войны	152
Глава III. Военное искусство или военная наука	189
Глава IV. Методизм	194
Глава V. Критика	204
Глава VI. О примерах	239
Часть третья. О стратегии вообще	252

Глава I. Стратегия
Конец ознакомительного фрагмента.

252

262

Карл фон Клаузевиц

О войне

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Из предисловия Марии фон Клаузевиц к первому изданию

Труд, которому должны предшествовать эти строки, почти исключительно занимал в течение последних двенадцати лет жизни внимание моего горячо любимого мужа; увы, его слишком рано лишились я и отечество. Закончить это произведение было заветной мечтой моего мужа, но он не собирался выпускать свой труд в свет при жизни; когда же я старалась склонить его к этому, он часто полушутя, а может быть, предчувствуя преждевременную кончину, отвечал мне: «Ты должна его издать».

С работой, занимавшей моего возлюбленного мужа, я не могла не быть ознакомлена во всех подробностях. Таким образом, никто лучше меня не может рассказать о том усердии и любви, с которыми мой муж отдавался труду, о тех надеждах, которые он на него возлагал, об обстоятельствах, сопровождавших зарождение труда, и, наконец, о времени, когда он был создан. Богато одаренный дух моего мужа с ранней юности ощущал потребность в свете и правде. Как ни разносторонне он был образован, все же мысль его была направлена по преимуществу на военные науки, которые так необходимы для блага государства: здесь было его призвание.

Шарнгорст¹ первый указал ему правильный путь, а назначение в 1810 г. преподавателем военного училища и приглашение дать первоначальное военное образование кронпринцу послужили новым толчком к тому, чтобы направить его усилия и стремления именно на этот предмет и изложить письменно мысли, созревшие в нем и получившие уже строгую определенность. Сочинение, которым он закончил в 1812 г. курс преподавания кронпринцу, уже содержит в зародыше будущие труды. Но лишь в 1816 г., в Кобленце, он принялся снова за научную работу, используя опыт, приобретенный в течение четырех лет войны. Сначала он записывал свои мысли в форме кратких, слабо связанных между собой заметок. Помещаемая ниже недатированная заметка относится, по-видимому, к этому времени:

«В записанных здесь положениях затронуты, по моему мнению, главные начала, которые составляют то, что называется стратегией. Я вижу в них только материалы, но продвинулся в своей работе настолько, что готов приступить к слитию их в одно целое.

Эти материалы возникли без всякого заранее составленного плана. Сначала я намеревался, не думая ни о какой системе или строгой последовательности, записать в кратких, точных и сжатых положениях те из важнейших пунктов по этому предмету, относительно которых я пришел к опреде-

¹ Шарнгорст фон Гергард, Иоганн-Давид (1756–1813) – реформатор прусской армии. – *Ред.* (Здесь и далее примечания редактора первого издания.)

ленному выводу. При этом мне смутно рисовалась форма, в какой Монтескьё обработал свой материал². Я полагал, что такие краткие и богатые оценками главы, которые я первоначально намечал назвать только зернами, достаточны, чтобы заинтересовать образованных, мыслящих людей как возможностью дальнейшего развития выводов, так и непосредственным их содержанием; при этом мне рисовался мыслящий и уже знакомый с предметом читатель. Однако моя природа всегда влекла меня к систематизации и логическому развитию мысли; в конце концов она и в данном случае одержала верх. Некоторое время мне удавалось заставить себя из тех заметок, которые я делал по отдельным вопросам, для того чтобы они для меня самого стали вполне ясными и определенными, извлекать лишь важнейшие выводы и, таким образом, сжимать свои мысли до небольшого объема; однако впоследствии специфический склад моего ума одержал окончательно верх: я приступил к развитию по возможности всех моих мыслей, и при этом мне, естественно, рисовался читатель, еще не знакомый с предметом.

Чем дальше развивалась моя работа и чем глубже я вникал в исследование, тем ближе подходил к систематическому изложению, благодаря чему стали появляться одна за другой главы моего сочинения.

Конечной моей задачей было еще раз проработать все сна-

² Клаузевиц имеет в виду известный труд Монтескьё (1689–1755) «Дух законов» – *Ред.*

чала, придать более обстоятельную мотивировку прежде написанным статьям, свести анализ, заключенный в позднее составленных отделах, к определенному результату и, таким образом, создать из всего стройное целое объемом в один небольшой том. При этом, однако, мне хотелось избежать всего заурядного, само собою разумеющегося, сто раз повторенного и общепризнанного, ибо для меня было вопросом честолюбия написать такую книгу, которую не забыли бы через 2–3 года, которую интересующиеся делом могли бы взять в руки не один только раз».

В Кобленце, где у него было много дела по службе, он мог лишь урывками уделять немногие часы своим частным работам, и только в 1818 г., после назначения на должность директора военного училища в Берлине, у него оказалось достаточно свободного времени, чтобы раздвинуть рамки своего труда, обогатив его историей последних войн. Этот досуг примирял его с новой должностью, которая в других отношениях его не вполне удовлетворяла, так как, согласно организационной схеме военного училища, научная работа последнего не находилась в ведении директора, а руководилась особой учебной комиссией. Хотя он был и очень далек от всякого мелкого тщеславия, от всякого беспокойного эгоистического честолюбия, но испытывал потребность быть действительно полезным и не оставлять не использованными на деле те способности, которыми он был одарен. В практической жизни он не занимал такого положения, в котором

эта потребность могла быть удовлетворена, и мало надеялся, что ему когда-либо удастся занять такое положение; поэтому все его устремления направились в научную область, и целью жизни стала та польза, которую он надеялся принести своей книгой. Если, несмотря на это, в нем все более и более крепло решение, чтобы труд вышел в свет лишь после его смерти, то это служит лучшим доказательством того, что к его благородному стремлению достигнуть своим сочинением возможно более крупных и прочных результатов не примешивалось ни малейшего тщеславия, жажды похвалы и признания со стороны современников, ни тени каких-либо эгоистических побуждений.

Так он продолжал усердно работать до весны 1830 г., когда был назначен на службу в артиллерию. Его деятельность приняла совершенно иное направление и достигла такого напряжения, что первое время ему пришлось отказаться от всякой литературной работы. Он привел в порядок свои бумаги, запечатал в отдельные пакеты, снабдил их соответствующими надписями и с грустью простился с любимой работой. В августе того же года состоялся его перевод в Бреславль, где он получил вторую артиллерийскую инспекцию; но уже в декабре он был переведен в Берлин на должность начальника штаба при графе фон Гнейзенау (на время, пока фельдмаршал состоял главнокомандующим). В марте 1831 г. он сопровождал своего уважаемого начальника в Познань. В ноябре, после тягостной для него кончины последнего, он

вернулся в Бреславль. Здесь некоторым утешением для него была надежда приняться за свой труд и, может быть, закончить его в течение зимы. Однако 7 ноября он прибыл в Бреславль, а 16-го его уже не стало, и собственноручно запечатанные им пакеты были вскрыты лишь после его смерти.

30 июня 1832 г.

Пояснения автора

Я смотрю на первые шесть частей, уже переписанных начисто, лишь как на довольно бесформенную пока массу, которая безусловно должна быть еще раз переработана. При этой переработке двойственность метода ведения войны будет очерчена резче, с уделением ей большего внимания. Таким путем все идеи приобретут более отчетливый смысл, определенное направление и приблизятся к практическому приложению. Двойственность метода ведения войны выражается в следующем. Целью войны может быть сокрушение врага, т. е. его политическое уничтожение или лишение возможности сопротивляться, вынуждающее его подписать любой мир, или же целью войны могут являться некоторые завоевания у границ своего государства, чтобы удержать их за собою или же воспользоваться ими как полезным залогом при заключении мира. Конечно, будут существовать и переходные формы между этими двумя видами войны, но глубокое природное различие двух указанных стремлений должно всюду ярко выступать, а их несовместимые стороны необходимо отделять одну от другой.

Помимо этого фактического различия между типами войн, надлежит точно и определенно установить еще практически столь же необходимую точку зрения, что война есть не что иное, как продолжение государственной политики ины-

ми средствами³. Если эта точка зрения будет всюду строго проведена, то она внесет большее единство в рассмотрение вопроса и поможет во всем легче разобраться. Хотя эта точка зрения найдет свое отражение главным образом в 8-й части этого сочинения, все же она должна быть подробно развита уже в 1-й части и принята в расчет при переработке первых шести частей. Благодаря такой переработке первые шесть частей освободятся от излишнего балласта, многие пробелы заполнятся и сгладятся, а некоторые общие места отольются в определенные мысли и приобретут законченную форму.

7-ю часть «Наступление», для которой уже набросаны отдельные главы, следует рассматривать как отражение, рефлекс части 6-й. Она должна быть разработана в соответствии с указанной выше основной точкой зрения и не только не потребует новой переделки, но может послужить образцом для разработки первых шести частей.

Для 8-й части «План войны», трактующей об организации войны в целом, уже набросано несколько глав, которые, однако, даже нельзя рассматривать как проработанный материал; это лишь попытка вработаться в его массу, с тем чтобы только в процессе самой работы распознать, в чем заключается дело. Эту задачу я считаю разрешенной, и, закончив 7-ю часть, я намерен приступить к разработке 8-й, в которой обе указанные выше точки зрения должны отчетливо выступить вперед; они должны упростить и тем самым одухотво-

³ Далее примечания, сделанные советской редакцией.

ритель всю мою систему взглядов. Надеюсь, что этой книгой мне удастся разглядеть кое-какие складки, образовавшиеся в мозгах стратегов и государственных людей; по крайней мере, она точно выяснит, о чем, собственно, идет речь и что следует учитывать при ведении войны.

Когда мне удастся путем разработки 8-й части установить полную ясность в своих мыслях и определить главнейшие очертания войны, то мне уже не будет трудно отразить этот дух и эти очертания войны в первых шести частях. Поэтому я приступлю к переработке первых шести частей лишь после окончания 8-й.

Если преждевременная смерть прервет эту мою работу, то все, что здесь написано, справедливо может быть названо бесформенной массой идей; подвергшись превратным толкованиям, они могут послужить материалом для злословия многих незрелых критиков. В подобных случаях всякий воображает, что мысли, которые ему взбредут в голову, едва он возьмется за перо, достаточно хороши, чтобы быть высказанными и даже напечатанными, причем они кажутся ему столь же неоспоримыми, как дважды два четыре. Но если бы такой критик дал себе труд, подобно мне, в течение многих лет размышлять над этим предметом, постоянно сопоставляя ход мыслей с историей войн, то он проявил бы в своих замечаниях большую осторожность.

И все же, несмотря на незаконченность моего труда, я полагаю, что читатель, свободный от предрассудков, жажду-

щий истины и подлинного убеждения, найдет в первых шести частях плод многолетних размышлений и усердного изучения войны и, быть может, усвоит те основные мысли, из которых может возникнуть целая революция в общепринятой теории.

Берлин, 10 июля 1827 г.

Помимо этого пояснения, между бумагами покойного оказался следующий незаконченный отрывок, по-видимому написанный значительно позднее:

«Рукопись о ведении большой войны, которую найдут после моей смерти, в настоящем ее виде должна оцениваться лишь как собрание отдельных частей, из которых должна была быть построена теория большой войны. Большой частью своего труда я еще не удовлетворен, а 6-я часть может рассматриваться лишь как опыт; мне хотелось бы ее совершенно переработать и найти для нее другое русло.

Однако главные линии в обрисовке войны, господствующие в этом материале, я считаю правильными; они являются результатом всестороннего размышления с постоянным уклоном к практике жизни, с постоянным учетом того, чему научили меня опыт и общение с выдающимися военными деятелями.

7-я часть должна была заключать наступление, но пока это только беглые наброски. 8-я часть должна была содержать в

себе план войны; в нее я предполагал включить особый разбор политической стороны войны, а также рассмотреть ее с точки зрения гуманности.

Единственной законченной я считаю I главу 1-й части. По отношению ко всему сочинению в целом она является указателем того направления, которого я намерен был держаться.

Теория большой войны, или так называемая стратегия, представляет чрезвычайные трудности, и можно с полным основанием утверждать, что немногие имеют об отдельных ее частностях представление ясное, т. е. доведенное до понимания зависимости, вытекающей из существующей между ними причинной связи. Большинство людей следует указанию только интуиции⁴ и действует более или менее удачно, в зависимости от степени присущей им гениальности.

Так действовали все великие полководцы; в том и заключались отчасти их величие и гениальность, что у них был такт – всегда попадать в цель. Так всегда будет в области практической деятельности; для нее интуиции совершенно достаточно. Однако, когда стоит вопрос не об индивидуальных действиях, а о том, чтобы на совещании убедить других, тогда необходимы ясность представления и способность усмотреть внутреннюю связь рассматриваемых явлений. Но так как люди мало развиты в этом отношении, то большинство совещаний сводится к беспочвенным прере-

⁴ Мы переводим словом «интуиция», которого Клаузевиц не употреблял, выражение «такт суждения». – *Ред.*

каниям, причем они заканчиваются либо тем, что каждый остается при своем мнении, либо соглашением, по которому одни уступают другим и останавливаются на среднем пути, по существу не имеющем никакой ценности.

Поэтому ясные представления в этих вопросах не бесполезны; кроме того, человеческому разуму вообще присуще стремление к ясности и установлению необходимой причинной связи.

Большие трудности, которые представляет такое философское наблюдение военного искусства, и многочисленные неудачные попытки его создать заставляют многих утверждать, что подобная теория невозможна, ибо речь идет о предметах, которые не охватываются каким-либо постоянным законом. Мы согласились бы с этим мнением и отказались бы от всякой попытки создать какую-либо теорию, если бы целый ряд положений не устанавливался с полной ясностью и без всякого труда, например: что оборона – более сильная форма войны, но преследующая лишь негативную цель, наступление же – более слабая форма, имеющая позитивную цель; что крупные успехи ставят в свою зависимость более мелкие и что поэтому стратегические воздействия можно свести к определенным главным ударам; что демонстрация представляет собою более слабое использование сил, чем действительное наступление, а потому она является допустимой лишь при наличии особых условий; что победа заключается не просто в захвате поля сражения, а в фи-

зическом и моральном сокрушении вооруженных сил противника, достигаемом большей частью лишь преследованием после выигранного сражения, что успех бывает наибольшим на том направлении, на котором одержана победа, а потому переброска с одной линии и с одного направления на другие может рассматриваться лишь как необходимое зло; что обход может оправдываться только превосходством над противником вообще или превосходством наших линий сообщения или путей отступления над неприятельскими; что фланговые позиции обуславливаются тем же соотношением, что каждое наступление по мере продвижения вперед ослабляет себя».

От автора

В наши дни нет надобности доказывать, что понятие о научном не заключается всецело или преимущественно в системе и в ее законченном ученом построении. В нашем изложении на первый взгляд нельзя найти никакой системы, а вместо законченного ученого построения для него имеются только отдельные части.

Научная форма заключается здесь в стремлении исследовать сущность явлений войны и показать их связь с природой элементов, из которых они состоят. Философские заключения не избегались, но в тех случаях, когда связь доходила до крайне тонкой нити, автор предпочитал ее обрывать и снова прикреплять к соответствующим явлениям опытного порядка. Подобно тому как некоторые растения приносят плоды лишь при условии, что они не слишком высоко вытянули свой стебель, так и в практических искусствах листья и цветы теории не следует гнать слишком вверх, но держать их возможно ближе к их родной почве – реальному опыту.

Бесспорно, было бы ошибкой пытаться узнать строение колоса по химическому составу пшеничного зерна; ведь вполне достаточно выйти в поле, чтобы увидеть готовый колос. Исследование и наблюдение, философия и опыт никогда не должны относиться друг к другу с пренебрежением или отрицанием: они поддерживают друг друга. Логические по-

строения, содержащиеся в этой книге, опираются небольшими сводами присущей им необходимости на внешние точки опоры: опыт или понятие сущности войны; таким образом, построения эти не лишены устоев⁵.

Написать систематическую, глубокую и содержательную теорию войны, может быть, и возможно, но все появившиеся до сих пор теории далеки от этого идеала. Не говоря уже об их полной ненаучности, надо признать, что в их стремлении к связанности и законченности системы они переполнены избитыми положениями, общими местами и всякого рода пустословием. Как яркий пример приведем цитату Лихтенберга из правил по тушению пожаров:

«Когда загорается дом, надо прежде всего стараться оградить от огня правую стену дома, стоящего налево от горящего дома, и левую стену дома, стоящего направо от него. Ибо если бы, для примера, мы захотели защитить левую стену стоящего влево дома, то, так как правая сторона дома стоит вправо от левой стены и так как огонь, в свою очередь, находится вправо и от этой стены, и от правой стены (ибо

⁵ Что у многих военных писателей, особенно у тех, которые хотели научно обосновать природу войны, дело обстоит иначе, доказывают многие примеры. В своих рассуждениях pro et contra (за и против) они уничтожают друг друга в такой степени, что в результате от них не остается даже хвостов, как в известном анекдоте о двух пожирающих друг друга львах. (*Примеч. первого немецкого издания.*) Это примечание во втором немецком издании (1853), с которым сверялся настоящий перевод, заканчивается словами: «уничтожают друг друга». Сравнение с пожирающими друг друга львами опущено. – *Ред.*

мы условились, что дом стоит влево от огня), правая стена оказывается расположенной ближе к огню, чем левая, и, следовательно, правая стена могла бы сгореть, если ее не защищать от огня раньше, чем огонь дойдет до левой, которая защищена; следовательно, кое-что могло бы сгореть, что не защищено, и притом раньше, чем загорится нечто другое, даже если бы последнее не защищалось, а потому надо оставить последнее и защищать первое. Чтобы точно запечатлеть все это в памяти, следует твердо усвоить одно правило: когда дом расположен вправо от огня, то защищать надо левую его стену; когда же дом расположен влево от огня, то правую».

Дабы не отпугнуть читателя, обладающего живым умом, такими общими местами и не обезвкусить водянистыми рассуждениями те немногие хорошие мысли, которые заключены в настоящей книге, автор предпочел сообщить в форме небольших зерен чистого металла то, чего он достиг в итоге многолетних размышлений о войне, общениях с людьми, знакомыми с военным делом, и разнообразного личного опыта. Так возникли внешне слабо связанные между собой главы этой книги, которые, однако, надо надеяться, не лишены внутренней связи. Может быть, скоро появится более могучая голова, которая вместо отдельных зерен даст единый слиток чистого металла без примеси шлака.

Часть первая. Природа войны

Глава I. Что такое война?

1. Введение

Мы предполагаем рассмотреть сначала отдельные элементы нашего предмета, затем его части и, наконец, весь предмет в целом, в его внутренней связи, т. е. переходить от простого к сложному. Однако здесь, больше чем где бы то ни было, необходимо начать со взгляда на сущность целого (войны); в нашем предмете, более чем в каком-либо другом, вместе с частью всегда должно мыслиться целое.

2. Определение

Мы не имеем в виду выступать с тяжеловесным государственно-правовым определением войны; нашей руководящей нитью явится присущий ей элемент – единоборство. Война есть не что иное, как расширенное единоборство. Если мы захотим охватить мыслью как одно целое все бесчисленное множество отдельных единоборств, из которых со-

стоит война, то лучше всего вообразить себе схватку двух борцов. Каждый из них стремится при помощи физического насилия принудить другого выполнить его волю; его ближайшая цель – сокрушить противника и тем самым сделать его неспособным ко всякому дальнейшему сопротивлению.

Итак, война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю.

Насилие использует изобретения искусств и открытия наук, чтобы противостоять насилию же. Незаметные, едва достойные упоминания ограничения, которые оно само на себя налагает в виде обычаев международного права, сопровождают насилие, не ослабляя, в сущности, его эффекта.

Таким образом, физическое насилие (ибо морального насилия вне понятий о государстве и законе не существует) является средством, а целью⁶ будет – навязать противнику нашу волю. Для вернейшего достижения этой цели мы должны обезоружить врага, лишить его возможности сопротивляться. Понятие о цели собственно военных действий и сводится к последнему. Оно заслоняет цель, с которой ведется война, и до известной степени вытесняет ее как нечто непосредственно к самой войне не относящееся.

⁶ В нашем научном языке термины «политическая цель войны» и «цель военных действий» уже укоренились, и мы сочли возможным удержать их. Читатель должен, однако, иметь в виду, что в первом случае Клаузевиц здесь употребляет слово «Zweck», а во втором – «Ziel». Как ни близки эти оба слова к русскому «цель», однако они представляют разные оттенки. – *Ред.*

3. Крайняя степень применения насилия

Некоторые филантропы могли бы, пожалуй, вообразить, что обезоружить и сокрушить противника можно искусственным образом, без особого кровопролития и что к этому именно и должно было бы стремиться военное искусство. Как ни соблазнительна такая мысль, тем не менее она содержит заблуждение, и его следует рассеять. Война – дело опасное, и заблуждения, имеющие своим источником добродушие, для нее самые пагубные. Применение физического насилия во всем его объеме никоим образом не исключает содействия разума; поэтому тот, кто этим насилием пользуется, ничем не стесняясь и не щадя крови, приобретает огромный перевес над противником, который этого не делает. Таким образом, один предписывает закон другому; оба противника до последней крайности напрягают усилия, и нет других пределов этому напряжению, кроме тех, которые ставятся внутренними противодействующими силами.

Так и надо смотреть на войну; было бы бесполезно, даже неразумно, из-за отвращения к суровости ее стихии упускать из виду ее природные свойства.

Если войны цивилизованных народов гораздо менее жестоки и разрушительны, чем войны диких народов, то это обуславливается как уровнем общественного состояния, на котором находятся воюющие государства, так и их взаимны-

ми отношениями. Война исходит из этого общественного состояния государств и их взаимоотношений, ими она обуславливается, ими она ограничивается и умеряется. Но все это не относится к подлинной сути войны, а является привходящим извне. Введение же в философию самой войны принципа ограничения и умеренности представляет полнейший абсурд.

Борьба между людьми проистекает в общем счете из двух совершенно различных элементов; из враждебного чувства и из враждебного *намерения*. Существенным признаком нашего определения мы выбрали второй из этих элементов как более общий. Нельзя представить даже самого первобытного, близкого к инстинкту чувства ненависти без какого-либо враждебного намерения; между тем часто имеют место враждебные намерения, не сопровождаемые абсолютно никаким или, во всяком случае, не связанные с особо выдающимся чувством вражды. У диких народов господствуют намерения, возникающие из эмоций, а у народов цивилизованных – намерения, обуславливаемые рассудком. Однако это различие вытекает не из существа дикого состояния или цивилизации, а из сопровождающих эти состояния обстоятельств, организации и пр. Поэтому в каждом отдельном случае это различие может и не иметь места, но в большей части случаев оно оказывается налицо; словом, и цивилизованные народы могут вспылать взаимной ненавистью.

Отсюда ясно, как ошибочно было бы сводить войну меж-

ду цивилизованными народами к голому рассудочному акту их правительств и мыслить ее как нечто все более и более освобождающееся от всякой страсти. В последнем случае достаточно было бы оценить физические массы противостоящих вооруженных сил и, не пуская их в дело, решить спор на основе соотношения между ними, т. е. подменить реальную борьбу решением своеобразной алгебраической формулы.

Теория двинулась уже было по этому пути, но последние войны⁷ излечили нас от подобных заблуждений. Раз война является актом насилия, то она неминуемо вторгается в область чувства. Если последнее и не всегда бывает ее источником, то все же война более или менее тяготеет к нему, и это «более или менее» зависит не от степени цивилизованности народа, а от важности и устойчивости враждующих интересов.

Таким образом, если мы видим, что цивилизованные народы не убивают пленных, не разоряют сел и городов, то это происходит оттого, что в руководство военными действиями все более и более вмешивается разум, который и указывает более действенные способы применения насилия, чем эти грубые проявления инстинкта.

Изобретение пороха и постепенное усовершенствование огнестрельного оружия в достаточной мере свидетельствуют о том, что и фактический рост культуры нисколько не парализует и не отрицает заключающегося в самом понятии вой-

⁷ Подразумеваются Наполеоновские войны. — *Ред.*

ны стремления к истреблению противника.

Итак, мы повторяем свое положение: война является актом насилия, и применению его нет предела; каждый из борющихся предписывает закон другому; происходит соревнование, которое теоретически должно было бы довести обоих противников до крайностей. В этом и заключается первое взаимодействие и первая крайность, с которыми мы сталкиваемся.

4. Цель военных действий – лишить противника возможности сопротивляться

Выше мы отметили, что цель военных действий заключается в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности сопротивляться. Теперь покажем, что это определение является необходимым для теоретического понимания войны.

Чтобы заставить противника выполнить нашу волю, мы должны поставить его в положение более тяжелое, чем та жертва, которую мы от него требуем при этом; конечно, невыгоды этого положения должны, по крайней мере на первый взгляд, быть длительными, иначе противник будет выжидать благоприятного момента и упорствовать.

Таким образом, всякие изменения, вызываемые продолжением военных действий, должны ставить противника в еще более невыгодное положение; по меньшей мере тако-

во должно быть представление противника о создавшейся обстановке. Самое плохое положение, в какое может попасть воюющая страна, – это полная невозможность сопротивляться. Поэтому, чтобы принудить противника военными действиями выполнить нашу волю, мы должны фактически обезоружить его или поставить в положение, очевидно угрожающее потерей всякой возможности сопротивляться. Отсюда следует, что цель военных действий должна заключаться в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности продолжать борьбу, т. е. сокрушить его.

Война не может представлять действия живой силы на мертвую массу, и при абсолютной пассивности одной стороны она вообще немыслима. Война всегда является столкновением двух живых сил; поэтому конечная цель военных действий (сокрушение противника) должна иметься у обеих сторон. Таким образом, мы опять встречаемся с процессом взаимодействия. Пока противник не сокрушен, я должен опасаться, что он сокрушит меня, следовательно, я не властен в своих действиях, потому что противник мне диктует законы точно так же, как я диктую их ему. Это и есть второе взаимодействие, приводящее ко второй крайности.

5. Крайнее напряжение сил

Чтобы сокрушить противника, мы должны соразмерить наше усилие s ; силой его сопротивления; последняя пред-

ставляет собою результат двух тесно сплетающихся факторов; *размера средств, которыми он располагает, и его воли к победе*⁸.

Размер средств противника до некоторой степени поддается определению (хотя и не вполне точному), потому что здесь все сводится к цифрам. Гораздо труднее учесть его волю к победе; мерилom здесь могут быть только побуждения, толкающие противника на войну. Определив указанным способом (с известной степенью вероятности) силу сопротивления противника, мы оцениваем наши силы и стремимся достичь перевеса их или же, в случае невозможности этого, доводим их до наивысшей доступной нам степени. Но к тому же стремится и наш противник; отсюда вновь возникает соревнование, заключающее в самом своем понятии стремление к крайности. Это составляет третье взаимодействие и третью крайность, с которыми мы сталкиваемся.

6. Изменения под влиянием действительности

Витая в области отвлеченных понятий, рассудок нигде не находит пределов и доходит до последних крайностей. И это вполне естественно, так как он имеет дело с крайностью – с конфликтом сил, предоставленных самим себе и не подчиненных никаким иным законам, кроме тех, которые за-

⁸ В подлиннике – «сила воли». – *Ред.*

ложены в них самих. Поэтому, если бы мы захотели взять отвлеченное понятие войны как единственную отправную точку для определения целей, которые мы будем выдвигать, и средств, которые мы будем применять, то при наличии постоянного взаимодействия между враждующими сторонами мы непременно впали бы в крайности, представляющие лишь игру понятий, выведенных при помощи едва заметной нити хитроумных логических построений. Если, строго придерживаясь абсолютного понимания войны, разрешать одним росчерком пера все затруднения и с логической последовательностью придерживаться того взгляда, что необходимо быть всегда готовым встретить крайнее сопротивление и самим развивать крайние усилия, то такой росчерк пера являлся бы чисто книжным измышлением, не имеющим никакого отношения к действительности.

Если даже предположить, что этот крайний предел напряжения есть нечто абсолютное, которое легко может быть установлено, то все же приходится сознаться, что человеческий дух с трудом подчинился бы таким логическим фантазмагориям. Во многих случаях потребовалась бы бесполезная затрата энергии; она встретила бы противовес в других принципах государственной политики; явилась бы надобность в такой усилки воли, которое не находилось бы в соответствии с намеченной целью, а потому и не могло бы быть достигнуто, ибо человеческая воля никогда не черпает своей силы из логических ухищрений.

Совершенно иная картина представляется в том случае, когда мы от абстракции перейдем к действительности. В области отвлеченного над всем господствовал оптимизм. Мы представляли себе одну сторону такой же, как и другая. Каждая из них не только стремилась к совершенству, но и достигла его. Но возможно ли это в действительности? Это могло бы иметь место лишь в случае:

1) если бы война была абсолютно изолированным актом, возникающим совершенно внезапно и не связанным с предшествующей государственной жизнью;

2) если бы она состояла только из одного решающего момента или из ряда одновременных решающих актов;

3) если бы она сама в себе заключала окончательное решение и на нее не оказывал бы влияния заблаговременный учет того политического положения, которое сложится после ее окончания.

7. Война никог да не является изолированным актом

Относительно первого условия надо заметить, что противники не являются друг для друга чисто отвлеченными лицами; не могут они быть отвлеченными и в отношении того фактора в; комплексе сопротивления, который не покоится на внешних условиях, а именно – воли. Эта воля не есть что-

то вовсе неизвестное; ее «завтра» делается сегодня⁹. Война не возникает внезапно; ее распространение (*Verbreitung*) не может быть делом одного мгновения. Поэтому каждый из обоих противников может судить о другом на основании того, что он есть и что он делает, а не на основании того, чем он, строго говоря, должен был бы быть и что он должен был бы делать. Человек же вследствие своего несовершенства никогда не достигает предела абсолютно лучшего, и, таким образом, проявления недочетов с обеих сторон служат умеряющим началом.

8. Война не состоит из одного удара, не имеющего протяжения во времени

Второй пункт наводит на следующие замечания. Если бы исход войны зависел только от одного решающего момента или от нескольких одновременных решающих актов, то все приготовления обладали бы тенденцией к крайности, потому что всякое упущение было бы непоправимым. В таком случае приготовления противника, поскольку они нам известны, были бы единственным предметом из мира действительности, который давал бы нам некоторое мерило, все же остальное принадлежало бы абстракции. Но раз решение войны заключается в ряде последовательных актов, то есте-

⁹ В оригинале буквально: «она проявляется в том, чем она будет завтра, в том, чем она была сегодня». — *Ред.*

ственно, что каждый предшествующий акт со всеми сопровождающими его явлениями может служить мерилom для последующего; таким образом, и здесь действительность вытесняет отвлеченное и умеряет стремление к крайности.

Несомненно, что всякая война заключалась бы в одном решительном или в нескольких одновременных решающих столкновениях, если бы предназначенные для борьбы средства выставлялись или могли бы быть выставлены сразу. Неудачное решение неизбежно уменьшает средства борьбы, и если бы они все были применены в первом же сражении, то второе было бы невысказимо. Военные действия, которые имели бы затем место, по существу являлись бы только продолжением первого.

Однако мы видели, что уже в подготовке к войне учет конкретной обстановки вытесняет отвлеченные понятия и на замену предпосылки крайнего напряжения вырабатывается какой-то реальный масштаб; таким образом, уже по одной этой причине противники в своем взаимодействии не дойдут до предела напряжения сил, и не все силы будут выставлены с самого начала.

Но и по природе и характеру этих сил они не могут быть применены и введены в действие все сразу. Эти силы – *собственно вооруженные силы, страна с ее поверхностью и населением и союзники.*

Страна с ее поверхностью и населением, помимо того, что она является источником всех вооруженных сил в собствен-

ном смысле этого слова, составляет сама по себе одну из основных величин, определяющих ход войны; часть страны образует театр военных действий; не входящие в последний области оказывают на него заметное влияние.

Конечно, можно допустить, что одновременно вступят в дело все подвижные боевые силы; но это невозможно в отношении крепостей, рек, гор, населения и пр., – словом, всей страны, если последняя не настолько мала, чтобы первый акт войны мог охватить ее целиком. Далее, сотрудничество союзников не зависит от воли воюющих сторон. В природе международных отношений заложены факторы такого порядка, которые обуславливают вступление союзников в войну лишь позднее; иногда союзники окажут помощь только для восстановления уже утраченного равновесия.

В дальнейшем изложении мы подробно остановимся на рассмотрении того обстоятельства, что часть сил сопротивления, которая не может сразу быть приведена в действие, часто составляет гораздо более значительную их долю, нежели это кажется на первый взгляд; благодаря этому, даже в тех случаях, когда первое решительное столкновение разыгрывается с большой мощью и в значительной мере нарушает равновесие сил, все же последнее может быть восстановлено. Здесь мы ограничимся лишь указанием, что природа войны не допускает *полного одновременного сбора всех сил*. Это обстоятельство само по себе не может служить основанием к тому, чтобы понижать напряжение сил для пер-

вого решительного действия; ведь неблагоприятный исход первого столкновения является всегда существенным ущербом, которому никто добровольно подвергаться не станет. Чем значительнее будет первый успех, тем благотворнее его влияние на последующие, несмотря на то что он не является единственным, определяющим конечную победу. Однако предвидение возможности отсрочить достижение победы приводит к тому, что человеческий дух в своем отвращении к чрезмерному напряжению сил прикрывается этим предлогом и не сосредоточивает и не напрягает своих сил в должной мере в первом решительном акте. Все те упущения, которые одна сторона допускает вследствие своей слабости, служат объективным основанием для другой стороны к умерению своего напряжения; здесь опять возникает взаимодействие, благодаря которому стремление к крайности низводится до степени умеренного напряжения.

9. Исход войны никогда не представляет чего-то абсолютного

Наконец, даже на окончательный, решающий акт всей войны в целом нельзя смотреть как на нечто абсолютное, ибо побежденная страна часто видит в нем лишь преходящее зло, которое может быть исправлено в будущем последующими политическими отношениями. Насколько такой взгляд должен умерять напряжение и интенсивность усилий,

ясно само собой.

10. Возможности действительной жизни вытесняют крайности и отвлеченные понятия

Таким образом, война освобождается от сурового закона крайнего напряжения сил. Раз перестают бояться и добиваться крайности, то рассудок получает возможность устанавливать пределы потребного напряжения сил. Данные, вытекающие из явлений действительной жизни, подвергаются оценке на основе законов вероятности. Раз оба противника уже перестали быть отвлеченными понятиями, а являются индивидуальными государствами и правительствами, раз война – уже не отвлеченное понятие, а своеобразно складывающийся ход действий, то данными для раскрытия ожидаемого неизвестного будут служить действительные явления.

Исходя из характера организации, состояния и положения противника и руководствуясь теорией вероятности, каждая из борющихся сторон будет строить свою оценку его намерений и соответственно намечать собственные действия.

11. Политическая цель войны вновь выдвигается на первый план

Здесь снова в поле нашего исследования попадает тема,

которую мы уже рассматривали (п. 2): *политическая цель войны*. Закон крайности – намерение обезоружить противника, сокрушить его – до сих пор в известной степени заслонял эту цель. Но, поскольку закон крайности теряет в своей силе, а с ним отступает и стремление сокрушить противника, постольку политическая цель снова выдвигается на первый план. Если все обсуждение нужного напряжения сил представляет собою лишь расчет вероятностей, основывающихся на определенных лицах и обстоятельствах, то *политическая цель* как *первоначальный мотив* должна быть весьма существенным фактором в этом комплексе. Чем меньше жертва, которой мы требуем от нашего противника, тем меньше сопротивления мы можем от него ожидать. Но чем ничтожнее наши требования, тем слабее будет и наша подготовка. Далее, чем незначительнее наша политическая цель, тем меньшую цену она имеет для нас и тем легче отказаться от ее достижения, а потому и *наши усилия будут менее значительны*.

Таким образом, политическая цель, являющаяся первоначальным мотивом войны, служит мерилom как для цели, которая должна быть достигнута при помощи военных действий, так и для определения объема необходимых усилий. Поскольку мы имеем дело с реальностью, а не с отвлеченными понятиями, и политическую цель нельзя рассматривать абстрактно, саму в себе; она находится в зависимости *от взаимоотношений обоих государств*. Одна и та же поли-

тическая цель может оказывать весьма одинаковое действие не только на разные народы, но и на один и тот же народ в разные эпохи. Поэтому политическую цель можно принимать за мерило, лишь *отчетливо представляя себе ее действие на народные массы, которые она должна всколыхнуть*. Вот почему на войне необходимо считаться с природными свойствами этих масс. Легко понять, что результаты нашего расчета могут быть чрезвычайно различны в зависимости от того, преобладают ли в массах элементы, действующие на напряжение войны в повышательном направлении или в понижительном. Между двумя народами, двумя государствами может оказаться такая натянутость отношений, в них может скопиться такая сумма враждебных элементов, что совершенно ничтожный сам по себе политический повод к войне вызовет напряжение, далеко превосходящее значимость этого повода, и обусловит подлинный взрыв.

Все это касается усилий, вызываемых в обоих государствах политической целью, а также цели, которая будет поставлена военным действиям. Иногда политическая цель может совпасть с военной, например завоевание известных областей. Порой политическая цель не будет сама по себе пригодна для того, чтобы служить выражением цели военных действий. Тогда в качестве последней должно быть выдвинуто нечто, могущее считаться эквивалентным намеченной политической цели и пригодным для обмена на нее при заключении мира. Но и при этом надо иметь в виду индивиду-

альные особенности заинтересованных государств. Бывают обстоятельства, при которых эквивалент должен значительно превышать размер требуемой политической уступки, чтобы достичь последней. Политическая цель имеет тем более решающее значение для масштаба войны, чем равнодушнее относятся к последней массы и чем менее натянуты в прочих вопросах отношения между обоими государствами. Бывают случаи, что только ею одной определяется степень обоюдных усилий.

Раз цель военных действий должна быть эквивалентна политической цели, то первая будет снижаться вместе со снижением последней, и притом тем сильнее, чем полнее господство политической цели. Этим объясняется, что война, не насилуя своей природы, может воплощаться в весьма разнообразные по значению и интенсивности формы, начиная от войны истребительной и кончая выставлением простого вооруженного наблюдения. Последнее приводит нас к новому вопросу, который нам предстоит еще развить и дать на него ответ.

12. Этим еще не объясняются паузы в развитии военных действий

Как бы ни были незначительны взаимные политические требования обоих противников, как ни слабы выдвинутые с обеих сторон силы, как ни ничтожна задача, поставленная

военными действиями, – может ли развитие войны замереть хотя бы на одно мгновение? Это – вопрос, проникающий глубоко в самую сущность предмета.

Каждое действие требует для его выполнения известного времени, которое мы назовем *продолжительностью действия*. Последняя может быть большей или меньшей в зависимости от поспешности, вкладываемой в нее действующей стороной.

Эта большая или меньшая степень поспешности нас в настоящую минуту не интересует. Каждый исполняет свое дело по-своему. Медлитель не потому ведет свое дело кропотливо, что желает потратить на него больше времени, а потому, что это свойственно его природе, и при спешке он выполнил бы его хуже. Следовательно, затрачиваемое время зависит от внутренних причин, а его количество составляет продолжительность действия.

Если мы каждому действию на войне предоставим свойственную ему продолжительность, то будем вынуждены, по крайней мере на первый взгляд, признать, что всякая затрата времени сверх этой продолжительности (т. е. приостановка военных действий) бессмысленна. При этом не следует забывать, что здесь речь идет не о продвижении вперед одного или другого противника, а о поступательном ходе военных действий в целом.

13. Основание для задержки действий может быть только одно, и оно всегда, казалось бы, может быть только у одной стороны

Если обе стороны изготовились к борьбе, то к этому их побудило некоторое враждебное начало; до тех пор, пока они не сложили оружия, т. е. не заключили мира, это враждебное начало остается в силе; оно может временно смолкнуть у какой-либо из воюющих сторон лишь при условии, *что последняя хочет выждать более благоприятного времени для действия*¹⁰. На первый взгляд, казалось бы, это условие может иметься налицо лишь у одной из сторон, ибо оно *eo ipso*¹¹ становится для другой противоположным началом. Раз в интересах одного – действовать, в интересах другого – выждать.

Полное равновесие сил не может вызвать приостановки в развитии военных действий, так как в этом случае сторона, поставившая себе положительную задачу (нападающая), должна продолжать наступление.

Наконец, представим себе равновесие в том смысле, что тот, у кого политическая цель войны положительная, а следовательно, имеется более сильный мотив наступать, в то же

¹⁰ Клаузевиц вместо термина «операция» употреблял термин «действие». – Ред.

¹¹ Тем самым.

время располагает меньшими силами, так что равновесие получается из сочетания мотивов и сил;

в этом случае надо сказать, что, если нет основания ожидать перемены в состоянии равновесия, обеим сторонам следует заключить мир; если же предвидится изменение равновесия, то оно может быть благоприятным лишь для одной из сторон, а следовательно, должно побуждать другую приступить к действиям. Мы видим, что понятие равновесия не объясняет приостановки действий, и в этом случае дело опять сводится к выжиданию благоприятного момента.

Предположим, что одно из двух государств поставило себе положительную цель: завоевать известную область противника, чтобы получить нужную уступку при заключении мира. После завоевания политическая цель оказывается достигнутой, потребность в действиях исчезает, наступает успокоение. Если и противник готов примириться с этим успехом, он заключит мир; в противном же случае он будет действовать. Представим себе, что через 4 недели он будет лучше для этого подготовлен; таким образом, у него будет достаточное основание для отсрочки своих операций.

Но логическая необходимость, казалось бы, должна заставить с этого момента действовать противную сторону с тем, чтобы не дать времени побежденному подготовиться к новой борьбе. Здесь, конечно, предполагается верная оценка всех обстоятельств данного случая обеими сторонами.

14. Тогда возникла бы непрерывность военных операций, которая снова толкала бы к крайним усилиям

Если бы такая непрерывность военных действий имела место в действительности, то она вновь толкала бы обе стороны к крайности. От такой деятельности, не знающей удержу и отдыха, настроение повысилось бы еще сильнее и придало бы борьбе еще большую степень страстности и стихийной силы. Благодаря непрерывности действий возникла бы более строгая последовательность, более ненарушимая причинная связь, и тем самым единичное действие стало бы более значительным и, следовательно, более опасным.

Однако мы знаем, что военные действия редко или даже никогда так непрерывно не ведутся. Известно множество войн, в которых операции занимали самую незначительную часть, остальное же время тратилось на паузы. Все же эти войны нельзя признать аномалией. Паузы в развитии военных действий вполне возможны и не должны являться противоречием по отношению к природе войны. Мы покажем теперь, что это именно так.

15. Здесь, следовательно, выдвигается принцип полярности (диаметральной противоположности)

Представляя себе интерес одного *полководца как величину, всегда противоположную* интересам другого, мы становимся на точку зрения признания подлинной *полярности*. В дальнейшем мы посвятим этому принципу отдельную главу, здесь же скажем о нем следующее.

Принцип полярности имеет силу лишь тогда, когда он мыслится по отношению к одному и тому же предмету, где положительная величина и ее противоположность (величина отрицательная) друг друга безусловно уничтожают. В сражении и та и другая сторона желает победить; это – подлинная полярность: победа одного уничтожает победу другого. Но если речь идет о двух различных явлениях, имеющих между собою общую связь, лежащую вне их, то полярны между собою не *эти явления*, а их отношения.

16. Нападение и оборона – явления различного рода и неравной силы, поэтому полярность к ним неприменима

Если бы существовала лишь одна форма войны, а имен-

но нападение на противника, и не было бы обороны, или, иными словами, если бы наступление отличалось от обороны лишь преследованием позитивной цели, присущей первому и отсутствующей у второй, а сама борьба была бы всегда одной и той же, то в такой борьбе всякий успех одного был бы в то же время неудачей другого, и полярность действительно оказалась бы налицо.

Однако военные действия проявляются в двух формах – наступлении и обороне, которые, как мы ниже покажем на фактических примерах, весьма различны по своей природе и не равны по силе. Поэтому полярность заключается в их отношении к решающему моменту, т. е. к бою, но отнюдь не в самом наступлении и обороне.

Если один полководец желает отсрочить решающий момент, то другой должен желать его ускорения, но лишь при условии, что он останется при избранной им форме ведения борьбы. Если интерес А заключается в том, чтобы напасть на противника не теперь, а через 4 недели, то интерес Б сведется к тому, чтобы быть атакованным не на 4 недели позже, а сейчас же. В этом заключается непосредственное противоположение; но отсюда вовсе не следует, что в интересах Б было бы теперь напасть на А; это представляет явление совершенно другого порядка.

17. Действие полярности часто уничтожается превосходством обороны над наступлением; этим и объясняются паузы в развитии военных действий

Раз оборона сильнее наступления (мы это докажем в дальнейшем), то возникает вопрос, настолько ли выгодна *отсрочка решения* для первой стороны, насколько выгодна *оборона* для второй? Где этого нет, там противоположности не уравниваются и, следовательно, течение военных действий будет обусловлено другими соображениями. Таким образом, как мы видим, побудительная сила, присущая полярности интересов, может затеряться в различии силы обороны и наступления и тем самым стать недейственной.

Итак, если тот, для кого настоящий момент благоприятен, настолько слаб, что не может отказаться от выгод обороны, то ему приходится мириться с ожиданием менее благоприятного для него будущего. Ему, быть может, все-таки выгоднее будет хотя бы и в этом неблагоприятном будущем вести оборонительный бой, чем переходить теперь в наступление или заключать невыгодный мир. А так как, по нашему убеждению, превосходство обороны (правильно понятой) чрезвычайно велико и гораздо больше, чем может казаться на первый взгляд, то это и может служить объяснением большин-

ства пауз в развитии военных действий, отнюдь не противоречащих самой природе войны. Чем менее важны цели, преследуемые на войне, тем чаще и продолжительнее будут паузы вследствие различной силы обеих форм борьбы (нападения и обороны). Все это подтверждается опытом прошлого.

18. Вторая причина заключается в недостаточном проникновении в обстановку

Приостановку военных действий может вызвать также недостаточное уразумение создавшейся обстановки. Каждый полководец знает точно только собственное положение. Представление о положении противника он составляет, не имея вполне достоверных сведений. Полководец может ошибаться в своем суждении и вследствие этой ошибки полагать, что наступил момент для действий противника, в то время как в действительности следовало бы действовать ему самому. Такой недостаток разума обстановки может, конечно, вызвать как несвоевременное действие, так и несвоевременное воздержание от него; сам по себе он не способствует ни задержке военных действий, ни их ускорению. Однако недостаточное проникновение в обстановку всегда должно рассматриваться как одна из естественных причин, отнюдь *не противоречащих природе войны и могущих приостановить ход военных действий*. Если принять во внимание, что мы всегда склонны и имеем больше оснований переоценивать

силы противника, чем недооценивать их (такова человеческая природа), то приходится признать, что недостаточное проникновение в обстановку очень способствует задержке военных действий и является началом, умеряющим напряжение последних.

Возможность пауз, в свою очередь, вносит в развитие военных действий умеряющее начало, ибо паузы с течением времени уменьшают до известной степени интенсивность ведения войны, задерживают надвигающуюся опасность и увеличивают средства к восстановлению нарушенного равновесия. Чем напряженнее было положение, из которого возникла война, тем выше ее энергия и тем короче будут паузы, и, наоборот, паузы будут тем длиннее, чем слабее напряжение войны. Преследование более крупных целей повышает волю к победе, а последняя, как мы знаем, является крупным фактором, творящим силу.

19. Частые паузы в развитии военных действий еще более удаляют войну от абсолюта и еще более ставят ее в зависимость от учета возможностей

Чем медленнее протекают военные действия, чем чаще и длительнее остановки в них, тем легче бывает исправить ошибку, тем смелее становится действующая сторона в сво-

их предположениях, тем меньше она приближается к черте крайности и строит все на учете возможностей (вероятностей). Для оценки же обстановки в условиях, определяемых самой природой конкретного случая, быстрый или медленный ход военных действий предоставляет большее или меньшее количество времени.

20. Таким образом, чтобы обратить войну в игру, нужен лишь элемент случайности, но в нем никогда недостатка нет

Отсюда мы видим, насколько объективная природа войны сводит ее к учету шансов; теперь недостает лишь одного элемента, чтобы обратить ее в *игру*, – это *случай*.

Никакая другая человеческая деятельность не соприкасается со случаем так всесторонне и так часто, как война. Наряду со случаем в войне большую роль играет неведомое, риск, а вместе с ним и счастье.

21. Война обращается в игру не только по своей объективной, но и по субъективной природе

Если рассмотреть *субъективную природу* войны, т. е. те силы, с которыми приходится ее вести, то она еще резче представится нам в виде игры. Стихия, в которой протекает

военная деятельность, – это опасность; *мужеству* отводится самая важная роль.

Правда, мужество может уживаться с мудрым расчетом, но оба эти качества совершенно разного порядка и отражают различные духовные силы человека; напротив, *отвага, вера в свое счастье, смелость, лихость* – не что иное, как проявление мужества, ищущего неведомого риска потому, что там – его стихия.

Итак, с самого начала мы видим, что абсолютное, так называемое математическое, нигде в расчетах военного искусства не находит для себя твердой почвы. С первых же шагов в эти расчеты вторгается игра разнообразных возможностей, вероятность счастья и несчастья. Эти элементы проникают во все детали ведения войны и делают руководство военными действиями, по сравнению с другими видами человеческой деятельности, более остальных похожим на карточную игру.

22. В общем это часто находит отклик в духовной природе человека

Хотя наш рассудок постоянно стремится к ясности и определенности, но наш дух (*Geist*) часто привлекается неведомым. Дух человека почти никогда не идет вместе с рассудком по узкой тропе философского исследования и логических умозаключений; ведь, двигаясь по этому пути, он почти бес-

сознательно достигает таких областей, где все ему родственное и близкое кажется оторванным, оставшимся далеко позади; поэтому дух человека и его воображение предпочитают пребывать в царстве случая и счастья. Взамен скудной необходимости он роскошествует там среди богатств возможного; вдохновляемое последними мужество окрыляется, и, таким образом, риск, дерзание и опасность становятся той стихией, в которую мужество устремляется подобно отважному пловцу, бросающемуся в бурный поток.

Должна ли теория покинуть его здесь и самодовольно идти вперед путем абсолютных заключений и правил? Если так, то она бесполезна для жизни. Теория обязана считаться с человеческой природой и отвести подобающее место мужеству, смелости и даже дерзости. Военное искусство имеет дело с живыми людьми и моральными силами; отсюда следует, что оно никогда не может достигнуть абсолютного и достоверного. Для риска всегда остается простор, и притом одинаково широкий как в самых великих, так и в самых малых делах. Риску противопоставляются храбрость и вера в свои силы. Насколько велики последние, настолько же велик может быть и риск – простор, предоставленный неведомому. Таким образом, мужество и вера в свои силы являются для войны существенными началами; поэтому теория должна выдвигать лишь такие законы, в сфере которых эти необходимые и благороднейшие военные добродетели могут свободно проявляться во всех своих степенях и видоизменени-

ях. И в риске есть своя мудрость и даже осторожность, только измеряются они особым масштабом.

23. Война тем не менее всегда остается серьезным средством для достижения серьезной политической цели. Ближайшее определение войны

Такова война, таков руководящий ею полководец и такова теория, которая ее регулирует. Но война – не забава, она – не простая игра на риск и удачу, не творчество свободного вдохновения; она – серьезное средство для достижения серьезной цели. Все цвета радуги, которыми переливается счастье на войне, все волнения страстей, храбрость, фантазия и воодушевление, входящие в ее содержание, – все это только специфические особенности войны как средства.

Война в человеческом обществе – война целых народов, и притом народов цивилизованных, – всегда вытекает из политического положения и вызывается лишь политическими мотивами. Она, таким образом, представляет собой политический акт. Если бы она была совершенным, ничем не стесняемым, абсолютным проявлением насилия, какой мы определили ее, исходя из отвлеченного понятия, то она с момента своего начала стала бы прямо на место вызвавшей ее политики как нечто от нее совершенно не зависимое. Война вы-

теснила бы политику и, следуя своим законам, подобно взорвавшейся мине, не подчинилась бы никакому управлению и никакому руководству, а находилась бы в зависимости лишь от приданной ей при подготовке организации. Так до сих пор и представляли это дело всякий раз, когда недостаток в согласованности между политикой и стратегией приводил к попыткам теоретического опознания. Однако дело обстоит иначе, и такое представление в самой основе своей совершенно ложно. Действительная война, как видно из сказанного, не является крайностью, разрешающей свое напряжение одним единственным разрядом. Она находится под действием сил, развивающихся не вполне одинаково и равномерно; порою прилив этих сил оказывается достаточным для того, чтобы преодолеть сопротивление, оказываемое им инерцией и трением, порою же они слишком слабы, чтобы проявить какое-либо действие. Война представляет до известной степени пульсацию насилия, более или менее бурную, а следовательно, более или менее быстро разрешающую напряжение и истощающую силы. Иначе говоря, война более или менее быстро приходит к финишу, но течение ее, во всяком случае, бывает достаточно продолжительным для того, чтобы дать ему то или другое направление, т. е. сохранить подчинение ее руководящей разумной воле.

Если принять во внимание, что исходной данной для войны является известная политическая цель, то естественно, что мотивы, породившие войну, остаются первым и высшим

соображением, с которым должно считаться руководство войной. Но из этого не следует, что политическая цель становится деспотическим законодателем; ей приходится считаться с природой средства, которым она пользуется, и в соответствии с этим самой часто подвергаться коренному изменению; тем не менее политическая цель является тем, что прежде всего надо принимать в соображение. Таким образом, политика будет проходить красной нитью через всю войну и оказывать на нее постоянное влияние, разумеется, поскольку это допустит природа сил, вызванных к жизни войной.

24. Война есть просто продолжение политики другими средствами

Итак, мы видим, что война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, осуществление их другими средствами. То, что еще остается в ней своеобразного, относится лишь к своеобразию ее средств. Военное искусство в целом и полководец в каждом отдельном случае вправе требовать, чтобы направление и намерения политики не вступали бы в противоречие с военными методами. Это требование отнюдь не является незначительным; но сколь бы сильно полководец в отдельных случаях ни воздействовал на политические намерения, это воздействие следует рассматривать только как ви-

доизменение их, ибо политическое намерение является целью, война же только средство, а никогда нельзя мыслить средство без цели.

25. Виды войны

Чем грандиознее и сильнее мотивы войны, тем больше они охватывают все бытие народов; чем сильнее натянутость отношений, предшествовавших войне, тем больше война приблизится к своей абстрактной форме, тем больше вопрос сведется к тому, чтобы сокрушить врага, тем более военная и политическая цели совпадут, тем больше война представится чисто военной, менее политической. Чем слабее мотивы войны и напряжение, тем меньше естественное направление военного элемента (насилия) будет совпадать с линией, которая диктуется политикой, и, следовательно, тем значительнее война будет отклоняться от своего естественного направления. Чем сильнее политическая цель расходится с целью *идеальной* войны, тем больше кажется, что война становится политической.

Но мы должны здесь, во избежание неправильных представлений у читателя, заметить, что под этой *естественной тенденцией* войны мы подразумеваем только философскую, собственно *логическую* тенденцию, а не тенденцию действительных сил, находящихся в столкновении; не следует подразумевать под этим, например, все духовные силы и стра-

сти сражающихся. Правда, последние в некоторых случаях могут находиться в состоянии такого возбуждения, что их трудно сдерживать в пределах, намечаемых политикой; однако большей частью такого противоречия не возникает, ибо при существовании столь сильных импульсов возник бы и соответствующий грандиозный политический план. В тех же случаях, когда план нацеливается на малое, обычно и подъем духовных сил в массах оказывается ничтожным, и эту массу скорее приходится подталкивать, чем сдерживать.

26. Все виды войны могут рассматриваться как политические действия

Итак, возвращаясь к главному, если верно, что при одном виде войны политика как будто совершенно исчезает, в то время как при другом – выступает весьма определенно, то все же можно утверждать, что первый вид войны является в такой же мере политическим, как и другой. Ведь если на политику смотреть как на разум олицетворенного государства, то в сочетания, охватываемые его расчетом, могут входить и такие сочетания, при которых характер создавшихся отношений вызывает войну первого вида.

Второй вид войны можно было бы считать более охватываемым политикой только в том случае, если под политикой условно разуметь не всестороннее проникновение, а осторожное, лукавое, да пожалуй, и нечестное мудрствование,

избегающее открытого употребления силы.

27. Последствия такого взгляда для понимания военной истории и для основ теории

Итак, мы видим, во-первых, что ни при каких условиях мы не должны мыслить войну *как нечто самостоятельное*, а должны ее рассматривать как орудие политики; только при этом представлении возможно избежать противоречия со всей военной историей. Только при этом представлении эта великая книга становится доступной разумному пониманию. Во-вторых, именно такое понимание показывает нам, сколь различны должны быть войны по характеру своих мотивов и тех обстоятельств, из которых они зарождаются.

Первый, самый великий, самый решительный акт суждения, который выпадает на долю государственного деятеля и полководца, заключается в том, что он должен правильно опознать в указанном отношении предпринимаемую войну; он не должен принимать ее за нечто такое, чем она при данных обстоятельствах не может быть, и не должен стремиться противоестественно ее изменить. Это и есть первый, наиболее всеобъемлющий из всех стратегических вопросов; ниже, при рассмотрении плана войны, мы остановимся на нем подробнее. Пока мы ограничимся тем, что установим основную точку зрения на войну и на ее теорию. Итак, война бывает не только настоящим хамелеоном, так как она в каж-

дом конкретном случае несколько изменяет свою природу, но также и в своих общих проявлениях, по отношению к господствующим в ней тенденциям, она представляет собой своеобразную трицу, составленную из насилия как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать как *слепой природный инстинкт*, из игры вероятностей и случайностей, что делает ее *свободной душевной деятельностью*; из подчиненности ее в качестве орудия политике, благодаря чему она становится достоянием непосредственно *рассудка*.

Первая из этих трех сторон обращена больше к *народу*, вторая к полководцу и его *войску*, а третья к правительству. Страсти, разгорающиеся во время войны, должны существовать в народах еще до ее начала; размах, который приобретает игра храбрости и таланта в царстве вероятностей и случайностей, зависит от индивидуальных свойств полководца и особенностей армии; политические же цели войны принадлежат исключительно правительству.

Эти три тенденции, представляющие как бы три различных ряда законов, глубоко коренятся в природе самого предмета и в то же время изменчивы по своей величине. Теория, которая захотела бы пренебречь одной из них или пыталась бы установить между ними произвольное соотношение, тотчас впала бы в такое резкое противоречие с действительностью, что поставила бы на себе крест.

Таким образом, задача теории – сохранить равновесие

между этими тремя тенденциями как между тремя точками притяжения.

Отыскание путей для разрешения этой трудной задачи составляет предмет нашего исследования в части этого сочинения, названной «О теории войны». Во всяком случае, только что установленное понятие войны явится первым лучом света, который осветит построение теории и даст нам возможность разобраться в огромном ее содержании.

Глава II. Цель и средства в войне

Познакомившись в предыдущей главе с изменчивой и сложной природой войны, приступим к исследованию влияния этой природы на цели и средства войны.

Если мы начнем с вопроса о цели военных действий, на которую должна ориентироваться вся война в целом, чтобы быть надежным орудием политики, то мы увидим, что эта военная цель столь же изменчива, как изменчива политическая цель, как различны условия войны.

Если мы начнем с того, что вернемся к отвлеченному понятию войны, то нам придется сказать, что собственно политическая цель войны находится вне ее пределов, ибо если война есть акт насилия, направленный на то, чтобы принудить противника выполнить нашу волю, то *все всегда* должно было бы сводиться к сокрушению врага, т. е. к лишению его возможности оказывать сопротивление. Сначала рассмотрим в обстановке реальности эту выведенную из чистого понятия цель; действительность дает нам много приближающихся к ней случаев.

Впоследствии при рассмотрении плана войны мы подробнее исследуем, что значит *обезоружить государство*, лишить его возможности оказывать сопротивление; пока же мы будем различать три элемента, являющихся объектами общего порядка, охватывающими все остальное. Это – *воору-*

женные силы, территория и воля противника.

Вооруженные силы противника должны быть уничтожены, т. е. приведены в состояние, в котором они уже не могут продолжать борьбу. Следует иметь в виду, что впредь мы будем разуметь «уничтожение вооруженных сил противника» именно в этом значении.

Территория должна быть завоевана, потому что она может явиться источником новых вооруженных сил.

Но даже после достижения того и другого нельзя считать, что война (враждебное напряжение и действие враждебных сил) прекратилась, пока не сломлена воля противника, т. е. его правительство и союзники не принуждены подписать мир или народ не приведен к покорности, потому что даже в то время, когда мы вполне овладеем неприятельской страной, борьба может снова возгореться внутри страны или при содействии союзников врага извне. Конечно, такой случай может иметь место и *после* заключения мира, но это лишь доказывает, что не всякая война приносит с собой полное решение и окончательную развязку. Впрочем, при заключении мира каждый раз угасает множество искр, которые втихомолку продолжали бы тлеть, напряжение обеих сторон ослабевает, потому что все склонные к миру умы, а таких в каждом народе и при всех обстоятельствах немало, окончательно отходят от линии сопротивления. Во всяком случае, с заключением мира следует считать цель достигнутой и дело войны исчерпанным.

Так как из трех указанных выше элементов вооруженные силы противника предназначены для обороны страны, то естественный порядок действий заключается в том, чтобы сперва уничтожить вооруженные силы, затем завоевать страну и благодаря этим двум успехам и положению, которое мы тогда займем, принудить неприятеля к заключению мира. Обычно уничтожение вооруженных сил неприятеля происходит постепенно, и с той же последовательностью, шаг за шагом, идет завоевание страны. При этом одно влияет на другое; потеря областей, в свою очередь, ведет к ослаблению вооруженных сил. Но такой порядок, конечно, необязателен и потому не всегда имеет место. Вооруженные силы неприятеля могут, не подвергая себя чувствительным ударам, отступить к противоположной границе страны или даже за ее пределы. При таких обстоятельствах большая часть страны или даже вся страна окажется завоеванной.

Однако эта *цель абстрактной войны* — лишить неприятеля возможности сопротивляться — лишь крайнее средство для достижения политической цели, в котором концентрируются все остальные; в действительности полное обезоруживание врага далеко не всегда имеет место и не является необходимым условием для заключения мира, а следовательно, и не может выдвигаться теорией как непререкаемый закон. Существует множество примеров, когда заключение мира имело место раньше, чем одна из воюющих стран могла быть признана лишенной возможности сопротивляться, да-

же раньше, чем произошло заметное нарушение равновесия. Мало того, если мы обратимся к конкретным примерам, то будем вынуждены признать, что в целом ряде таких случаев, а именно когда противник значительно сильнее, сокрушение его являлось бы бесплодной игрой фантазии.

Причина, почему цель, выведенная из отвлеченного понятия войны, не всегда оказывается уместной в войне действительной, заключается в том различии между ними, которое установлено нами в предыдущей главе. Если бы война была такой, какой она является в отвлеченном понятии, то между двумя государствами, обладающими заметно неравными силами, она была бы абсурдной, невозможной. Неравенство физических сил не должно было бы превосходить того предела, который можно уравновесить силами моральными; а этот предел в европейских странах при современном состоянии нашего общества очень близок. Поэтому, если войны и ведутся между государствами, обладающими *далеко не равными силами*, то это происходит оттого, что война, *как она протекает в действительности, часто значительно отличается от ее начального, отвлеченного понятия.*

Есть два обстоятельства, которые могут служить, помимо полной невозможности сопротивляться, мотивом к заключению мира. Первое – невероятность успеха, второе – слишком высокая его цена.

Война в целом, как мы видели в предыдущей главе, уклоняется от строгого закона внутренней необходимости и идет

по пути, указываемому оценкой обстановки; и это происходит тем чаще, чем больше приходится приспособляться войне к тем отношениям, из которых она возникла, чем ничтожнее мотивы и степень напряженности этих отношений. Отсюда понятно, что из самого учета возможностей могут возникнуть мотивы к заключению мира. Таким образом, не всегда является надобность доводить войну до полного сокрушения одной из сторон. Если причины взаимного напряжения незначительны, надо полагать, что будет достаточно одного призрака будущих неудач, чтобы принудить к уступчивости сторону, перед которой этот призрак обозначился. Если другая сторона убеждена в этом, то естественно, что она будет стремиться лишь к тому, чтобы создать *эту возможность*, и не станет на кружной путь – добиваться полного сокрушения неприятеля.

Еще более широкое влияние на решение заключить мир оказывают соображения о совершенной уже и еще предстоящей затрате сил. Так как война не является слепым актом страсти, а в ней господствует политическая цель, то ценность последней должна определять размер тех жертв, которыми мы готовы купить ее достижение. Это одинаково касается как *объема*, так и *продолжительности* принесения жертв. Таким образом, как только потребуется затрата сил, превышающая ценность политической цели, от последней приходится отказываться; в результате заключается мир.

В войнах, где ни та ни другая сторона не в состоянии окон-

чательно лишить своего противника возможности сопротивления, мотивы к заключению мира у обеих сторон то растут, то уменьшаются в зависимости от оценки вероятности будущих успехов и требуемой затраты усилий. Если бы эти мотивы оказались одинаковой силы у обеих сторон, то последние сошлись бы на середине их политических претензий; когда основания к заключению мира усиливаются у одной стороны, они должны ослабевать у другой; но если сумма мотивов обеих сторон окажется достаточной, то мир будет заключен, разумеется, с выгодой для той стороны, у которой побуждения к заключению мира будут слабее.

Мы сознательно не касаемся здесь различия, которое непременно должно сказаться на военных действиях под влиянием *позитивной или негативной* природы политической цели. Хотя оно и имеет огромное значение, что будет указано ниже, здесь мы должны пока оставаться на общей точке зрения. Первоначальные политические намерения подвергаются в течение войны значительным изменениям и в конце концов могут сделаться совершенно иными *именно потому, что они определяются достигнутыми успехами и их вероятными последствиями.*

Тут возникает вопрос: каким путем возможно воздействовать на вероятность успеха? Прежде всего, конечно, при помощи тех же средств, которые ведут к сокрушению, – *уничтожение вооруженных сил противника и завоевание территории*; но эти средства уже несколько отличаются от того,

чем они были при нашем устремлении к сокрушению. Далеко не одно и то же, когда мы нападаем на неприятеля в расчете после первого удара нанести ему целый ряд последующих с тем, чтобы сокрушить все его вооруженные силы, или когда мы намерены удовлетвориться одной победой, способной поколебать уверенность противника, дать ему почувствовать наше превосходство и таким образом вызвать в нем опасение за будущее. Если такова наша цель, то к разгрому его сил мы будем стремиться в той мере, в какой это для нее необходимо. Если мы не задаемся целью сокрушить противника, то и завоевание неприятельских территорий явится мероприятием другого порядка. При сокрушении подлинными операциями заключаются именно в уничтожении вооруженных сил противника, а завоевание областей является лишь его следствием. На занятие территории раньше разгрома вооруженных сил приходится всегда смотреть как на необходимое зло. Напротив, в том случае, когда в нашу задачу не входит сокрушение неприятельских вооруженных сил и когда мы уверены, что и неприятель сам не ищет путей для разрешения спора на поле сражения и даже боится их, то занятие слабо или вовсе не обороняемой области уже *само по себе представляет известную выгоду*. Если такой успех оказывается достаточно крупным, чтобы внушить противнику опасение за окончательный исход войны, то он может представить кратчайший путь к заключению мира.

Теперь мы наталкиваемся еще на одно своеобразное сред-

ство: воздействие на вероятность успеха, не сокрушая вооруженных сил противника. Это – предприятия, *непосредственно предназначенные для оказания давления на политические отношения*. Иногда открывается возможность операций, позволяющих отколоть или парализовать союзников противника, на вербовать нам новых союзников, создать выгодные для нас политические комбинации и пр.; все это повышает вероятность успеха, и этот путь к намеченной нами цели по сравнению с сокрушением вооруженных сил может оказаться гораздо более кратким.

Второй вопрос заключается в том, каковы могут быть средства воздействия на увеличение расхода сил противника, т. е. на повышение приносимых им жертв.

Расход сил противника заключается в *износе его вооруженных сил*, что достигается разрушением их нашими усилиями, и в *потере областей*, следовательно, в *завоевании их* нашими войсками.

При ближайшем рассмотрении станет само собой ясным, что и удары, наносимые вооруженным силам неприятеля, и захват его областей, преследующий цель увеличить расход неприятельских сил, имеют различное значение по сравнению с одноименными действиями, предпринимаемыми в целях сокрушения. Мы не должны смущаться, что в большинстве случаев это различие будет очень незначительно; в действительной жизни при слабых поводах к вражде самые тонкие оттенки отношений имеют решающее влияние на харак-

тер применения сил. В данном случае мы стремимся лишь показать, что при известных условиях, кроме уничтожения сил врага, имеются и иные пути достижения поставленной цели и что эти пути не содержат в себе *внутреннего противоречия*, не являются *абсурдом* и даже не составляют *ошибки*.

Помимо обоих указанных способов, имеются еще три своеобразных пути, непосредственно ведущих к увеличению затраты сил противника. Первый – это вторжение, т. е. *занятие неприятельской территории, но не для удержания ее за собой*, а с целью собрать с нее контрибуцию или даже опустошить ее. Непосредственной целью в данном случае будет не завоевание страны, не сокрушение вооруженных сил противника, а *нанесение ему как врагу вообще убытков*. Второй путь будет заключаться в том, чтобы дать нашим операциям целеустановку *преимущественно* на увеличение убытков неприятеля. Ничего нет легче, как наметить два различных направления для усилий наших вооруженных сил; из них одно безусловно заслуживает предпочтения в том случае, если дело сводится к тому, чтобы сокрушить неприятеля; другое является более прибыльным, если о сокрушении не может быть и речи. Принято признавать первое направление более военным, а второе – более политическим. Но, становясь на высшую точку зрения, мы придем к выводу, что оба они одинаково военные и каждое из них является целесообразным постольку, поскольку оно отвечает данным условиям. Третий путь – изнурение врага – по количеству обнимаемых им

случаев наиболее важный. Мы выбрали это выражение не только для того, чтобы одним словом определить предмет, но и потому, что оно вполне выражает соответствующее понятие; это не только риторический оборот речи, как может показаться на первый взгляд. Под изнурением мы понимаем *постепенно наступающее, благодаря продолжительности действия, истощение физических сил и воли противника*.

Если мы хотим добиться превосходства над противником продолжительностью борьбы, то должны довольствоваться наиболее скромными целями, потому что крупная цель требует и большой затраты сил. Самая малая цель, какую мы можем себе поставить, – это чистое сопротивление¹², т. е. борьба без какого-либо позитивного задания. В этом случае наши средства окажутся относительно наибольшими, а следовательно, и результат явится наиболее обеспеченным. Как же далеко может простираться этот отказ от позитивных задач? Очевидно, он не может доходить до абсолютной пассивности, ибо простое претерпевание ударов не было бы борьбой; сопротивление – это уже действенность, которая должна уничтожить такое количество сил противника, чтобы он был вынужден отказаться от своего замысла. К этому только мы и будем стремиться в каждом отдельном случае, и в этом

¹² Легкость чтения перевода выиграла бы, если бы мы заменили слово «сопротивление» словом «оборона». Однако это было бы крупной неточностью ввиду того, что Клаузевиц вкладывает в эти термины неодинаковое значение. Оборона – это сопротивление плюс переход в контратаку. – *Ред.*

заключается негативная природа нашего задания.

Бесспорно, это негативное задание в каждом отдельном случае не может дать такого успеха, который дало бы позитивное в тех же условиях, при предпосылке, что последнему сопутствует удача. Но в том именно и состоит разница, что первое легче удается, а следовательно, является более обеспеченным. То, чего в отдельном столкновении при негативном задании недостает в смысле действенности, надо восполнить временем – следовательно, продолжительностью борьбы; таким образом, это негативное задание, заключающее в себе принцип чистого сопротивления, является вместе с тем естественным средством добиться превосходства над противником продолжительностью борьбы, т. е. его изнурить.

В этом заключается основное различие между *наступлением и обороной*, пронизывающее всю область войны. Дальше развивать эту тему мы сейчас не будем и удовольствуемся замечанием, что из самого негативного задания вытекают все сопутствующие ему преимущества, а также более сильные формы борьбы; здесь осуществляется философский закон динамики успеха, устанавливающий зависимость между размером и обеспеченностью успеха. Все это мы рассмотрим впоследствии. Негативное задание (сосредоточение всех средств для простого сопротивления) ставит в выгоднейшие условия борьбы; если это преимущество достаточно велико, чтобы *уравновесить* возможный перевес против-

ника, то одной продолжительности борьбы будет достаточно для того, чтобы постепенно довести затрату сил противника до степени, уже не соответствующей его политической цели, и вынудить его отказаться от борьбы. Отсюда мы видим, что путь изнурения противника обнимает значительное число случаев, когда слабый может успешно бороться с более сильным.

Фридрих Великий ни в один момент Семилетней войны не имел возможности сокрушить австрийскую монархию и, конечно, неукоснительно пошел бы на гибель, если бы попытался вести борьбу в духе Карла XII. Но талантливое применение им мудрой экономии сил в течение 7 лет показало соединившимся против него державам, что затрата сил с их стороны становится гораздо большей, чем они предполагали вначале, – и они заключили мир.

Итак, в войне многие пути ведут к цели, причем не в каждом отдельном случае является надобность в сокрушении противника. *Истребление неприятельских вооруженных сил, завоевание провинций противника, временная их оккупация с целью использования их средств, предприятия, непосредственно предназначенные для оказания давления на политические отношения, наконец, пассивное выжидание ударов врага, все это – средства, из которых каждое, в зависимости от особенностей конкретной обстановки, может быть применено с целью преодолеть волю противника. Мы можем указать еще целый ряд кратчайших лазеек к цели; на-*

зовем их аргументами *ad hominem*¹³. В какой области человеческой деятельности нам не встречаются эти искры личных отношений, перелетающие через любые материальные перегородки! Они имеют исключительное значение на войне, где личность деятелей – в кабинете и в поле – играет такую крупную роль. Мы ограничиваемся здесь только намеком, ибо было бы педантизмом пытаться классифицировать эти методы. С ними число возможных путей, ведущих к достижению цели военных действий, растет до бесконечности.

Надо избегать недооценки различных кратчайших путей к цели; нельзя считать их редкими исключениями, а также признавать незначительными те различия в ведении войны, которые ими обуславливаются. Стоит только присмотреться к разнообразию политических целей, которые могут вызвать войну, и хотя бы приблизительно охватить взором расстояние, отделяющее войну на уничтожение, в которой ставится на карту политическое бытие, от войны, навязанной отживающим или даже вынужденным союзным договором. Между этими двумя видами войны существует множество градаций, встречающихся в действительности. Теория, отбросившая одну из градаций, с таким же правом могла бы отвернуться и от всех вообще, т. е. совершенно потерять контакт с миром действительности.

Так в общем обстоит дело с целью, которую приходится преследовать на войне; теперь обратимся к средствам.

¹³ Личного порядка. – *Ред.*

Средство только одно – бой¹⁴. Как ни разнообразно слагается война, как ни далека она от грубого излияния гнева и ненависти в форме кулачной схватки, сколько бы к ней ни примешивалось постороннего бою элемента, бой всегда заключается в понятии войны, так как *бой является начальным пунктом*, от которого исходят все явления войны.

Что это всегда так, несмотря на величайшее разнообразие и сложные сочетания действительности, подтверждается крайне несложным доказательством. Все, что происходит на войне, ведется при посредстве вооруженных сил; *а там, где применяют вооруженную силу, т. е. вооруженных людей*, там по необходимости в основе должно лежать представление о бое.

Таким образом, все имеющее отношение к вооруженным силам – их создание, сбережение¹⁵ и использование – входит в сферу военной деятельности.

Создание вооруженных сил и сбережение их, несомненно, представляют собой только средство, использование же – цель.

Борьба на войне является не рядом одиночных схваток, а представляет целое, составленное из многих членов. В этом великом целом мы можем установить единства двойствен-

¹⁴ В оригинале – Kampf. Клаузевиц вкладывает в него иногда представление не об одном бое, а о всей боевой деятельности в целом. В дальнейшем мы будем переводить его словами «борьба» или «бой». – *Перев.*

¹⁵ Под сбережением здесь Клаузевиц подразумевает работу снабжения и прочих служб. – *Ред.*

ного порядка, имеющие значение то объекта, то субъекта¹⁶. Войска организуются таким путем, что некоторая группа бойцов сводится в единство, а последнее, в свою очередь, непременно является членом единства более высокого порядка и т. д. Бой каждого из этих членов также представляет более или менее обособленное единство. В одно целое весь бой объединяется его целью, т. е. его *объектом*.

Каждое обособленное единство, которое мы можем в нем различить, называется *частным боем*.

Но если в основе всякого применения вооруженной силы лежит представление о бое, то использование вооруженных сил представляет не что иное, как установку и распорядок¹⁷ известного числа частных боев.

Таким образом, всякая военная деятельность имеет прямое или косвенное отношение к бою. Солдата призывают, одевают, вооружают, обучают, он спит, ест, пьет и марширует *только для того, чтобы в свое время в надлежащем месте вступить в бой*.

Если, следовательно, все нити военной деятельности приводят к бою, то мы их сразу охватим, установив распорядок боя. Именно из распорядка боя и его осуществления проистекают последующие результаты, а отнюдь не непосред-

¹⁶ Мысль Клаузевица: успех частного боя является, с одной стороны, целью для участвующей в нем войсковой части, с другой стороны – средством для достижения более высокой цели. – *Ред.*

¹⁷ Распорядок (Anordnung) боя относится Клаузевицем к тактике, установка (Feststellung) боя – к стратегии. – *Ред.*

ственно из предшествовавших бою условий. В бою вся деятельность направлена на уничтожение противника или, вернее, его боеспособности; это содержится в самом понятии боя. Поэтому уничтожение неприятельской вооруженной силы всегда будет средством для достижения цели боя.

Целью боя также может быть простое уничтожение вооруженных сил неприятеля, но это вовсе не обязательно; цель может быть и совершенно иной. Если, как мы видели, сокрушение противника не является единственным средством для достижения политической цели, если существуют и другие объекты, к которым можно стремиться на войне в качестве цели, то само собой разумеется, что эти объекты могут стать целью отдельных военных действий, а следовательно, и целью боев.

Но даже в тех случаях, когда общей целью является сокрушение вооруженных сил неприятеля, частные бои, являющиеся элементами сокрушения в целом, не обязательно будут иметь своей ближайшей целью уничтожение вооруженных сил.

Если вспомнить о многообразии подразделений крупной вооруженной силы и о множестве обстоятельств, оказывающих влияние на ее применение, то станет понятным, что и бой в целом такой вооруженной силы должен потребовать многообразных расчленений, соподчинений и сочетаний. При этом отдельным членам вооруженной силы, естественно, может ставиться множество частных целей, кото-

рые непосредственно не направлены на уничтожение неприятельских вооруженных сил; они будут, быть может, в весьма повышенной степени, способствовать этому уничтожению, но только косвенно. Когда батальон получает, например, приказ сбить неприятеля с какого-либо моста, горы и т. д., то обычно захват этих предметов представляет подлинную цель, а уничтожение находящихся там неприятельских сил будет лишь средством или побочным делом. Если неприятеля можно прогнать посредством простой демонстрации, то цель уже достигнута; но ведь обычно данный мост или гора занимается лишь для того, чтобы достигнуть более полного уничтожения вооруженных сил противника. Если такие явления наблюдаются на поле сражения, то то же самое, только в значительно увеличенном масштабе, повторяется на театре войны, где друг против друга стоят уже не две армии, а два государства, два народа, две страны. Здесь число возможных соотношений, а следовательно, и комбинаций значительно больше, распорядок может быть весьма разнообразным. Поэтому первое средство от последней цели всегда отделено на почтительное расстояние целой иерархией промежуточных целей.

Таким образом, по многим причинам представляется возможным, что уничтожение противостоящего неприятеля не является целью частного боя, а лишь средством. Во всех этих случаях дело уже не идет об осуществлении такого уничтожения, ибо этот бой является не чем иным, как *измерителем*

сил, и имеет значение не сам по себе, а лишь по своему результату, т. е. исходу.

Такое соизмерение сил при очевидном неравенстве возможно произвести и путем арифметического подсчета. В таких случаях и не произойдет боя, так как слабейший свое временно уклонится.

Следовательно, цель боя не всегда заключается в уничтожении участвующих в нем вооруженных сил и может быть достигнута без действительного столкновения, посредством одной постановки вопроса о бое и складывающихся вследствие этого отношений. Отсюда становится понятным, почему оказывались возможными целые кампании, ведшиеся с большим напряжением, в которых фактические бои не играли существенной роли.

Военная история подтверждает это сотнями примеров. Мы не станем рассматривать, часто ли в подобных случаях бескровное решение оказывалось правильным, т. е. не заключало в себе *внутреннего противоречия* с природой войны, а также могли ли бы выдержать строгую критику некоторые знаменитости, создавшие свою славу в этих походах; нам важно лишь показать *возможность* такого хода войны.

Война обладает только *одним* средством – боем; но при разносторонности своего применения бой открывает для нашего мышления все различные пути, связанные с его многообразными целями, и наше исследование как будто не продвинулось несколько вперед. Но это далеко не так, потому

что из единственности этого средства исходит путеводная нить нашего исследования, тянущаяся через всю сложную ткань военной деятельности и объединяющая ее.

Мы рассматривали уничтожение неприятельских вооруженных сил как одну из целей, которую можно преследовать на войне, оставляя открытым вопрос о том, какое значение следует ему придать среди других целей. В каждом отдельном случае это будет зависеть от обстоятельств; в целом же этот вопрос был нами оставлен пока открытым. Теперь мы вновь к нему возвращаемся; постараемся теперь определить, какое значение надо придавать уничтожению неприятельских вооруженных сил.

Бой – это единственное действие на войне; в бою уничтожение противостоящих нам вооруженных сил есть средство, ведущее к цели. Это верно даже в том случае, когда фактически боя не происходило, потому что уклонение одной из сторон имело предпосылкой, что такое уничтожение оценивалось как несомненное. Таким образом, уничтожение неприятельских вооруженных сил лежит в основе всех военных действий. Оно – последняя точка опоры всех комбинаций, которые покоятся на нем, как свод зиждется на устоях. Следовательно, все действия происходят при предпосылке, что если бой, лежащий в их основе, действительно будет иметь место, то исход его должен быть *благоприятным*. Бой в крупных и мелких военных операциях представляет то же самое, что уплата наличными при вексельных операциях: как ни от-

даленна эта расплата, как ни редко наступает момент реализации, когда-нибудь его час наступит¹⁸.

Если решение оружием составляет основу всех военных комбинаций, то из этого следует, что противник любую из них может *парализовать удачным для себя боем*. Нет даже надобности, чтобы этот успех был одержан противником в том самом бою, на котором мы непосредственно строили нашу комбинацию; тот же результат дает и каждый иной бой, лишь бы он был достаточно значителен; каждый крупный успех в бою, т. е. всякое уничтожение части вооруженных сил неприятеля, сказывается на всех прочих его частях; в этом отношении вооруженные силы подобны жидкости: вычерпывая последнюю в одном месте, мы понижаем общий уровень.

Таким образом, уничтожение неприятельских вооруженных сил всегда является наиболее высоким, наиболее действенным средством, которому уступают все остальные.

Конечно, мы можем приписывать уничтожению воору-

¹⁸ Это место в труде Клаузевица, а также § 3 главы III части 2-й имел в виду Фридрих Энгельс в письме Карлу Марксу от 7 января 1858 г.: «Между прочим я читаю теперь „Войну“ Клаузевица. Оригинальный способ философствования, но по существу очень хорош. На вопрос, на каком наименовании остановиться – на военном искусстве или военной науке, ответ гласит, что война всего более подобна торговле векселями. Бой для войны – что расчет наличными в банковском деле; как бы редко он в действительности ни происходил, но каждый оборот имеет в виду исключительно его, и в конце концов он должен иметь место и все решить» (Briefwechsel zwischen Marks und Engels. Stuttgart, 1913. Т. II. С. 281–282). – *Ред.*

женных сил противника более высокую действенность, лишь предполагая равенство всех прочих условий. Было бы большим заблуждением сделать из вышесказанного вывод, что слепое движение напролом всегда победит искусную осмотрительность. Неискусно бросаясь напролом, мы скорее придем к уничтожению собственных вооруженных сил, а не неприятельских, чего мы, конечно, не имеем в виду. Более значительная роль принадлежит не *пути*, а *цели*, и мы лишь уравниваем результат достижения одной цели с результатом достижения другой.

Когда мы говорим об уничтожении неприятельских вооруженных сил, – мы это настойчиво подчеркиваем, – нас ничто не обязывает ограничить это понятие одними материальными силами; мы подразумеваем и силы моральные, ибо моральные и физические силы теснейшим образом связаны и неотделимы одна от другой. Но именно здесь, когда мы ссылаемся на неизбежное воздействие, которое крупный акт уничтожения (значительная победа) оказывает на все остальные операции, мы должны обратить внимание на то, что моральный элемент является наиболее текучим, если можно так выразиться, а следовательно, легче всего распространяется по всем вооруженным силам. Противовесом преобладающего по сравнению со всеми остальными средствами значения уничтожения неприятельских вооруженных сил является его дороговизна и рискованность; последних можно избегать, только избирая себе иные пути.

Что средство это дорогое, само собой понятно, так как затрата собственных вооруженных сил при прочих равных условиях тем значительнее, чем больше ориентируются наши намерения на уничтожение неприятельских сил.

Опасность этого средства заключается в том, что высокая действенность, которой мы добиваемся, обратится в случае неудачи против нас со всеми ее величайшими невыгодами.

Поэтому другие пути при удаче обходятся менее дорого, а при неудаче не так опасны. Это, однако, справедливо только при условии, что эти методы применяются с обеих сторон, а именно, что неприятель идет теми же путями, что и мы; если же он изберет путь решительного боя, *мы должны будем, хотя бы против нашей воли, встать на ту же дорогу.* В этом случае все будет зависеть от исхода боя на уничтожение; ясно, что при всех прочих равных условиях мы в этом бою окажемся в худшем положении, так как частично свои намерения и средства ориентировали на другие задачи, чего не сделал наш противник. Две различные цели, из которых одна не составляет части другой, друг друга исключают; следовательно, сила, обращенная на достижение одной из целей, не может одновременно служить другой. Поэтому если одна воюющая сторона решила идти по пути крупных решений силой оружия, то она уже имеет большой шанс на успех, если только уверена, что другая сторона не идет по этому пути, а хочет преследовать иную цель. Кто задастся этой целью, поступит разумно лишь в том случае, если он

имеет основание предполагать, что и его противник не ищет крупных решений силой оружия.

Все, что мы говорили об ином направлении заданий и сил, относится к *позитивным* целям, которыми, помимо уничтожения неприятеля, можно задаваться на войне, и *не распространяется на чистое сопротивление*, избранное с намерением истощить противника. У простого сопротивления нет *позитивного* задания; наши силы не могут быть отвлечены против других объектов, так как предназначены парализовать намерения противника.

Тут нам приходится рассмотреть обратную сторону уничтожения неприятельских вооруженных сил, а именно – сбережение собственных сил. Оба эти стремления всегда идут рука об руку и находятся в постоянном взаимодействии. Они представляют существенные, неотъемлемые части одного и того же намерения. Нам остается выяснить, каковы будут последствия, если то или иное стремление получит перевес.

Стремление уничтожить неприятельские вооруженные силы преследует позитивную цель и ведет к позитивным успехам, увенчанием которых должно явиться сокрушение противника.

Сбережение собственных вооруженных сил преследует негативную цель и таким образом ведет к парализованию намерений неприятеля, т. е. к чистому сопротивлению, увенчанием которого является такая затяжка продолжительности действий, которая истощит силы противника.

Стремление к позитивной цели вызывает к жизни акт уничтожения, стремление к негативной цели побуждает выжить.

Как далеко может и должно простираться такое выжидание, мы укажем при изложении учения о наступлении и обороне, к истоку которого мы вновь вернулись. Пока только отметим, что выжидание не должно быть совершенно пассивным, а также что в связанных с выжиданием действиях уничтожение принимающих в них участие неприятельских вооруженных сил может служить целью в такой же степени, как и всякий другой предмет. Таким образом, было бы коренной ошибкой полагать, что негативное стремление непременно приводит к отказу от выбора своей целью уничтожения неприятельских вооруженных сил и к предпочтению бескровного решения. Перевес негативного стремления, конечно, может подать к этому повод, но такое решение всегда сопряжено с риском не попасть на правильный путь; последнее зависит от условий, находящихся не в нашей власти, а во власти противника. Этот иной, бескровный, путь борьбы никоим образом не может рассматриваться как естественное средство удовлетворения преобладающей заботы – сбережения наших вооруженных сил; напротив, если этот путь не будет соответствовать обстановке, то поведет только к их полной гибели. Очень многие полководцы впадали в такую ошибку и губили себя. Единственно логическое последствие перевеса негативного стремления – это отсрочка ре-

шения, в известной степени постановка себя под защиту выжидания решающего момента. Обычным последствием этого, насколько позволяет обстановка, является *откладывание действий во времени*, а поскольку с этим связано пространство, то и отодвигание их в пространстве. Но при наступлении момента, когда без существенного ущерба откладывать решения нельзя, выгоды негативного метода действий должны считаться исчерпанными, и в этот момент неизменно должно выступить стремление уничтожить неприятельские вооруженные силы, стремление, сдерживавшееся до того противовесом, однако никогда окончательно не вытеснявшееся.

Из предыдущего мы видим, что на войне многие пути ведут к успешному концу – к достижению политической цели; но средство для этого только одно – бой; поэтому все подчинено высшему закону – *решению силой оружия*. Там, где противник фактически апеллирует к нему, отказываться от этой высшей инстанции нельзя. Воюющая сторона, желающая идти иным путем, должна быть уверена, что противник апеллировать не будет или проиграет свой процесс в этой высшей инстанции. Словом, уничтожение неприятельских вооруженных сил – первенствующая и преобладающая цель из всех, которые могут преследоваться на войне.

Что могут дать на войне другого рода комбинации, мы узнаем впоследствии и, разумеется, лишь постепенно. Здесь мы ограничиваемся одним общим признанием их *возмож-*

ности как чего-то, являющегося отклонением действительности от отвлеченного понятия войны и вызванного индивидуальными обстоятельствами. Но мы тут же должны подтвердить, что *кровавое разрешение кризиса*, стремление к уничтожению неприятельских вооруженных сил – первородный сын войны. Пусть осторожный полководец при ничтожных политических целях, при слабых мотивах, незначительном напряжении сил искусно нащупывает на поле сражения и в тиши кабинета пути, ведущие к миру, без крупных кризисов и кровавой развязки утилизирует специфически слабые стороны армии и правительства противника. Если его предположения достаточно мотивированы и дают основание рассчитывать на успех, мы не вправе его за это укорять, однако должны потребовать, чтобы он все время помнил, что идет обходными тропами, на которых его может настигнуть бог войны. Полководец ни на минуту не должен спускать глаз с противника, иначе он рискует попасть под удары боевого меча, имея в руках только франтовскую шпагу.

Мы обрисовали, что представляет собой война, каковы ее цели и средства, как она в изгибах действительности то больше, то меньше удаляется от начального абстрактного понятия, все время, однако, оставаясь в черте его влияния, контролируемая высшим законом решения силой оружия. Выводы из сказанного мы должны закрепить в нашем сознании и всякий раз иметь в виду при рассмотрении последующих вопросов, если мы хотим понять подлинные отношения

между ними и своеобразное значение каждого из них и не впадать в вопиющее противоречие с действительностью, а в конце концов и с самими собой.

Глава III. Военный гений

Каждая специальная деятельность, выполнение которой требует известного совершенства (виртуозности), нуждается в соответствующих духовных способностях. Когда они проявляются в высокой степени и свидетельствуют о себе исключительными достижениями, дух, одаренный ими, называется гением.

Мы хорошо знаем, что это слово по широте своего смысла и по придаваемому ему толкованию применяется в весьма различном значении и что во многих случаях нелегко выразить на словах сущность гения; но так как мы не претендуем ни на звание философа, ни на звание словесника, то да будет нам позволено остановиться на значении этого понятия, принятом при обычном словоупотреблении, и под термином *гений* понимать чрезвычайно повышенную духовную способность к известного рода деятельности.

Чтобы объяснить это понятие и ближе ознакомиться с его содержанием, необходимо несколько остановиться на этой способности, на этом высоком качестве духа. Но мы не можем ограничиваться тем, кто отмечен необычайно высоким талантом, *гением* в собственном смысле этого слова, ибо это понятие не имеет точно определенных границ; мы будем рассматривать вообще духовные силы, совокупно направленные на военную деятельность, в которых мы вправе видеть

сущность военного гения. Мы говорим о «*совокупности*», ибо военный гений не является какой-либо одной способностью (например, мужеством) при отсутствии других умственных и духовных способностей или при неприменимой для войны их ориентировке; напротив, он представляет *гармоническое сочетание способностей*, из которых та или другая преобладает, но ни одна не становится поперек другой.

Если бы от каждого из бойцов мы потребовали, чтобы он в большей или меньшей степени был военным гением, то наши армии были бы очень малочисленны. Военный гений обуславливается *своеобразным направлением* духовных сил, и он может лишь редко встречаться в том народе, где к духовным способностям предъявляют самые разносторонние требования и где они получают весьма многогранное развитие. Чем менее разнообразна деятельность народа, чем больше у него преобладает военная деятельность, тем чаще должен встречаться военный гений. Но это определяет только его распространение, а не его высоту, так как последняя зависит от общего духовного развития данного народа. Если мы взглянем на первобытный воинственный народ, то мы найдем, что в нем воинственный дух гораздо более распространен среди отдельных лиц, чем у цивилизованного народа, потому что у первого им обладает почти каждый воин, тогда как среди цивилизованных людей многие делают войнами лишь по необходимости, а не по внутреннему влечению. Однако у первобытных народов никогда не встречается

подлинно великого полководца и лишь крайне редко то, что можно было бы назвать военным гением; для этого требуется такое развитие умственных способностей, каким дикий народ обладать не может. Само собою разумеется, что у цивилизованных народов могут быть более или менее сильные военные наклонности и стремления, и чем они сильнее, тем чаще наблюдается воинственный дух в их армии и у отдельных лиц. А так как здесь это совпадает с высшими степенями духовного развития, то самых блестящих военных деятелей мы находим именно у таких народов; доказательством могут служить римляне и французы. Но величайшие имена полководцев у этих и других народов, прославивших себя на войне, появились лишь в период их подъема на высокую ступень цивилизации.

Уже это одно указывает, какую крупную роль играют умственные способности для высших степеней гения. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Война – область опасности, следовательно, *мужество* – важнейшее качество войны.

Мужество бывает двух родов: во-первых, мужество в отношении личной опасности, а во-вторых, мужество в отношении ответственности перед судом какой-нибудь внешней власти или же внутренней – совести. Здесь речь идет лишь о первом.

Мужество по отношению к личной опасности, в свою очередь, бывает двух родов: прежде всего человек может быть

равнодушен к опасности в силу личных свойств, вследствие пренебрежения к жизни или по привычке; во всяком случае, это будет как бы *постоянное состояние*.

Во-вторых, мужество может исходить из положительных побуждений, каковы, например, честолюбие, любовь к родине, всякого рода воодушевление; в этом случае мужество – не состояние, а проявление настроения, чувств.

Понятно, оба эти вида мужества проявляются различно. Первый вид надежнее; сделавшись второй природой, он никогда не покидает человека; второй часто дает более высокие результаты; с первым связана стойкость, со вторым – отвага; при первом разум остается трезвым, при втором иногда изощряется, но порою и ослепляется. *Совпадая, оба эти вида дают самый совершенный тип мужества.*

Война – область физических усилий и страданий; чтобы не изнемочь под их бременем, нужны духовные и физические силы (врожденные или приобретенные – безразлично), делающие человека способным переносить испытания. Человек, обладающий этими качествами, соединенными со здравым рассудком, – отличное орудие для войны; эти свойства особенно распространены среди первобытных и полумодернизированных народов.

Продолжая наше исследование, мы найдем, что война требует от своих адептов *выдающихся умственных сил*. Война – область недоверного; три четверти того, на чем строится действие на войне, лежит в тумане неизвестности, и, сле-

довательно, чтобы вскрыть истину, требуется прежде всего тонкий, гибкий, пронизательный ум.

Иной раз заурядный ум может случайно напасть на истину, другой раз выдающаяся храбрость может загладить промах, но на общем уровне успехов недостаток ума в большинстве случаев непременно скажется.

Война – область случайности; только в ней этой незнакомке отводится такой широкий простор, потому что нигде человеческая деятельность не соприкасается так с ней всеми своими сторонами, как на войне; она увеличивает неопределенность обстановки и нарушает ход событий.

Недостоверность известий и предположений – постоянное вмешательство случайности – приводит к тому, что воюющий в действительности сталкивается с совершенно иным положением вещей, чем он ожидал; это не может не отражаться на его плане или, по крайней мере, на тех представлениях об обстановке, которые легли в основу этого плана. Если влияние новых данных настолько сильно, что решительно отменяет все принятые предположения, то на место последних должны выступить другие, но для этого обычно не хватает данных, так как в потоке деятельности события обгоняют решение и не дают времени не только зрело обдумать новое положение, но даже хорошенько оглядеться. Впрочем, гораздо чаще исправление наших представлений об обстановке и ознакомление с встретившейся случайностью оказываются недостаточными, чтобы вовсе опрокинуть наши на-

мерения, но могут все же их поколебать. Знакомство с обстановкой растет, но от этого наша неуверенность не уменьшается, а, напротив, увеличивается. Причина этого заключается в том, что необходимые сведения получаются не сразу, а постепенно. Наши решения непрерывно подвергаются натиску новых данных, и наш дух все время должен оставаться во всеоружии.

Чтобы успешно выдержать эту непрерывную борьбу с неожиданным, необходимо обладать двумя свойствами: во-первых, *умом, способным прозреть мерцанием своего внутреннего света сгустившиеся сумерки и нащупать истину*; во-вторых, *мужеством, чтобы последовать за этим слабым указующим проблеском*. Первое свойство образно обозначается французским выражением «*coup d'oeil*»¹⁹, второе – *решимость*.

Бои на войне прежде и чаще всего привлекают наше внимание. В боях же время и пространство – важные элементы. В те времена, когда решительные действия конницы на полях сражений играли первенствующую роль, в понятии о *быстром и находчивом решении* на первый план выдвигалась правильная оценка времени и пространства; отсюда получилось это выражение, подчеркивающее лишь правильный глазомер. Многие писавшие о военном искусстве определили его в этом узком смысле. Но не следует упускать из виду, что вскоре под ним стали подразумевать все удачные ре-

¹⁹ Понятие, среднее между интуицией и глазомером. – *Ред.*

шения, принятые в самый момент выполнения, – например, правильный выбор пункта атаки и пр. Отсюда в выражении «coup d’oeil» часто понимается не просто физический глаз, но духовное око.

Естественно, что это выражение и его значение преимущественно относятся к области тактики, однако без него нельзя обойтись и стратегии, поскольку и в ней нужны быстрые решения. Если совлечь с этого понятия то, что ему придает оттенок чрезмерно образного и ограниченного, то оно будет означать не что иное, как быстрое улавливание истины, или совершенно непостижимой для среднего ума, или дающейся ему после продолжительного рассмотрения и обдумывания.

В каждом отдельном случае решимость – проявление мужества; когда же она становится постоянным свойством характера, она представляет духовный навык. Здесь имеется в виду не мужество перед лицом физической опасности, а мужество в отношении ответственности, так сказать, перед лицом моральной опасности. Этот вид мужества часто называли *courage d’esprit*²⁰, потому что он имеет своим источником рассудок; тем не менее он – проявление характера, а не рассудка. Голая рассудительность – далеко еще не мужество; часто самые рассудительные люди не обладают решимостью. Сперва рассудок должен пробудить ощущение мужества, которое затем будет его поддерживать и нести на своих пле-

²⁰ Буквально: мужество ума. – *Ред.*

чах, ибо при быстром натиске событий над человеком господствуют скорее чувства, нежели мысли.

Итак, мы называем решимостью способность в обстановке действий, при недостаточных данных, устранять муки сомнений и опасности колебаний. При не вполне точном словоупотреблении решимостью называются и простая склонность к риску, смелость, отвага, дерзость. Однако в тех случаях, когда у человека есть достаточные данные (безразлично – субъективные или объективные, основательные или необоснованные), говорить о его решимости нет никаких оснований, потому что решимость предполагает сомнения, которых здесь нет.

При достаточных данных речь может идти только о силе или слабости. Мы не настолько педантичны, чтобы вступать в пререкания из-за небольшой неточности обычного словоупотребления; наше замечание имеет целью лишь устранить возможные неправильные возражения.

Итак, решимость, побеждающая состояние сомнения, может быть вызвана только разумом, притом своеобразным его устремлением. Мы утверждаем, что наличие широкого кругозора в соединении с мужеством еще не составляет решимости. Бывают люди, обладающие самым проницательным духовным взором; при решении труднейших задач у них нет недостатка в мужестве, они готовы многое взять на себя, но в трудные минуты они все-таки не могут принять никакого решения. Их мужество и проницательность стоят порознь, не

протягивают друг другу руки и потому не производят третьего свойства – решимости. Последняя порождается лишь *актом* разума, осознавшего необходимость риска и тем побудившего волю. Этот своеобразный склад ума, побеждающий в человеке всякий иной страх страхом перед *колебаниями и медлительностью*, и есть то, что вырабатывает в сильных характерах решимость: поэтому люди, обладающие ограниченным умом, не могут быть решительными в нашем смысле. Они могут действовать в затруднительных случаях без колебаний, но тогда они это делают *необдуманно*, а у того, кто действует необдуманно, не может быть борьбы с самим собой вследствие каких-либо сомнений. Такой способ действия может порою казаться удачным, но мы вновь повторяем: только *общий уровень успехов* указывает на наличие военного гения. Если наше утверждение покажется странным кое-кому, кто знает иных гусарских офицеров, полных решимости, но которых, однако, нельзя почесть за глубоких мыслителей, тому мы напоминаем, что здесь говорится об особом направлении ума, а не о выдающейся мыслительной способности вообще.

Итак, мы полагаем, что решимость обязана своим существованием особому складу ума, и притом такому, который свойственен скорее мощным, чем блестящим, умам; мы можем подтвердить такую родословную решимости еще тем, что существует множество примеров, когда люди, проявлявшие на младших должностях величайшую решимость, утра-

чивали ее на высших. Они чувствуют необходимость принять решение, но сознают и опасность, заключающуюся в неправильном решении; а так как они не могут охватить порученное им дело, то их разум теряет прежнюю силу и они становятся тем более робкими, чем яснее сознают опасность нерешительности, которая их сковывает, и чем больше они привыкли действовать смело, сплеча.

При рассмотрении понятий «*coup d'oeil*» и решимости мы вплотную подошли к родственному понятию – к *присутствию духа*, играющему в царстве неожиданного, каким является война, большую роль; оно не что иное, как повышенная способность преодолевать неожиданное. Присутствием духа восхищаются и при метком ответе на неожиданный вопрос, и при быстром и находчивом действии при внезапной опасности. Этот ответ или действие могут и не представлять чего-нибудь необыкновенного, лишь бы оказались к месту. То, что по зрелому и спокойному обсуждению представляется чем-то вполне обыкновенным и не производит впечатления, нравится как результат мгновенной находчивости. Самое выражение «*присутствие духа*» весьма метко обозначает близость и скорость оказанной разумом помощи.

Следует ли приписать это дивное качество человека преимущественно особому складу ума или общей уравновешенности, зависит от природы данного случая, но наличие того и другого безусловно необходимо. Меткий ответ скорее говорит об остром уме, удачное мероприятие при внезапной

опасности предполагает духовную уравновешенность.

Если мы бросим общий взгляд на четыре элемента, образующих атмосферу, в которой протекает война, – *опасность, физическое напряжение, неизвестность и случайность*, – то станет легко понятным, что требуется большая духовная и умственная сила, чтобы среди этой стихии уверенно и успешно продвигаться вперед. Эта сила, в зависимости от форм, принимаемых ею при различных обстоятельствах, в устах рассказчиков и составителей отчетов о военных действиях получает название *энергии, твердости, стойкости, силы духа или характера*. Все эти различные проявления героической природы можно было бы рассматривать как одну и ту же силу воли, которая в зависимости от обстоятельств принимает различные формы; но как ни близки между собой эти понятия, все же они различны по содержанию; в интересах нашего исследования нужно разобраться в них несколько подробнее.

Для большей ясности укажем, что тяжесть, бремя или противодействие (назовите, как хотите, то, что вызывает напряжение духовных сил в начальнике) является в весьма малой степени результатом *непосредственной деятельности противника – его сопротивления и поступков*. Противник, во-первых, непосредственно воздействует только на личность командира, но не вмешивается в его деятельность как вождя. Когда неприятель оказывает сопротивление не два часа, а четыре, то начальник подвергается личной опас-

ности двумя часами дольше, но размеры опасности тем меньше, чем выше положение начальника. Для главнокомандующего она равна нулю.

Во-вторых, упорное сопротивление неприятеля *непосредственно* влияет на начальника вследствие потерь в боевых средствах и связанной с этим ответственности. Озабоченность, вызываемая этими обстоятельствами, первая подвергает испытанию силу воли вождя и вызывает ее напряжение. Но мы утверждаем, что это далеко не самое тяжелое бремя, которое ему приходится нести, ибо в этом случае ему придется справиться только с самим собой. Все прочее воздействие, оказываемое сопротивлением неприятеля, направлено на предводимых им бойцов и уже *через них* влияет на вождя.

До тех пор пока войска, исполненные мужества, сражаются бодро и охотно, начальнику редко представляется повод проявить значительную силу воли при преследовании своей цели; но когда возникнут затруднения, а это случится, как только от войск потребуются чрезвычайное напряжение, то дело уже не будет идти само собой, как хорошо смазанная машина; напротив, сама машина начнет оказывать сопротивление, и для его преодоления потребуются от начальника огромная сила воли. Под *этим сопротивлением* следует разумеать не прямое неповиновение или возражение, хотя в отдельных случаях и это имеет место, а общее впечатление упадка физических и моральных сил и муки сознания

при виде кровавых жертв; начальнику приходится бороться с ними внутри себя, а затем и среди подчиненных, передающих ему посредственно или непосредственно свои впечатления, настроения, беспокойства и стремления. По мере того как силы отдельных индивидов начинают падать, их уже не увлекает и не поддерживает собственная воля; все бремя инертности массы постепенно перекладывается на волю начальника; пламенем своего сердца, светочем своего духа он должен вновь воспламенить жар стремления у всех остальных и пробудить у них луч надежды; лишь поскольку он в состоянии это сделать, постольку он остается над массами, их властелином. Если этого нет, если его собственное мужество оказывается уже недостаточным, чтобы снова оживить отвагу всех остальных, масса увлечет его за собой в низменную область животной природы, бегущей от опасности и не знающей позора. Вот то время, которое мужество и сила духа вождя должны преодолевать в течение борьбы, если он стремится совершить выдающееся. Это время растет вместе с ростом масс, а следовательно, и сил; чтобы они соответствовали растущему бременю, у начальника должно быть их тем больше, чем выше занимаемый им пост.

Энергия действий отражает силу побуждений, которыми действия вызваны, причем побуждения могут иметь источником как убеждения разума, так и эмоцию духа. Последняя является необходимой, если требуется проявление крупных усилий.

Из всех высоких чувств, наполняющих человеческое сердце в пылу сражения, ни одно, надо признаться, не представляется таким могучим и устойчивым, как жажда славы и чести, которые так несправедливо унижаются в немецком языке заменой их двумя недостойными суррогатами – *честолюбием* и *славолюбием*. Правда, злоупотребление этими гордыми стремлениями на войне обусловило самые возмутительные поступки по отношению к людскому роду, но по своему истоку эти чувства, конечно, принадлежат к числу наиболее благородных, какие только свойственны человеческой природе. На войне они – подлинное дыхание жизни, одухотворяющее огромное тело. Все остальные чувства, кажущиеся очень распространенными и возвышенными, – любовь к отечеству, фанатизм, чувство мести, всякого рода воодушевление, – не исключают необходимости в жажде славы и чести. Эти чувства, конечно, могут в общем возбудить толпу и повысить ее настроение, но они, не внушат вождю воли, сильнейшей, чем воля его спутников, что существенно необходимо, если он должен добиваться исключительных результатов. Другие чувства не превращают, подобно честолюбию, боевые успехи войск в личное свойство вождя, в которое последний вкладывает все свои силы; он усердно пашет, тщательно сеет и он же собирает обильную жатву. Именно это стремление всех начальников, начиная с высшего и кончая низшим, этого рода промышленность, эта конкуренция и прищипоривание возбуждают дееспособность войск и обес-

печивают им успех. Бывал ли когда-нибудь великий полководец без честолюбия и мыслимо ли подобное явление?

Твердость означает сопротивляемость воли силе единичного удара, а *стойкость* – сопротивляемость продолжительности натиска. Эти качества очень близки, и часто одно выражение употребляют вместо другого, однако нельзя не отметить заметного различия между ними. Твердость по отношению к единичному сильному впечатлению может опираться только на силу чувств, стойкость же нуждается в большей мере в поддержке разума, так как она черпает свою силу в планомерности, с которой связана всякая продолжительная деятельность.

Обратимся теперь к *силе темперамента*. Прежде всего возникает вопрос, что мы под этим подразумеваем.

Конечно, не пылкие и страстные порывы, – это противоречило бы общепринятому словоупотреблению, – а способность повиноваться рассудку даже в момент величайшего возбуждения, в вихре самых бурных страстей. От одной ли силы разума зависит эта способность? Мы в этом сомневаемся. Тот факт, что встречаются люди с выдающимися умственными способностями, но не владеющие собой, не может, конечно, служить доказательством противного. На это можно было бы возразить, что здесь требуется особый склад ума, пожалуй не такой всеобъемлющий, но более крепкий. Мы будем ближе к истине, если предположим, что одним из свойств самого темперамента является способность подчи-

няться рассудку даже в момент наиболее бурных волнений; эту способность мы назовем *самообладанием*. Но есть совершенно особое чувство, которое у сильных духом вносит известное равновесие в разбушевавшиеся страсти, не устраняя их, однако, и тем самым обеспечивает господство разума. Этот противовес – чувство человеческого достоинства, благороднейший вид гордости и глубочайшая душевная потребность *действовать всегда и всюду как существо, одаренное прозорливостью и разумом*. Поэтому мы скажем: сильный темперамент – у того, *кто не теряет равновесия даже в моменты величайшего возбуждения*.

Рассматривая отдельных людей с точки зрения их темперамента, мы, во-первых, заметим людей маловосприимчивых, называемых флегматиками или апатичными; во-вторых, очень впечатлительных, но чувства которых никогда не выходят за пределы определенной степени интенсивности, – людей чувствительных, но спокойных; в-третьих, встречаются люди крайне возбудимые, чувства которых вспыхивают быстро и бурно, как порох, но на короткое время; наконец, в-четвертых, людей, не поддающихся малым впечатлениям и вообще раскачивающихся только постепенно, но чувства которых сильны и устойчивы. Это – люди сильных, глубоких и скрытых страстей.

Корни этих различных темпераментов, по-видимому, протягиваются к грани, на которой *физическая* природа человеческого организма соприкасается с духовной; темпера-

мент находится в зависимости от нервной системы этой амфибии, одной своей стороной обращенной к материи, другой – к духу. Нам, с нашей слабой философской подготовкой, не приходится дольше останавливаться на этом темном и сложном вопросе, но важно вкратце отметить, как проявляются эти различные натуры в сфере военной деятельности и можно ли от них ожидать значительной духовной силы.

Людей апатичных нелегко вывести из равновесия, но это, конечно, не признак духовной силы, потому что здесь вообще нет ее проявления. Однако не следует упускать из виду, что подобные люди на войне благодаря своей постоянной уравновешенности обладают известными, хотя и односторонними достоинствами. Они не чувствуют необходимости действовать, им не хватает импульса, активности, но зато они редко могут что-либо испортить.

Отличительная черта второй категории – проявление деятельности по незначительным причинам и подавленное состояние при крупных. В случае единичного несчастья они способны проявить кипучую активность; несчастье же целого народа повергает их в уныние, но не побуждает к деятельности.

На войне у этих людей не будет недостатка ни в активности, ни в уравновешенности, но совершить что-либо великое они обычно не в состоянии; исключение представляет собой случай, когда люди этой категории обладают *очень сильным умом* и найдут в нем побуждения к великому. Но

подобным натурам редко свойственен сильный, независимый ум.

Люди, бурно и быстро воспламеняющиеся, сами по себе мало пригодны для практической жизни, а следовательно, и для войны. Правда, импульс в них силен, но не выдерживает длительного напряжения. Однако если горячность этих людей имеет уклон в сторону храбрости и честолюбия, то они могут быть удачно использованы на войне на более низких должностях на том простом основании, что военные предприятия, которыми приходится руководить начальнику невысокого ранга, обычно являются несравненно более кратковременными. Здесь часто достаточно одного смелого решения, вспышки душевных сил. Дерзкий наскок, могучее «ура» – дело нескольких минут, в то время как смелое начатое сражение затягивается на целый день, а поход – на целый год.

Подобным людям при порывистой быстроте их чувств вдвойне трудно сохранить душевное равновесие, поэтому они часто теряют голову, а это – худшее, что может случиться при руководстве военными действиями. Однако утверждение, что крайне возбудимые характеры никогда не бывают сильными, т. е. не могут сохранять равновесие в моменты сильнейшего возбуждения, противоречило бы опыту. Почему этим людям не было бы свойственно чувство собственного достоинства, раз большинство из них принадлежит к числу благороднейших натур? Но они редко успевают проявить

эти свойства и впоследствии часто проникаются глубоким стыдом и угрызениями. Когда воспитание, самонаблюдение и жизненный опыт рано или поздно научат их остерегаться самих себя, чтобы в момент сильного возбуждения еще вовремя осознать покоящийся в их груди противовес – чувство собственного достоинства, – они способны проявить большую силу духа.

Наконец, люди, наружно спокойные, но глубоко чувствующие, относящиеся к предыдущему типу, как жар к пламени, более всего способны своей титанической силой сдвинуть и покатить огромный груз, под которым мы образно представляем трудности, сопряженные с военной деятельностью. Воздействие их чувств подобно движению огромных масс, хотя и медленному, но зато всепокрушающему.

Хотя подобные люди и не столь подвергаются натиску своих чувств и не бывают, на свое горе, в такой степени выбиты ими из колеи, однако было бы неправильным предполагать, что они никогда не теряют равновесия и не подчиняются действию слепой страсти; скорее, напротив, это будет случаться всякий раз при отсутствии у них гордого чувства самообладания или при его недостаточности. Чаще всего это наблюдается у выдающихся людей первобытных народов, где недостаток умственного развития всегда способствует господству страстей. Однако среди самых образованных народов и в самых образованных слоях часто случается, что людей уносят бури страстей, как уносили в Средневековье в

лесную чашу олени прикрученных к ним браконьеров.

Итак, повторяем еще раз: сильным темпераментом обладает человек, способный не только сильно чувствовать, но и сохраняющий равновесие при самых сильных испытаниях и способный, несмотря на бурю в груди, подчиняться тончайшим указаниям разума, как стрелка компаса на корабле, волнуемом бурей.

Под понятием «сила характера» или вообще «характер» мы подразумеваем твердое отстаивание убеждений, безразлично, являются ли последние выводами из чужой или собственной системы взглядов или же возникают из принципов, норм, мгновенных впечатлений или других каких-либо проявлений разума. Однако *это постоянство* не может иметь места, если самые взгляды подвержены частым переменам. Изменение взглядов может явиться результатом не только чужого влияния, но и следствием эволюции своего разума; последнее указывает, однако, на особую неустойчивость данного лица. Ясно, что о человеке, меняющем каждую минуту свои взгляды, хотя бы все они исходили от него самого, нельзя сказать, что он обладает характером. Следовательно, характер приписывают или тому, чьи убеждения отличаются значительным постоянством, потому что они глубоко обоснованы и ясны, а вследствие этого не подлежат изменению; или тому, у которого, как у флегматика, вяло функционирует деятельность рассудка и потому нет оснований к изменению сложившихся убеждений; или, наконец, тому, у кото-

рого налицо подчеркнутое проявление воли, вытекающей из руководящего принципа разума и до известной степени отвергающей перемену взглядов.

Между тем на войне под влиянием многочисленных и сильных впечатлений, при недостоверности всех данных и всех оценок, имеется значительно больше возможностей человеку сбиться с избранного им пути, ввести себя и других в заблуждение, чем это бывает в иного рода человеческой деятельности.

Раздирающий душу вид опасности и страданий легко дает перевес чувству над доводами рассудка; при сумеречном освещении всех явлений составление о них глубокого и ясного представления так трудно, что смена взглядов становится более понятной и простительной. Здесь можно только улавливать и нащупывать истину и по таким шатким данным нужно действовать. Нигде не встречается такого расхождения во взглядах, как на войне. Поток впечатлений, противоречащих собственным убеждениям, течет непрерывно. Даже величайшая флегма рассудка едва может являться защитой. Впечатления слишком сильны, живы и в то же время всегда направлены против духовного равновесия.

Лишь общие принципы и взгляды, которые руководят деятельностью с *высшей* точки зрения, могут быть плодом ясного и глубокого проникновения; мнение о каждом конкретном случае стоит на них, как на якорю. Но трудность и заключается в том, чтобы не оторваться от этих плодов прежних

размышлений, очутившись в потоке мнений и явлений, которые несет с собой настоящее. Между конкретным случаем и принципом часто оказывается значительное пространство, которое не всегда можно перекрыть достаточно ясной цепью умозаключений; здесь нужна и известная вера в себя, и не бесполезен некоторый скептицизм. Часто ничто не может помочь, за исключением одного руководящего правила, которое, будучи вынесено за скобки мышления, может господствовать над ним; это следующее правило: *при всяком сомнении держаться своего первоначального мнения и отказываться от него только по получении вполне убедительных данных*. Надо твердо верить в справедливость испытанных основных принципов и *при текучести* минутных явлений не забывать, что истинность последних невысокой пробы. Если во всех сомнительных случаях мы будем отдавать предпочтение своим прежним убеждениям и засвидетельствуем тем нашу верность или постоянство, то в наших действиях отразятся те устойчивость и последовательность, которые зовутся характером.

Легко понять, насколько душевная уравновешенность содействует силе характера. Люди большой духовной силы очень часто обладают и большим характером.

Сила характера приводит нас к ее уродливой разновидности – *упрямству*.

В каждом конкретном случае трудно сказать, где кончается первое и начинается второе, но различие в понятии уста-

навливается легко.

Упрямство *не является дефектом разума*; этим понятием мы определяем сопротивление правильному и лучшему пониманию данного явления; конечно, такое сопротивление не может быть делом разума, этой нашей способности понимать. Упрямство – *дефект темперамента*. Неподатливость воли и раздражительное отношение к чужим доводам происходят из особого рода самолюбия, для которого высшее *удовольствие – только своим умом властвовать над собой и другими*. Мы назвали бы упрямство своего рода тщеславием, если бы оно не было чем-то лучшим; тщеславие удовлетворяется видимостью, упорство же покоится на удовольствии, доставляемом сущностью.

Сила характера обращается в упрямство всякий раз, когда сопротивление чужим взглядам вытекает не из уверенности в правильности своих убеждений и не из следования высшему принципу, а из *чувства противоречия*. Если это определить, как мы уже заранее признались, мало помогает нам на практике, то все же оно помешает рассматривать упрямство как *более высокую степень* силы характера. Если упрямство приближается и даже граничит с силой характера, то оно все-таки не повышенная его степень, а нечто существенно различное; бывают чрезвычайно упрямые люди, которые вследствие недочетов своего ума оказываются весьма слабохарактерными.

Очерченные нами качества мастерства выдающегося вое-

начальника представляют свойства, в которых проявляются совместно дух и разум; теперь рассмотрим еще одну черту военной деятельности, пожалуй самую яркую, если не самую важную, не зависящую от духовных сил и предъявляющую требования лишь к умственным способностям. Она вытекает из отношения войны к местности и почве.

Это отношение, во-первых, *непреложно*; невозможно представить какое-либо проявление действий сформированной армии, совершаемое вне определенного пространства. Во-вторых, оно получает *решающее значение*, так как накладывает отпечаток на действия всех сил, а порой их совершенно изменяет; в-третьих, оно то *упирается в самые детальные особенности данного участка, то схватывает широчайшие пространства*.

Отношение войны к местности и почве придает военной деятельности чрезвычайное своеобразие. Если мы взглянем на другие виды человеческой деятельности, имеющие известную связь с местностью (садоводство и земледелие, архитектура и гидротехнические сооружения, горное дело, охота и лесоводство), то все они ограничены скромными пространствами, которые в короткий срок могут быть обследованы с достаточной точностью. Между тем военачальник вынужден приспособить свою деятельность к пространству, на котором предстоит действовать и которое он ни осмотреть, ни обследовать, несмотря на всю энергию, не сможет; постоянная же смена событий редко позволит детально

с этим пространством ознакомиться. Конечно, его противник находится в таком же положении, но, во-первых, общие обеим сторонам затруднения все же остаются затруднениями, причем начальник, преодолевший их благодаря таланту и опыту, получает огромное преимущество; во-вторых, такое равенство в затруднениях бывает лишь в общем, но отнюдь не в каждом конкретном случае; обычно один из двух противников (обороняющийся) гораздо лучше ознакомлен с местностью, чем другой.

Эту в высшей степени своеобразную трудность должна преодолеть особая способность ума, которая обозначается чересчур узким термином – *чувство местности*. Это – способность *быстро и верно составить геометрическое представление о любой местности* и, как следствие этого, всякий раз в ней затем хорошо ориентироваться. Очевидно, что это – работа воображения. Правда, что при этом восприятие отчасти создается при помощи зрения, отчасти при помощи рассудка, который своим проникновением, обостренным наукой и опытом, дополняет недостающее и из обрывков, уловленных глазом, составляет целое. Но для того, чтобы это целое затем ясно и живо выступило перед сознанием, стало картиной, мысленно начертанной картой, отдельные детали которой не распадаются и длительно сохраняются в памяти, нужна *духовная сила, которую мы называем воображением, фантазией*. Если гениальный поэт или художник почувствует себя оскорбленным в том, что мы Фантазии

– их богине – приписываем такого рода деятельность, если он будет пожимать плечами, услышав на основании сказанного, что находчивый молодой охотник обладает хорошим воображением, то мы охотно пойдем на уступку, признав, что речь здесь идет о крайне ограниченном круге применения фантазии, о поистине робкой службе с ее стороны. Но как бы то ни было, эта способность, хотя бы в малой доле, должна найти свое применение, потому что при полном ее отсутствии человеку трудно представлять себе живые образы предметов в их взаимном отношении. Мы охотно признаем, что хорошая память в этом случае оказывает существенную помощь; но вопрос о том, следует ли считать память самостоятельной душевной способностью или же ее в этом отношении укрепляет и фиксирует воображение, мы должны оставить открытым; память и воображение вообще трудно представить обособленно друг от друга.

Значительную роль при этом играют, конечно, навык и проницательность. *Пиусежюр*, известный генерал-квартирмейстер знаменитого маршала Люксембурга, говорит, что вначале он мало доверял своим силам в этом отношении, так как замечал, что, когда ему приходилось отправляться за приказаниями на далекое расстояние, он всякий раз сбивался с пути.

Естественно, что применение этого таланта расширяется по мере повышения ранга. Если гусар или егерь, ведя свой разъезд или дозор при наличии немногих примет, огра-

ниченном понимании, среднем воображении, обязан легко ориентироваться в дорогах и тропинках, то полководец должен подняться до представления географических особенностей целой области и даже страны, всегда иметь перед мысленным взором направление дорог, течение рек, расположение горных цепей и, кроме того, обладать способностью детально понимать подробности местности. Хотя помощь общим представлениям он черпает из всякого рода сообщений, карт, книг, мемуаров, а в изучении деталей ему помогают окружающие, но несомненно, что крупный талант быстрого и ясного охвата местности придает всем действиям полководца более легкий и уверенный ход, ограждает от известной внутренней беспомощности и делает его более независимым от других.

Указанная способность – едва ли не единственная услуга, которую фантазия может оказать в военном деле. Во всем остальном эта распушенная богиня способна принести больше вреда, чем пользы.

Итак, мы, по-видимому, приняли во внимание все проявления умственных и духовных сил, к которым военная деятельность предъявляет свои запросы. Всюду разум представляется существенной содействующей силой, а поэтому понятно, что простая в своих проявлениях военная деятельность может выдающимся образом руководиться только людьми выдающихся умственных способностей.

Если эта точка зрения будет усвоена, то отпадает необхо-

димось считать обход неприятельской позиции, – действие в сущности самое простое и тысячу раз повторявшееся, – достижением высокого умственного напряжения.

Правда, создалась привычка противопоставлять простого, хорошего солдата глубокомысленному или изобретательному, кипящему идеями уму, украшенному блеском всестороннего образования. Это противопоставление не лишено основания, но оно, безусловно, не доказывает еще, что достоинство солдата заключается только в храбрости; даже для того, чтобы быть только хорошим рубакой, и то надо иметь на плечах толковую голову, пригодную для своеобразной работы. Мы вновь должны отметить весьма частое явление, когда люди, достигнув высоких постов, утрачивают работоспособность, так как присущий им кругозор оказывается недостаточным. Мы подчеркиваем, что речь идет о *выдающихся* достижениях, доставляющих славу в той области деятельности, которой себя данное лицо посвятило. Каждая ступень командования на войне образует свой собственный цикл необходимых умственных способностей, славы и чести.

Громадная пропасть отделяет полководца, руководящего всей войной или действиями на отдельном театре войны, от непосредственно ему подчиненных; последние находятся под несравненно более непосредственным руководством и надзором, и, следовательно, их умственная деятельность заключена в значительно более узкие рамки. Этим объясняется распространенное мнение, будто лишь на высшем посту

необходим выдающийся ум, а на остальных ступенях командования будто бы можно обходиться самым посредственным рассудком. Часто бывают склонны подмечать известное приращение умственных способностей поседевшего в боях начальника, занимающего ближайшую к полководцу командную должность, кругозор которого доведен до несомненной бедности его односторонней деятельностью; при всем уважении к его личной доблести часто готовы улыбаться над его ограниченностью. Мы не имеем в виду брать под свою защиту этих славных людей; таланты их от этого не вырастут, а в защите они едва ли нуждаются; мы хотим лишь показать, как дело обстоит в действительности, и рассеять заблуждение, будто на войне можно достигнуть выдающихся успехов и без умственных способностей, одной храбростью.

Если даже на низших постах мы требуем от командира, стремящегося выдвинуться, выдающихся духовных способностей и повышаем наши требования на каждой ступени, то само собою очевидно, что мы отнюдь не так смотрим на тех, кто с *честью* занимает второе место в армии. Их кажущаяся простота рядом с многознающим ученым, борзо пишущим чиновником и выступающим в заседаниях государственным деятелем не должна нас вводить в заблуждение относительно выдающейся природы их творческого разума. Правда, иногда бывает, что люди приобретают на низших постах репутацию и затем достигают высших должностей, в действительности не соответствуя последним. Если их там не очень

используют, то они не подвергаются опасности разоблачить свою несостоятельность, а молва не разбирается достаточно точно в том, какого рода слава принадлежит им по праву. Подобные люди являются часто причиной довольно низкого мнения и о личностях, подлинно блестящих на известных постах.

Таким образом, чтобы достигнуть выдающихся результатов на войне, и на низших и на высших ступенях требуется своеобразный гений. Но история и суд потомства обычно придают наименование подлинного гения лишь тем умам, которые блистали на руководящих постах в роли полководцев. Это объясняется чрезвычайно повышенными требованиями к духу и уму, предъявляемыми на этом посту.

Для того чтобы довести всю войну или хотя бы большей ее отрезок, называемый походом, до блестящего конца, необходимо глубоко вникнуть в высшие государственные соотношения. Здесь стратегия и политика сливаются воедино, и полководец становится одновременно и государственным человеком.

Карла XII не называют гением потому, что он не умел подчинять свои военные успехи высшей прозорливости и мудрости и потому не достиг блестящих результатов; не дают этого названия и Генриху IV, потому что он прожил недостаточно долго для того, чтобы выдвинуть свою военную деятельность на арену отношений нескольких государств и испытывать свои силы в более трудных условиях, когда бла-

городство чувств и рыцарский нрав не могут оказывать на противника того влияния, как при преодолении внутренней смуты.

В главе I нашего труда мы стремились дать читателю почувствовать объем того, что должно быть охвачено полководцем одним взглядом и получить от него правильную оценку. Повторяем, полководец становится государственным человеком, но все же должен оставаться полководцем; с одной стороны, он должен одним взглядом охватить все государственные взаимоотношения, с другой – отдать себе ясный отчет в том, чего он может достигнуть с имеющимися у него средствами.

При этом многообразии и неопределенности всевозможных отношений приходится взвешивать множество величин, оценка значительной части которых может быть произведена только по законам вероятности. Если полководец не охватит всего этого своим глубоким прозорливым умом, то возникает путаница заключений и соображений и утратится возможность правильного суждения. В этом понимании Бонапарт был совершенно прав, когда говорил, что многие вопросы, стоящие перед полководцем, являются математической задачей, достойной усилий *Ньютона и Эйлера*.

Главное, что здесь требуется от высших духовных сил, – это цельность и анализ, доведенный до удивительного прозрения, способного на лету разрешать и разъяснять тысячи смутных представлений, одоление каждого из которых мо-

жет истощить обыкновенный ум. Но эта высшая духовная деятельность, этот взор гения все же не стал бы достоянием истории, если бы он не нашел поддержки в тех свойствах темперамента и характера, о которых мы говорили выше.

Простое сознание истины представляет лишь крайне слабое побуждение для деятельности человека. Отсюда то великое различие, которое существует между познанием и волей, между знанием и умением. Наиболее сильно побуждают человека к действию чувства и та могучая поддержка, которую дают сплавы, если так можно выразиться, темперамента и рассудка, о которых мы говорили выше. Это – решимость, твердость, стойкость и сила характера.

Добавим: если бы эта повышенная умственная и духовная деятельность полководца не свидетельствовала о себе суммой достигнутых успехов и ее приходилось бы принимать лишь на веру, она редко попадала бы на страницы истории.

То, что обычно делается известным о ходе военных событий, бывает чрезвычайно простым, кажется крайне однообразным. Повествование не дает никакого понятия о тех трудностях, которые при этом приходится преодолевать. Лишь изредка, благодаря мемуарам полководцев и их доверенных лиц или при особо тщательном исследовании какого-либо события, удается схватить часть тех многих нитей, которые образуют ткань событий. Большая часть тех размышлений и той внутренней борьбы, которые предшествовали какому-либо крупному исполнению, умышленно скрывается,

ибо они затрагивают политические интересы, или же просто забывается, ибо на них смотрят лишь как на леса, подлежащие сносу по окончании постройки.

Мы не будем пытаться более точно определить высшие духовные силы и отказываемся от установления отдельных свойств разума. Но на вопрос, какого рода ум более всего соответствует военному гению, скажем, исходя из природы военной деятельности и опыта действительности, – скорее критический, чем творческий, скорее широкий, чем углубляющийся в одну сторону; горячей голове мы предпочтем холодную, и последней мы вверили бы на войне благосостояние наших братьев и детей, честь и безопасность родины.

Глава IV. Об опасности на войне

Люди, не испытавшие опасностей войны, представляют себе ее скорее привлекательной, чем отталкивающей. В пылу воодушевления стремительно ринуться на врага – кто тогда считает пули и сраженных ими; зажмурив на несколько мгновений глаза, броситься навстречу смерти, еще не зная, предназначена она тебе или другим, – и все это на самом пороге золотой победы, почти касаясь плода всех усилий, которого жаждет честолюбие, – неужели это так трудно? Конечно нетрудно, но и не так легко, как это может показаться. Во-первых, таких мгновений будет мало; притом опасность – дело во всяком случае не мгновенное, как кажется многим, ее нельзя сразу проглотить, а придется принимать понемногу, разбавленную временем, подобно испорченной лекарственной микстуре.

Пойдем за новичком на поле сражения. Приближаясь к последнему, мы замечаем, что гром орудий, становящийся с каждым мгновением все более ясным, сменяется наконец воем снарядов, привлекающим внимание новичка. Снаряды падают уже близко то спереди, то сзади. Мы спешим к холму, на котором командир корпуса расположился со своей многочисленной свитой. Здесь падает больше снарядов, а разрывы гранат уже настолько учащаются, что серьезная действительность начинает сквозить через образы юношеской фан-

тазии. Вдруг вы видите, как падает сраженным ваш знакомый: граната упала в строй и вызвала невольное смятение. Вы начинаете ощущать, что сохранять полное спокойствие и сосредоточенность становится уже трудно; даже самые храбрые становятся несколько рассеянными.

Сделаем еще шаг в самое сражение, которое бушует перед нами пока еще в виде картины. Подойдем к ближайшему начальнику дивизии; здесь снаряд летит за снарядом; грохот собственных орудий увеличивает вашу рассеянность. От дивизионного – к бригадному генералу. Последний, человек испытанной храбрости, тем не менее осторожно укрывается за холмом, домом или деревьями. Картечь, верный признак нарастающей опасности, барабанит по полям и крышам, снаряды с воем пролетают около нас, и над головами во всех направлениях часто свистят ружейные пули. Еще один шаг к войскам, и мы среди пехоты, с неопишуемой стойкостью часами выдерживающей огневой бой. Здесь воздух наполнен свистом пуль, дающих знать о своей близости коротким резким звуком, когда они пролетают в нескольких дюймах от ваших ушей, головы, самой души. В беспокойно бьющееся сердце непрерывными мучительными ударами стучится сострадание к искалеченным и сраженным на ваших глазах.

Ни одной из этих различных ступеней опасности новичок не минует, не ощутив, что мысль здесь пробуждают иные силы и лучи ее преломляются иначе, чем при обычной умственной деятельности; скажем больше, надо быть со-

вершенно исключительным человеком, чтобы под влиянием первых впечатлений не утратить способности принимать мгновенные решения. Правда, привычка скоро притупляет эти впечатления; через полчаса становишься более или менее равнодушным ко всему окружающему, но до полного спокойствия и естественной душевной эластичности обыкновенный человек дойти не может, а потому следует признать, что здесь обыденного недостаточно; чем шире круг деятельности, тем выше требования. Нужны восторженная, стоическая, прирожденная храбрость, властное честолюбие или старая привычка к опасности и еще многое, чтобы в этой затрудняющей всякую деятельность обстановке результат работы был не ниже той нормы, которая у себя в кабинете кажется такой обыкновенной.

Опасность – один из элементов трения на войне: правильное представление о ней необходимо для познаний сущности войны.

Поэтому мы и коснулись этого предмета.

Глава V. О физическом напряжении на войне

Если бы никому не разрешалось высказывать суждения о военных событиях иначе, как в тот момент, когда он окоченел от холода или изнемог от жары и жажды, подавлен голодом и усталостью, мы, конечно, имели бы меньше объективно верных суждений, но зато они были бы строго субъективными, т. е. в точности передавали бы отношение судящего к предмету. Это видно уже из того, насколько умаленным, вялым и дешевеньким является суждение очевидцев о результатах губельного происшествия, особенно в тот момент, когда они находятся среди этих несчастных событий. Последнее, на наш взгляд, может служить мериллом влияния, оказываемого физическим напряжением, и того значения, какое ему при анализе явлений следует придавать.

Существуют явления, для пользования которыми на войне нет возможности установить какую-либо норму, к ним в особенности относится физическое напряжение. Способность к физическому напряжению, поскольку она не будет растрачена, является коэффициентом всех сил, и никто в точности не может сказать, до какого предела ее можно довести. Но замечательно: как более сильный стрелок туже натягивает тетиву лука, так более мощному духом удастся на войне добиться от своих войск более высокой степени на-

пряжения сил. Конечно, существует два вида напряжения сил. Один, когда после страшного разгрома, разбившись на обломки, подобно рухнувшему зданию, окруженная опасностями армия ищет спасения с величайшим напряжением физических сил. Другой – когда полководец, по своему свободному соизволению, ведет победоносную армию, полную горделивого чувства. Степень напряжения, которая в первом случае вызывает лишь сострадание, во втором – внушает восторженное удивление, так как добиться ее здесь несоизмеримо труднее.

Таким образом, и перед неопытным глазом выступает на свет одно из обстоятельств, которое тайно накладывает оковы на порывы духа и украдкой поглощает его силы.

Хотя здесь речь идет, собственно, лишь о напряжении, которого главнокомандующий требует от своей армии, начальник – от своих подчиненных, – точнее, о мужестве, необходимом, чтобы его добиться, и об искусстве, без которого его нельзя сохранить, однако нельзя обойти и вопроса о физическом напряжении, испытываемом начальниками и полководцем.

Добросовестно доведя анализ войны до этого места, мы должны принять во внимание также и удельный вес этого наложения.

Мы рассматриваем здесь вопрос о физическом напряжении главным образом потому, что это напряжение, как и опасность, является одной из основных причин трения, а

также и потому, что по неопределенному размеру вызываемого трения оно приближается к природе эластичных тел, сила трения которых, как известно, с трудом поддается исчислению.

Однако особое внутреннее чувство, которое природа дала нам в качестве путеводной нити для нашего суждения, предостерегает нас против злоупотребления ссылками на указанные суждения; нельзя отговариваться тягостными условиями войны. Подобно тому как отдельный человек ничего не выигрывает, если будет ссылаться на свои слабости, подвергшись позору и оскорблениям, и, напротив, выставит себя в лучшем свете, сославшись на них после того, как ему удастся восторжествовать над клеветой или блестяще отомстить, так ни один полководец, ни одна армия изображением опасностей, тягот и напряжения не исправят впечатления от позорного поражения; но те же трудности могли бы значительно усилить блеск одержанной победы. Так, кажущаяся снисходительность к побежденному, к которой склонен наш рассудок, подавляется *нашим чувством*, в существе своем являющимся суждением высшего порядка.

Глава VI. Сведения, получаемые на войне

Словом «сведения» мы обозначаем всю совокупность данных, имеющихся у нас о неприятеле и его стране. Это – основа наших собственных идей и действий. Стоит лишь вникнуть в природу этой основы, в ее недостоверность и шаткость, чтобы почувствовать, как хрупка зиждущаяся на ней постройка войны, как легко она может рухнуть и похоронить нас под своими обломками. Что следует доверять лишь надежным сообщениям и что никогда не следует отказываться от известного недоверия, об этом написано во всех руководствах; но это – жалкое книжное утешение, представляющее ту премудрость, к которой охотно прибегают за именем чего-либо лучшего составители систем и учебников.

Многие донесения, получаемые на войне, противоречат одно другому; ложных донесений еще больше, а основная их масса малодостоверна. От военного работника в данном случае требуется известная способность различать, которая дается только знанием дела и людей и здравым суждением. При оценке различных сведений надлежит руководствоваться их вероятностью. Затруднения бывают уже значительными при составлении первоначальных планов, разрабатываемых в кабинетах, вне подлинной сферы войны. В суматохе же военных действий они несравненно больше: там од-

но известие нагоняет другое; счастье еще, когда их противоречивость устанавливает известное равновесие и вызывает взаимную критику. Гораздо хуже для неопытного человека, когда случай отказывает ему в этой услуге: одно известие начинает подкреплять, подтверждать и преувеличивать другие, картина раскрашивается все новыми красками, наконец он оказывается перед необходимостью принять поспешное решение; последнее вскоре будет признано глупостью, а сведения, его вызвавшие, — ложью, преувеличением, ошибкой и пр. Короче говоря, большинство известий ложно, а человеческая опасливость черпает из них материал для новой лжи и неправды. Как общее правило, всякий скорее способен поверить плохому, чем хорошему; каждый склонен несколько преувеличивать плохое. Грозящие опасности, о которых подобным образом доносят, похожи на морские волны, которые хотя и уносятся сами, но снова возвращаются без всякого видимого повода. Непокколебимо уверенный в превосходстве своего внутреннего знания начальник должен стоять, как скала, о которую разбиваются волны сомнений. Это нелегкая роль; кто от природы не одарен хладнокровием, не закален боевым опытом и не тверд в своем суждении, должен принять за правило насильно, т. е. вопреки своим внутренним убеждениям, отворачиваться от опасений в сторону надежд; только этот путь позволит ему сохранить истинное равновесие. *Правильная оценка* этих затруднений, составляющих одно из главных трений на войне, дает

возможность видеть дело в совершенно ином свете, чем оно представлялось вначале. Впечатления чувств сильнее представлений разумного расчета, и это заходит так далеко, что почти ни одна сколько-нибудь крупная операция не выполнялась без того, чтобы командующему армией на первых же шагах не приходилось побеждать внутри себя вновь возникающие сомнения. Поэтому-то люди заурядные, следующие посторонним внушениям, обычно делаются нерешительными на месте действия. Обстоятельства им кажутся иными, чем они предполагали, и притом тем более, чем сильнее они продолжают поддаваться чужим внушениям. Но и тот, кто сам наметил план и смотрит на все собственными глазами, легко сбивается со своего первоначального мнения. Твердая уверенность в себе должна вооружить начальника против кажущегося напора данного момента. Его прежнее убеждение подтвердится при дальнейшем развертывании событий, когда кулисы, выдвигаемые судьбой на авансцену войны, с их густо намалеванными образами различных опасностей отодвнутся назад и горизонт расширится. Это – одна из великих пропастей, отделяющих *составление плана от его выполнения.*

Глава VII. Трение на войне

Пока человек лично не ознакомится с войной, он не поймет, в чем заключаются трудности, о которых постоянно идет речь, и каковы задачи гения и выдающихся духовных сил, необходимых полководцу. Все представляется чрезвычайно простым: необходимые знания – банальными, комбинации – незначительными; по сравнению с ними заурядная задача высшей математики производит более внушительное впечатление своим научным величием. Но тому, кто видел войну, все понятно; несмотря на это, крайне трудно указать, что изменяет это простое в трудное, и описать этот невидимый и тем не менее всюду действующий фактор.

Все на войне очень просто, но эта простота представляет трудности. Последние, накапливаясь, вызывают такое трение, о котором человек, не видавший войны, не может иметь правильного понятия. Представьте себе путешественника, которому еще до наступления ночи надо проехать две станции; 4–5 часов езды на почтовых лошадях по шоссе – пустышки. Вот он уже на предпоследней станции. Но здесь плохие лошади или нет вовсе никаких, а дальше гористая местность, неисправная дорога, наступает глубокая ночь. Он рад, что ему удалось после больших усилий добраться до ближайшей станции и найти там скудный приют. Так, под влиянием бесчисленных мелких обстоятельств, которых письменно изла-

гать не стоит, на войне все снижается и человек далеко отстает от намеченной цели. Могучая, железная воля преодолевает все эти трения, она сокрушает препятствия; но при этом, правда, приходит в негодность и сама машина. Нам часто придется возвращаться к этому выводу. Подобно обелиску, к которому ведут главные улицы города, в центре военного искусства господствует над всем твердая воля гордого духа.

Трение – это единственное понятие, которое в общем отличает действительную войну от войны бумажной. Военная машина – армия и все, что к ней относится, – в основе своей чрезвычайно проста, а потому кажется, что ею легко управлять. Но вспомним, что ни одна из ее частей не сделана из целого куска; все решительно составлено из отдельных индивидов, из которых каждый испытывает трение по всем направлениям. Теоретически получается превосходно: командир батальона отвечает за выполнение данного приказа; так как батальон спаян дисциплиной воедино, а командир – человек испытанного рвения, то вал должен вращаться на железной оси с ничтожным трением. В действительности это не так, и в свое время вскрывается все ложное и преувеличенное, содержащееся в этом представлении. Батальон не перестает состоять из людей; при случае каждый из них, даже самый незначительный, может вызвать задержку или иное нарушение порядка. Опасности и физическое напряжение, с которыми сопряжена война, увеличивают зло настолько, что

на них следует смотреть как на важнейший его источник.

Это ужасное трение, которое не может, как в механике, быть сосредоточено в немногих пунктах, всюду приходит в соприкосновение со случайностью и вызывает явления, которые заранее учесть невозможно, так как они по большей части случайны. Подобной случайностью может оказаться, например, погода. Здесь туман помешал вовремя обнаружить неприятеля, открыть огонь из орудия, доставить донесение начальнику; там из-за дождя один батальон не пришел вовсе, другой не мог прийти вовремя, так как ему вместо 3-х часов пришлось шагать целых 8, в другом месте кавалерия увязла в размокшем грунте и не могла атаковать и т. п.

Мы привели эти две-три подробности только для ясности, чтобы читатель понимал, что именно имеет в виду автор. Но о таких трудностях можно написать целые тома. Чтобы избежать этого и все-таки дать читателю ясное представление о массе мелких затруднений, с которыми приходится бороться на войне, мы хотели бы отразить наши мысли в ряде картин, но боимся вызвать утомление. Ограничимся несколькими примерами; да простят их нам читатели, давно нас познавшие.

Деятельность на войне подобна движению в противодействующей среде. Как невозможно в воде легко и отчетливо воспроизвести самые естественные и несложные движения, простую ходьбу, так и на войне обычных сил недостаточно, чтобы держаться хотя бы на уровне посредственности. По-

этому-то настоящий теоретик похож на учителя плавания, заставляющего упражняться на суше в движениях, которые понадобятся в воде. Эти движения покажутся смешными и странными тому, кто, глядя на них, не вспомнит о воде. Отсюда же происходит непрактичность и даже пошлость теоретиков, которые сами не погружались в воду или оказались неспособными извлечь из своего опыта какие-либо общие правила; они обучают только ходить, т. е. учат тому, что и без них каждый умеет.

Каждая война богата своеобразными явлениями. Она – неисследованное море, полное подводных камней. Полководец никогда их не видел, но должен предчувствовать и уметь лавировать среди них в глубоком мраке ночи. Если вдобавок вдруг поднимется противный ветер, т. е. если будет иметь место крупная неблагоприятная случайность, потребуются величайшее искусство, присутствие духа и напряжение сил, а смотрящему издали будет казаться, что все идет само собой. Знакомство с этим трением – значительная доля прославленного военного опыта, который требуется от хорошего генерала. Конечно, генерал, придающий исключительное значение трению, особенно если оно ему импонирует, не будет самым лучшим (такие боязливые генералы часто встречаются среди практиков). Но знание трения генералу безусловно необходимо, чтобы, где можно, его преодолевать и не ждать точности действий там, где из-за трения ее не может быть. Впрочем, теоретически трение изучить в совер-

шенстве нельзя, но если бы это и было возможно, то все же недоставало бы еще навыка в оценке, того такта, который, во всяком случае, гораздо нужнее в поле, среди мелких и разнообразных явлений, чем при решении крупных важнейших вопросов, когда можно держать совет с самим собой и с другими. Как такт, почти обратившийся в привычку, всегда заставляет светского человека действовать, говорить и двигаться корректно, так же и военный опыт позволит обладающему им командиру всегда в больших и малых делах, при каждом, так сказать, ударе пульса войны распорядиться правильно и кстати. При наличии опыта и навыка приходит ему на ум сама собою мысль: это – годится, это – нет. Он нелегко попадает впросак, что при частом повторении подрывает основы доверия и представляет большую опасность.

Трение или то, что мы обозначали здесь этим термином, делает легкое с виду трудным на деле. Мы еще вернемся впоследствии к этому предмету, и тогда станет ясным, что для того, чтобы быть выдающимся полководцем, необходимо, помимо опыта и сильной воли, обладать исключительными качествами духа.

Глава VIII. Заключительные замечания к первой части

Мы указали на опасность, физическое напряжение, недоверенность сведений и трение как на элементы, входящие в состав атмосферы войны и обращающие ее в среду, затрудняющую всякого рода деятельность. Сумму этих элементов и их противодействия можно назвать общим трением. Неужели для ослабления этого трения нет никакой надежной смазки? Такой смазкой может быть только втянутость армии в войну, но это средство не всегда находится в распоряжении полководца и войск.

Привычка приучает тело к большим напряжениям, душу – к опасностям, рассудок – к осторожности в отношении впечатления минуты. Привычка сообщает всем драгоценную уравновешенность, которая, восходя от рядового гусара и стрелка до начальника дивизии, облегчает деятельность полководца.

Подобно тому как человеческий глаз, расширяя в темной комнате свой зрачок, использует небольшое количество наличного света, мало-помалу начинает различать предметы и наконец вполне удовлетворительно разбирается в них, так и опытный солдат ориентируется на войне, в то время как перед новичком расстилается непроглядная тьма.

Ни один полководец не может дать войскам втянутости

в войну. Маневры мирного времени являются слабой ее заменой; эта замена слаба по сравнению с подлинным боевым опытом, но не в сравнении с навыками, приобретаемыми войсками, которые тренируются только в механическом воспроизведении искусственных учений. Организация упражнений мирного времени, при которой открывается доступ хотя бы части элементов трения, развивает в отдельных начальниках способность к суждению, осмотрительность, даже решительность и имеет несравненно большую ценность, чем думают те, кто не знаком с этим на опыте. Крайне важно, чтобы военный любого ранга на войне не впервые столкнулся с явлениями трения, которые обычно сначала повергают в изумление и смущение. Если он с ними раньше встречался хотя бы однажды, то они ему уже наполовину знакомы. Это касается даже физических напряжений. В них следует упражняться с целью приучить не только тело, но главным образом ум. Солдат-новичок склонен на войне считать требуемое от него чрезвычайное напряжение сил результатом крупных ошибок, блужданий и растерянности общего руководства; это удваивает его чувство подавленности, но все это отпадает, если к напряжению своих сил он будет подготовлен маневрами.

Привлечение офицеров чужих армий, обладающих боевым опытом, – другое, менее широкое, но все-таки очень хорошее средство приобрести навык к войне в мирное время. В Европе мир редко бывает повсеместно, да и в остальных

частях света война никогда не прекращается. Поэтому государство, пребывающее в долгом мире, должно постоянно привлекать к себе отдельных отличившихся на этих театрах войны офицеров или же отправлять туда своих офицеров, чтобы они могли там познакомиться с войной.

Как бы ни было незначительно число таких офицеров по отношению ко всей массе войск, все же их влияние будет очень заметно. Их опыт, направление ума, развитие характера влияют на подчиненных и товарищей; кроме того, в тех случаях, когда они не могут быть поставлены на влиятельные посты, на них можно смотреть как на людей, знакомых с местностью на определенных театрах войны; во многих случаях от них можно получить полезные сведения и указания.

Часть вторая. О теории войны

Глава I. Подразделения военного искусства

Война по существу своему – бой, так как бой – единственный решающий акт многообразной деятельности, разумеющейся под широким понятием войны. Бой – это измерение духовных и физических сил путем взаимного столкновения сторон. Понятно, что исключать духовные силы нельзя, так как состояние духа оказывает самое решающее влияние на военные силы.

С давних времен необходимость борьбы заставляла человека изобретать специальные средства для получения преимуществ в бою. Вследствие этого бой во многом изменяется; но в какую форму ни вылился бы бой, лежащая в основе его идея не меняется и определяет сущность войны.

Изобретениями являются главным образом оружие и устройство войск. Прежде чем начать войну, надо изготовить оружие и тренировать бойцов. Эта работа направляется сообразно с природой боя, следовательно, является продиктованной последней. Но это еще не бой, а только подготовка к нему. Что вооружение и устройство не являются суще-

ственной частью понятия боя, ясно, так как обходящаяся без них простая кулачная расправа все же является боем.

Боем определяются вооружение и устройство войск, но последние, в свою очередь, видоизменяют бой; таким образом, между ними происходит взаимодействие.

Однако бой все же остается крайне своеобразным видом деятельности, в особенности потому, что протекает в своеобразной стихии. Эта стихия – опасность.

Здесь более, чем где-либо, требуется разделение труда; чтобы пояснить практическую важность этого положения, достаточно напомнить, как отличные деятели в одной области оказывались абсолютно непригодными педантами в другой.

Притом вовсе не трудно при исследовании отделить один вид деятельности от другого, если рассматривать вооруженные силы, являющиеся для нас средством, как *данную* величину; для целесообразного их применения достаточно будет уметь разобраться в их основных свойствах.

Итак, военное искусство в тесном смысле этого понятия является искусством использования в борьбе данных средств, для него нет более подходящего названия, как ведение войны. Но, конечно, военное искусство в широком смысле охватывает и другие виды деятельности, существующие ради войны, т. е. всю работу по созданию вооруженных сил – их комплектование, вооружение, устройство и обучение.

Для того чтобы теория не порвала с реальностью, весь-

ма важно разделить исследование этих двух видов деятельности. Действительно, если бы теория военного искусства начиналась с организации вооруженных сил и, поскольку последние определяют *ведение войны*, приурочивала бы их к нему, то такая теория была бы приложима только в тех немногих случаях, когда наличные вооруженные силы в точности ей соответствуют. Напротив, если мы хотим иметь теорию, которая отвечала бы большинству случаев и никогда не являлась бы вовсе непригодной, то мы должны строить ее на основе нормальных вооруженных сил, какими они бывают в большинстве случаев, причем и здесь только на их важнейших данных.

Итак, ведение войны есть расстановка сил и ведение боя. Если бы борьба представляла единичный акт, то не было бы никакого основания для дальнейшего подразделения теории ведения войны; однако борьба состоит из большего или меньшего числа отдельных, *завершенных актов*, которые мы называем частными боями, как мы на то указывали в I главе 1-й части²¹, и которые образуют новые единства. Отсюда происходят два совершенно различных вида деятельности: 1) организация этих отдельных боев *и ведение их*; 2) *увязка их* с общей целью войны. Первая называется *тактикой*, вторая – *стратегией*.

Деление на тактику и стратегию в настоящее время имеет почти всеобщее распространение; каждый более или ме-

²¹ В действительности – во II главе 1-й части. – *Ред.*

нее определенно знает, в какую из двух областей он должен поместить отдельное явление, даже не отдавая себе ясного отчета в основании для этого деления. Если подобным подразделением руководствуются бессознательно, то оно должно иметь глубокое основание. Мы его установили и можем сказать, что путеводной нитью наших розысков являлось общепринятое словоупотребление. Произвольные же попытки отдельных писателей определить эти понятия без учета природы вещей мы должны рассматривать как не имеющие общего распространения.

Итак, согласно нашему делению, тактика есть *учение об использовании вооруженных сил в бою*, а стратегия – *учение об использовании боев в целях войны*.

Впоследствии, при более подробном рассмотрении боя, мы сможем вполне отчетливо очертить понятие отдельного или самостоятельного боя и установить предпосылки, при которых единство этого понятия имеет место; здесь же мы удовольствуемся замечанием, что пределы единства боя в пространстве (при одновременных боях) совпадают с *пределами командования соответственного начальника*, а пределы единства во времени (при боях, следующих один за другим) простираются до момента полного преодоления кризиса, содержащегося в каждом бое.

Тот факт, что встречаются сомнительные случаи, а именно, когда несколько боев могут рассматриваться как сливающиеся в одно целое, не может служить возражением против

нашей системы подразделения, так как представляет возражение против любой системы подразделения реальных явлений, различия между которыми обычно сглаживаются постепенными переходами. Конечно, бывают и такие акты боевой деятельности, которые с одной и той же точки зрения могут с одинаковым успехом быть отнесены и к стратегии, и к тактике, как, например, действия на весьма растянутых позициях, подобных кордонной линии, организация некоторых речных переправ и т. д.

Подразделение на стратегию и тактику имеет в виду и полностью охватывает лишь *использование вооруженных сил*. Между тем на войне есть множество видов деятельности, которые помогают использованию вооруженных сил, но отличны от него, иногда приближаясь, иногда становясь более чуждыми ему. Все эти виды деятельности относятся к *сохранению вооруженных сил*. Подобно тому как создание и обучение сил предшествует их использованию, так сохранение их сопровождает это использование и составляет необходимое его условие. Впрочем, при более внимательном разборе все виды деятельности, относящиеся сюда, должны рассматриваться как подготовка к бою, но подготовка, настолько близко соприкасающаяся с боевой деятельностью, что она сопровождает военные действия на всем их протяжении, чередуясь с актом *использования* вооруженных сил. Поэтому мы вправе отделить эти виды деятельности так же, как и прочие подготовительные действия, от военного искусства, по-

нимаемого более тесно, т. е. от непосредственного ведения войны, и к этому нас вынуждает основное требование всякой теории *отделять неоднородные явления друг от друга*. Кто станет причислять к ведению войны в собственном смысле всю канитель продовольственной службы и администрации? Хотя они и находятся с ведением войны в постоянном взаимодействии, но все же представляют нечто по существу своему от него отличное.

В III главе 1-й части²² мы говорили, что в то время, как борьба в целом и частные бои представляют собой единственное подлинное действие, нити всех остальных видов деятельности приводят к бою и охватываются им. Этим мы хотели сказать, что всем остальным видам деятельности бой указывает объекты, к достижению которых они стремятся, каждый согласно присущим им особенностям. Здесь мы подробнее остановимся на них.

Объекты деятельности, протекающие вне сферы боя, чрезвычайно разнообразны.

Некоторые из них, с одной стороны, являются частью самой борьбы и с ней тождественны, с другой же стороны имеют целью сохранение вооруженных сил. Другие служат исключительно сохранению этих сил и лишь на основе взаимодействия оказывают косвенное влияние на бой.

Объекты деятельности, являющиеся еще частью самой борьбы, – это *марши, биваки и квартирное расположение*

²² Указанная тема рассматривается во II главе 1-й части. – *Ред.*

войск, потому что ими обуславливается известное состояние войск, а там, где мыслятся войска, идея боя всегда должна быть налицо.

Другие, имеющие отношение исключительно к сохранению вооруженных сил, – это *продовольствие войск, уход за ранеными и больными, пополнение вооружения и снаряжения.*

Марши вполне тождественны с использованием войск. *Марши в течение боя*, обычно называемые эволюциями²³, еще не представляют подлинного действия оружием, но они так тесно и неизбежно связаны с последним, что составляют неотъемлемую часть того, что мы называем боем. Марш же вне боя – не что иное, как выполнение стратегических предначертаний. Эти последние указывают, *когда, где и с какими силами* должен быть дан бой, а для выполнения этого единственным средством служит марш.

Таким образом, марши вне боя являются орудием стратегии, но не принадлежат единственно ей, так как войска на походе каждое мгновение могут ввязаться в бой; поэтому выполнение марша контролируется как тактикой, так и стратегией. Когда мы указываем колонне путь по сую сторону реки или горного отрога, то это является стратегическим заданием, ибо в нем заключается намерение дать противнику бой, если последний завяжется на марше, по эту сторону реки или

²³ Т. е. движения, связанные с перестроением боевых порядков и маневрированием в бою. – *Ред.*

отрога, а не на противоположной стороне.

Если же колонна, вместо того чтобы идти в долине по дороге, будет двинута по сопровождающей последнюю возвышенности, или если ради удобства марша она будет разделена на несколько небольших колонн, то это уже явится тактическим заданием, ибо оно определяется тем *способом*, каким, в случае возможного боя, мы намерены использовать наши вооруженные силы.

Внутренний распорядок при передвижении всегда связан с боевой готовностью и относится к тактике, ибо он не что иное, как предварительный распорядок для могущего иметь место боя.

Так как марш²⁴ является инструментом, посредством которого стратегия распределяет свои деятельные начала, т. е. бои, то эти последние входят в стратегию лишь своими результатами, но не своим фактическим течением; поэтому нас не должно удивлять, что при анализе инструмент часто оказывался на месте деятельного начала. Так часто говорят о решающих искусных маршах, причем разумеют при этом те комбинации боев, к которым эти марши привели. Такая подмена представлений вполне естественна, а краткость речи слишком желательна, чтобы настаивать на отказе от нее, но все же такой оборот речи является лишь сдвигом ряда пред-

²⁴ Здесь мы вносим исправление – «марш» вместо «человек», так как во втором немецком издании (1835), с которым сверялся настоящий перевод, явная опечатка: «Mensch» (человек) вместо «Marsch». – *Ред.*

ставлений, настоящий смысл которого надлежит не упускать из виду, дабы не стать на ложный путь.

Таким ложным путем является приписывание стратегическим комбинациям силы, независимой от тактических успехов. Комбинируют марши и маневры, достигают намеченной цели, и при этом нет и речи о бое; отсюда заключают, что будто бы существуют средства одолеть противника и без боя. В дальнейшем изложении мы будем иметь возможность указать всю чреватую последствиями значительность этого заблуждения.

Но хотя марш и может рассматриваться как неотъемлемая часть боя, однако к нему относятся и вопросы, не имеющие прямого отношения к последнему, т. е. не являющиеся ни тактическими, ни стратегическими. Сюда относится весь распорядок, служащий лишь для удобства войск – например, сооружение мостов и дорог и т. п. Это, однако, лишь аксессуары; порой они могут стать очень близкими к использованию войск и почти с ними отождествиться, как, например, постройка моста на глазах у неприятеля, и все же они являются посторонними действиями, теория которых не входит в теорию ведения войны.

Биваки²⁵, под которыми, в противоположность квартирному расположению, мы разумеем всякое сосредоточение, а следовательно, готовое к бою расположение войск, представляют состояние покоя и, следовательно, отдыха, но в то же

²⁵ В оригинале – «лагери». – *Ред.*

время они являются стратегическим предрешением сражения в пунктах, где они располагаются; при этом порядок их расположения уже содержит в себе основные линии боя и обстановку, из которой исходит всякий оборонительный бой. Таким образом, расположение биваков является существенной частью как стратегии, так и тактики.

Квартирное расположение заменяет бивак в целях предоставления лучшего отдыха войскам; следовательно, по местонахождению и размеру занятой площади оно, как и биваки, относится к стратегии, а по внутренней организации, ориентированной на готовность к бою, является предметом тактики.

Правда, помимо отдыха войск бивачное и квартирное расположения обыкновенно преследуют и другие цели – например, прикрытие известного района, удержание той или другой позиции; но часто целью может служить лишь первое. Припомним, что цели, преследуемые стратегией, могут быть чрезвычайно разнообразными, ибо все, что представляет для нее выгоду, может служить целью данного боя; но и сохранение орудия, при помощи которого ведется война²⁶, по необходимости часто будет являться целью отдельных ее комбинаций.

Следовательно, когда в подобном случае стратегия обслуживает лишь сохранение войск, то мы вовсе не оказываемся в чужой нам области, но все еще находимся в области ис-

²⁶ Т. е. армии. – *Ред.*

пользования вооруженных сил, ибо всякое их размещение в любом пункте театра войны представляет использование их.

Но если сохранение войск на биваках или на квартирах вызывает такую деятельность, которая не является использованием вооруженных сил, вроде постройки землянок, разбивки палаток, снабжения продовольствием или работ по поддержанию чистоты на биваках и в местах расквартирования, то это уже не относится ни к стратегии, ни к тактике.

Даже сооружение окопов, расположение и устройство которых являются, очевидно, частью организации боя, а следовательно, составляют предмет тактики, не принадлежит, однако, в отношении *выполнения постройки* к теории ведения войны; нужные для этого знания и умение должны быть уже присущи обученной вооруженной силе. Учение о бое предполагает их как уже готовую данную.

Из объектов, которые служат исключительно сохранению вооруженной силы и ни одной своей частью не отождествляются с боем, все же более близким к последнему, чем другие, является продовольствие войск, потому что эта деятельность должна выполняться ежедневно, и притом для каждого индивида. Таким образом, она перекрывает всю военную деятельность в ее стратегической части.

Мы говорим – в ее стратегической части, так как в рамках единичного боя вопрос продовольствия войск лишь в крайне редких случаях может оказать существенное влияние на план боя, хотя и такой случай мыслим. Наибольшее взаи-

действие оказывается, таким образом, между продовольственным снабжением армии и стратегией; весьма часто бывает, что забота о продовольствии в значительной степени определяет основные стратегические линии кампании или войны. Но как бы часто и решительно ни влияла эта забота, снабжение войск продовольствием все же остается всегда деятельностью, существенно отличной от использования сил и влияющей на последнее лишь своими результатами.

Гораздо дальше от использования войск стоят другие объекты административной деятельности, о которых мы упоминали. Попечение о раненых очень важно для благосостояния армии, но распространяется лишь на малую часть входящих в ее состав индивидов и потому оказывает лишь очень слабое и притом косвенное влияние на использование остальных. Пополнение предметов снаряжения, поскольку оно не является постоянной деятельностью самого организма вооруженных сил, происходит периодически и, таким образом, только в редких случаях будет иметься в виду при составлении стратегических планов²⁷.

Но здесь нам надо оговориться во избежание возможного недоразумения. В отдельных случаях эти вопросы могут иметь решающее значение. Удаленность госпиталей и складов огнестрельных припасов может очень часто оказаться единственным основанием для крайне важных стратегиче-

²⁷ В наше время значение вопроса о снабжении боеприпасами бесконечно выросло. — *Ред.*

ских решений; этого факта мы не намерены ни отрицать, ни оставлять в тени. Но речь идет не о значении подобных фактов в отдельных случаях, а об отвлеченной теории ведения войны, и мы утверждаем, что такие случаи слишком редки, чтобы методам ухода за больными и ранеными, пополнения оружием, огнестрельными припасами и т. п. придавать значение для теории ведения войны. Тем не менее целесообразно включить в теорию войны различные методы и системы, которые дают эти теории и их выводы; во всяком случае, это имеет место по отношению к продовольствию войск.

Подводя снова итог нашим рассуждениям, мы скажем, что различные виды деятельности, связанные с войной, распадаются на две главные категории: на такие, которые являются лишь *подготовительными к войне*, и на *самую войну*. Этого деления должна держаться теория.

Знание и навыки, сопряженные с подготовкой, направлены на создание, обучение и сохранение всех вооруженных сил. Мы не будем останавливаться на том, какое общее название надо дать этой деятельности, но мы видим, что сюда входят артиллерия, фортификация, так называемая элементарная тактика, вся организация и администрация вооруженных сил и другие подобные предметы. Теория же самой войны занимается вопросами использования этих средств, выработанных в целях войны. От указанных ранее предметов она требует лишь вывода, а именно – данные о главных свойствах тех средств, которые предназначаются для веде-

ния войны. Эту теорию войны мы и называем военным искусством в тесном смысле слова, или теорией ведения войны, или теорией использования вооруженных сил, что для нас обозначает одно и то же понятие.

Эта теория будет заниматься боем, являющимся подлинной борьбой, маршами, бивачным и квартирным расположением как состояниями, более или менее тождественными с первыми. Снабжение же войск как деятельность, не входящая в содержание боя, будет приниматься во внимание лишь своими конечными данными, подобно *другим данным обстановки*.

В свою очередь, военное искусство в тесном смысле слова распадается на тактику и стратегию. Первая занимается оформлением отдельного боя, вторая – использованием последнего. Обе затрагивают вопросы маршей, бивачного и квартирному расположению лишь через призму боя, и эти вопросы являются тактическими или стратегическими в зависимости от того, касаются ли они оформления боя или его значения.

Вероятно, найдутся читатели, которым покажется излишним такое тщательное разграничение двух столь близко соприкасающихся предметов, как тактика и стратегия, ибо оно не оказывает непосредственного влияния на самое ведение войны. Но ведь нужно быть большим педантом, чтобы искать непосредственных воздействий теоретического подразделения на поле сражения.

Первая задача всякой теории – это привести в порядок смутные и чрезвычайно спутанные понятия и представления; лишь условившись относительно названий и понятий, можно надеяться ясно и легко преуспевать в рассмотрении вопросов и при этом питать уверенность, что находишься с читателем на одной и той же точке зрения. Тактика и стратегия представляют собою две проникающие одна другую в пространстве и времени, но в то же время различные по существу деятельности; мы ни в коем случае не можем отчетливо мыслить их внутренние законы и взаимоотношения, не установив в точности их понятия.

Тот, кому все это безразлично, или отказывается от всякого теоретического рассмотрения, или же еще не страдал от запутанных и сбивчивых представлений, не опирающихся на твердую точку зрения, не приводящих ни к какому удовлетворительному результату; подобные представления о ведении войны, порою плоские, порою фантастические, порою плавающие в пустоте общих мест, столь часто преподносятся нам в печатной и устной форме именно по той причине, что еще редко на этих предметах останавливался дух научного исследования.

Глава II. Теория войны

1. Первоначально под военным искусством разумели лишь подготовку боевых сил

Прежде под названием «военного искусства» или «военной науки» всегда разумели совокупность знаний и навыков, которые касаются материальных вещей. Устройство, изготовление и употребление оружия, постройка крепости и окопов, организация армии и механизм ее движений были предметами этих знаний и навыков, и все они были направлены к тому, чтобы выставить пригодную для войны вооруженную силу. При этом не выходили из области материй, и война рассматривалась как область деятельности лишь одной из воюющих сторон. По существу, это был только постепенный переход от ремесла к утонченному механическому искусству. Все это имело приблизительно такое же отношение к бою, как искусство мастера, выделяющего шпаги, к искусству фехтования. О действиях в минуту опасности в непрерывно меняющейся обстановке, о подлинных проявлениях духа и мужества в надлежащем направлении не было и речи.

2. Война проявляется впервые в искусстве осаждать крепости

В искусстве осаждать впервые проявляется нечто относящееся к руководству самим боем, т. е. признаки проявления того духа, которому вручена эта область материи. Но эти духовные проявления большей частью сейчас же получали материальное воплощение в виде подступов, траншей, контрпрошей, батарей и т. п. и являлись лишь нитью, требовавшейся для того, чтобы нанизать на нее это материальное творчество. Но в этих осадах духовная сторона могла найти почти исключительно такое выражение, и этим можно было довольствоваться.

3. Затем на тот же путь вступила тактика

Позднее тактика делала попытки придать механизму своих сочетаний характер общего распорядка, отвечающего особенностям инструмента²⁸ эта попытка, конечно, ведет теорию на поле сражения; но на последнем не было простора для свободной деятельности ума и воли; там действовала армия, обращенная строями и боевым порядком в автомат; простая команда приводила его в движение подобно часово-

²⁸ Т. е. армии. – *Ред.*

му механизму.

4. Мысли о подлинном ведении войны встречались лишь изредка и под другим обликом

Предполагалось, что подлинное ведение войны, свободное, т. е. примененное к требованиям конкретной обстановки, использование подготовленных средств, не может быть предметом теории, а должно представлять арену применения естественных дарований человека. Мало-помалу, по мере того как война переходила от рукопашной борьбы Средневековья к более правильной и сложной форме, в человеческом уме начинали тесниться отдельные отрывочные размышления, но они еще преимущественно проскальзывали только в мемуарах и рассказах, до известной степени *incognito*²⁹.

5. Размышления по поводу военных событий вызвали потребность в теории

Когда размышления по поводу военных событий стали накапливаться, а история стала приобретать более критический характер, возникла живая потребность в известной точ-

²⁹ *Incognito* – не указанных, под чужим именем. – *Ред.*

ке опоры в виде принципов и правил, дабы столь свойственные военной истории спорные вопросы и борьба противоречивых мнений могли получить разрешение. Этот вихрь противоречивых мнений, лишенный какого-либо центра и каких-либо ощутимых законов, должен был представлять претящее человеческому уму явление.

6. Стремление установить положительное учение

Таким образом, возникло стремление установить основные положения, правила или даже системы ведения войны. Эта задача была выдвинута без учета тех бесконечных трудностей, которые лежат на пути к созданию положительного учения о ведении войны. Ведение войны, как мы показали выше, расплывается в крайне неопределенных границах во все стороны, между тем как каждая система, каждое научное построение обладают ограничивающей природой синтеза; отсюда создается навсегда непримиримое противоречие между такой теорией и практикой.

7. Ограничение материальной стороной

Теоретики довольно скоро ощутили все трудности этой задачи и сочли себя вправе уклониться от нее. Поэтому они

вновь ориентировали свои принципы и системы лишь на одни материальные факторы и действия одной стороны. Хотели, как в науке о *подготовке к войне*, дойти до известных положительных результатов, принимая к рассмотрению лишь то, что могло быть подвергнуто точному учету.

8. Численное превосходство

Численное превосходство является вопросом материальным. Из всех факторов, которыми обуславливается победа, остановились именно на нем, так как численное превосходство, комбинируемое со временем и пространством, могло дать законы математического порядка. Мысля все прочие обстоятельства равными с обеих сторон и, таким образом, взаимно нейтрализованными, считали возможным отвлечься от них. Такое допущение, пожалуй, имело бы право на существование, если бы делалось временно, с целью изучить один этот фактор по сопровождающим его обстоятельствам; но поступить таким образом раз навсегда, считать численное превосходство за единственный закон и видеть в формуле *«сосредоточить к определенному времени в определенном пункте численное превосходство»* весь секрет военного искусства – это означало создавать ограничение, совершенно не способное выдержать могущественный напор действительной жизни.

9. Снабжение армии

Была сделана попытка систематизировать в теоретической обработке еще другой материальный фактор. Армия рассматривалась как некоторый организм, требующий пропитания; снабжение армии и выдвинули как основное исходное положение для законов ведения большой войны.

Конечно, и тут пришли к определенным цифровым данным, но эти цифры, покоившиеся на множестве произвольных предпосылок, не могли устоять перед лицом действительного опыта.

10. Базис

Некий остроумец попытался сосредоточить в одном понятии базиса целую кучу разнообразных обстоятельств, между которыми оказались даже и некоторые духовные факторы: *продовольствие армии, ее укомплектование и запасы снаряжения, обеспеченность сообщений с отечеством, наконец, безопасность отступления*, если в том окажется необходимость. Это понятие базиса сперва подменило собой все отдельные факторы; затем величина (протяжение) базиса подменила его самого, и, наконец, угол, который образует армия

с этим базисом, заменил величину последнего³⁰, и все это проделано было для того, чтобы дойти до чистого геометрического результата, не представляющего никакой ценности. Последнее, конечно, неизбежно должно было случиться, ибо ясно, что ни одна из этих подстановок не могла быть произведена без насилия над истиной и без изъятия части содержания предшествующего понятия. Понятие базиса представляет действительную потребность стратегии, и дошедший до него оказал теории истинную услугу, но пользоваться им выше-указанным способом безусловно недопустимо; это должно было привести к совершенно односторонним выводам, которые этого теоретика увлекли еще дальше в совершенно нелепом направлении, а именно – к установлению господствующего значения охватывающей формы базиса.

11. Внутренние линии

В виде реакции против этого ложного направления возведен был на престол другой геометрический принцип, принцип так называемых внутренних линий. Этот принцип опирается на правильное основание – на ту истину, что бой есть единственное решающее средство на войне; но все же имен-

³⁰ Сарказмы Клаузевица направлены против Бюлова; последний указывал на значение «объективного угла», образуемого линиями, идущими от пункта расположения армии к концам базиса. Чем армия уйдет дальше от базиса, тем угол делается острее, а положение армии – более сомнительным. – *Ред.*

но вследствие своей исключительно геометрической природы он не что иное, как новая однобокость, которая никогда не будет в состоянии господствовать над действительной жизнью.

12. Все подобные попытки должны быть отвергнуты

На все подобные попытки создать теорию можно смотреть как на шаг вперед к истине лишь в аналитической их части; в части же синтетической, дающей руководящие указания и правила, они совершенно непригодны.

Они стремятся к определенным величинам, в то время как на войне все неопределенно и в расчет входят явно переменные величины.

Они направляют исследование лишь на величины материальные, в то время как военные действия насквозь пронизаны духовными силами и воздействиями.

Они всегда имеют в виду лишь действия одной стороны, между тем как война представляет постоянное взаимодействие противных сторон.

13. Гения ставили вне правил

Все то, что оказывалось недостижимым для скудной муд-

рости одностороннего исследования, лежало за научной оградой и представляло область гения, *который якобы возвышается над общими правилами.*

Горе воину, долженствующему пресмыкаться среди нищеты этих правил, которые слишком плохи для гения, через которые гений может гордо шагать и даже потешаться над ними! А между тем именно то, что делает гений, должно являться лучшим правилом, и теория ничего лучшего сделать не может, как показать, как и почему действовал гений.

Горе той теории, которая становится в оппозицию к духу! Она не загладит этого противоречия никаким смирением; чем больше она будет унижаться, тем больше ее будут вытеснять из действительной жизни насмешка и презрение.

14. Затруднения, встреченные теорией при рассмотрении величин духовного порядка

Каждая теория становится бесконечно труднее с того момента, когда она затронет сферу моральных величин. Архитектура и живопись ясно понимают свои задачи, пока они имеют дело с материей; механические и оптические конструкции споров не вызывают. Но как только начинается моральное воздействие их творений, как только должны проглянуть духовные переживания и чувства, – все законодательство расплывается в неопределенных идеях.

Медицина по большей части занимается явлениями физи-

ческими, она имеет дело с животным организмом, который, будучи подвержен постоянным изменениям, через два месяца становится уже иным, чем он был раньше; это значительно затрудняет задачу медицины и ставит способность суждения врача выше его знаний; но насколько труднее случай, когда примешивается и душевное заболевание, и насколько выше ставим мы работу психиатра!

15. Моральные величины не могут быть исключены из теории войны

Но военная деятельность никогда не бывает направлена против одной лишь материи, а всегда в то же время и против моральных сил, одухотворяющих эту материю; отделить их друг от друга невозможно.

Моральные величины можно различать лишь внутренним оком, а последнее у каждого человека будет иным, да и у одного и того же человека бывает различным в разное время.

Так как опасность является общей стихией, в которой протекает вся военная деятельность, то суждение здесь будет находиться в зависимости от мужества и уверенности в собственных силах. Последние являются той призмой, через которую проходят все представления раньше, чем они достигают разума.

И все же нельзя сомневаться в том, что эти моральные величины могут получить некоторую объективную оценку уже

на основе одного опыта.

Каждый знает моральное действие внезапного нападения, атаки с фланга или с тыла. Каждый ценит ниже храбрость противника, как только тот повернул спину, и проявляет совсем иную отвагу в роли преследующего, чем в роли преследуемого. Каждый судит о своем противнике по молве о его талантах, по его возрасту и его опытности и этим руководствуется в своей деятельности. Каждый тщательно взвешивает дух и настроение своих и неприятельских войск. Все эти и подобные им воздействия в области духовной природы подтверждались и постоянно повторялись на опыте; следовательно, мы вправе считаться с ними как со своего рода действительными величинами. Что может получиться из теории, которая оставила бы их без внимания?

Конечно, эти истины должны вести свою родословную от опыта. С психологическими же и философскими мудрствованиями не должны связываться ни одна теория, ни один полководец.

16. Главная трудность для теории ведения войны

Чтобы отчетливо обозреть трудность задачи, которая содержится во всякой теории ведения войны, и иметь возможность вывести заключение о характере, который должна носить эта теория, мы должны ближе присмотреться к главным

особенностям, определяющим природу военной деятельности.

17. Первая особенность – моральные силы и воздействия (чувство вражды)

Первая из этих особенностей заключается в моральных силах и воздействиях.

Бой первоначально является проявлением *чувств вражды*; правда, в наших больших боях, которые мы называем войной, враждебные чувства часто становятся только враждебными *намерениями*: обычно мы не найдем, по крайней мере у отдельного человека, чувств ненависти к отдельному, единичному врагу. Тем не менее никогда дело не обходится без подобных чувств. Национальная ненависть, в которой и в наших войнах редко чувствуется недостаток, заменяет в большей или меньшей степени личную вражду одного индивидуума к другому. Но там, где нет и этой ненависти и первоначально не было никакого озлобления, там чувство вражды вспыхивает в процессе самой борьбы.

Насилие, которое над нами кто-то учиняет на основании приказа свыше, разжигает в нас чувство мести и возмездия прежде, чем наши чувства обратятся против той власти, которая повелевает против нас действовать. Это по-человечески или, если хотите, по-зверски, но это так. А в теории обычно принято смотреть на бой как на абстрактное измере-

ние сил без какого-либо участия настроения; это представляет одну из тысячи ошибок, допускаемых вполне умышленно теориями, не отдающими себе отчета в вытекающих из них последствиях.

Кроме этого порождаемого самой природой борьбы побуждения моральных сил, существуют и другие, в основном самостоятельные, но родственные борьбе и легко с ней увязывающиеся, как то: честолюбие, властолюбие, воодушевление всякого рода и пр.

18. Впечатления, производимые опасностью (мужество)

Наконец, бой порождает стихию опасности, в которой все виды военной деятельности пребывают и движутся, как рыбы в воде, как птицы в воздухе. Действие же опасности влияет на дух или непосредственно, т. е. инстинктивно, или через посредство разума. Непосредственным отражением опасности является стремление избежать ее, а при неисполнимости последнего – страх и ужас. Если такое воздействие не имеет места, это означает, что этот инстинкт уравнивается мужеством. Но мужество никоим образом не есть акт рассудка, а представляет точно такое же чувство, как и страх; последний направлен на физическое самосохранение, а мужество – на моральное. Мужество – благородный инстинкт, который не допускает своего использования в виде безжиз-

ненного инструмента, проявляющего свое действие в точно указанном размере. Таким образом, мужество – не простой противовес опасности, предназначенный нейтрализовать ее действие, а величина самостоятельная.

19. Объем влияния опасности

Дабы правильно оценить влияние опасности, оказываемое на лиц, действующих на войне, не следует ограничивать ее область физической опасностью данной минуты. Опасность воздействует на начальника не только тем, что непосредственно угрожает лично ему, но и тем, что угрожает всем вверенным ему людям; это воздействие имеет место не только в момент действительного проявления опасности, но и в течение всего промежутка времени, который в нашем представлении связан с этим моментом. Наконец, опасность оказывает не только непосредственное воздействие, но также и косвенное – посредством ответственности, бремя которой, тяготеющее над сознанием начальника, она удесятерит. Кто смог бы посоветовать или решиться дать большое сражение, не испытывая при этом большего или меньшего духовного напряжения или смущения перед опасностью и ответственностью, сопряженных с таким решительным актом? Можно положительно утверждать, что деятельность на войне, поскольку она является подлинной деятельностью, а не только присутствием, никогда полностью не выходит из сферы

опасности.

20. Другие моральные силы

Рассматривая эти моральные силы, возбуждаемые враждой и опасностью, как специфически присущие войне, мы тем самым не исключаем всех остальных моральных сил, сопровождающих человека на его жизненном пути; и на войне они найдут для себя достаточно места. Правда, можно сказать, что иная мелкая игра страстей принуждена будет смолкнуть на этом серьезном жизненном поприще, но это относится лишь к лицам, действующим на низших ступенях; переносясь от одной опасности, от одного потрясения к другим, они теряют из виду все прочие обстоятельства жизни, отвыкают от лжи и обмана, ибо смерти не солжешь и не обманешь ее, и таким образом доходят до солдатской простоты характера – лучшего признака военного звания. Но на высших постах дело обстоит иначе, ибо чем выше человек поставлен, тем шире должен быть его кругозор, – следовательно, там возникают всесторонние интересы и разнообразная игра страстей – и хороших, и дурных. Зависть и благородство, гордость и скромность, гнев и умиление – все они могут являться действенными силами в этой великой драме.

21. Особенности ума

Особенности ума действующего лица наряду с его темпераментом также оказывают на войну огромное влияние. От ума фантастического, экзальтированного, незрелого можно ожидать одного, от ума холодного и сильного – другого.

22. Из многообразия духовного склада личности вытекает многообразие путей, ведущих к цели

Велико многообразие индивидуального духовного склада; его влияние сказывается главным образом на высших постах, ибо оно растет по мере подъема к ним. Оно по преимуществу и обуславливает то многообразие путей, ведущих к цели, и придает игре вероятностей и счастья ту столь различную долю участия в событиях, о которых мы говорили в 1-й части нашего труда.

23. Вторая особенность – живое противодействие

Вторая особенность военных действий – это живое противодействие и вытекающее из него взаимодействие. Мы здесь не говорим о трудности рассчитать силу этого противодей-

ствия, ибо мы уже имели ее в виду в числе затруднений, встречаемых теорией при рассмотрении величин духовного порядка; мы имеем в виду то обстоятельство, что происходящее взаимодействие по самой своей природе противится всякой плановости. Воздействие, оказываемое на противника каким-либо нашим мероприятием, представляет собой наиболее индивидуальную из всех данных военной деятельности; между тем каждая теория должна классифицировать явления и никак не может включать в свое содержание случай чисто индивидуальный. Оценка последнего всегда должна быть предоставлена личному суждению и таланту. Поэтому вполне естественно, что в такой деятельности, как военная, где план, построенный на обстановке в целом, так часто нарушается неожиданными индивидуальными явлениями, вообще много должно быть предоставлено таланту; пользоваться при этом указаниями теории приходится меньше, чем в какой-либо другой отрасли.

24. Третья особенность – недостоверность данных

Наконец, своеобразное затруднение представляет недостоверность данных на войне; все действия ведутся до известной степени в полумраке; к тому же последний нередко, подобно туману или лунному освещению, создает иллюзию преувеличенного объема и причудливых очертаний.

Все то, что скрывает это слабое освещение, должен угадать талант, или же надо положиться на счастье. Таким образом, вновь приходится доверяться таланту или же, по недостатку объективного разума, просто отдаваться на волю случая.

25. Положительное учение невозможно

При такой природе предмета мы должны признать, что представляется абсолютно невозможным снабдить военное искусство подмостками в виде положительной научной системы, которая давала бы во всех случаях внешнюю опору военному деятелю. Последний везде, где от него требовался бы его личный талант, оказался бы вне такой научной системы и в противоречии с нею; какое бы многостороннее сооружение ни представляла система, постоянно получался бы все тот же результат, о котором мы уже говорили, а именно: талант и гений действуют вне закона, теория становится в противоречие с действительностью.

26. Выходы для создания теории (трудности не всюду одинаково велики)

Из этого затруднения открываются нам два выхода. Прежде всего то, что мы сказали о природе военной деятель-

ности в целом, не распространяется в одинаковой мере на деятельность на любом посту. На низших ступенях командования предьявляется преимущественно требование на мужество и самоотверженность; трудности понимания и суждения здесь несравненно меньше. Область явлений гораздо более замкнута, цели и средства в количественном отношении более ограничены, данные – точнее: по большей части они даже могут быть установлены непосредственно зрением. Но чем выше мы поднимаемся по иерархической лестнице, тем больше возрастают затруднения, достигая высшей степени в деятельности верховного главнокомандующего, который почти во всем должен опираться на гений.

Расчленив военную деятельность по *содержанию*, мы также усмотрим, что трудности не везде одинаковы. Они уменьшаются, когда действия получают материальное выражение, и возрастают при переходе в мир духовный, в область мотивов, побуждающих волю. Поэтому легче теоретически наметить внутренний порядок боя, его организацию и ведение, чем его использование. Там идет борьба физическим оружием с той и с другой стороны, и хотя моральные силы, конечно, принимают участие в этой борьбе, все же материя сохраняет в ней свои права. Но в *результате* боев материальные успехи становятся, в свою очередь, мотивами, и нам приходится иметь дело исключительно с духовной природой. Одним словом, *тактика* представляет для теории гораздо меньше трудностей, чем *стратегия*.

27. Теория должна являться рассмотрением³¹, а не учением

Второй выход, делающий возможным построение теории, дает следующая точка зрения; теория не должна быть непременно положительным учением, т. е. *руководством* для действий. Во всех случаях, когда какая-нибудь деятельность постоянно сталкивается с одними и теми же вопросами, с теми же целями и средствами, хотя бы и несколько измененными и в разнообразнейших комбинациях, эти вопросы должны стать предметом углубленного рассмотрения. Такое рассмотрение и составляет существеннейшую часть всякой *теории* и имеет преимущественное право на это название. Оно является аналитическим исследованием предмета, ведет к точному *ознакомлению* с ним, а при условии проверки опытом, т. е. в нашем случае – военной историей, к полному *усвоению* его. Чем больше рассмотрение достигает этой конечной цели, тем оно более переходит из объективной формы знания в субъективную форму умения; таким образом, оно сохранит свою действенность и там, где природа дела допускает решение лишь при наличии таланта; в нем самом скажется действенность достигшего своей цели рассмотрения. Если теория исследует предметы, составляющие сущ-

³¹ Клаузевиц употребляет термин «Betrachtung», понимающий научный подход, исследование, рассмотрение. – *Ред.*

ность войны; если она более отчетливо различит то, что на первый взгляд кажется слившимся; если она укажет с достаточной полнотой все свойства средств и предусмотрит вероятные результаты их действия; если она ясно определит природу целей и осветит разумной критикой всю область войны, то она этим выполнит существеннейшую часть своей задачи. Она будет служить путеводителем тому, кто по книгам желает освоиться с войной; она всюду осветит ему путь, облегчит все шаги, воспитает его суждение и оградит от ложных шагов.

Если специалист затратит половину своей жизни на углубленное изучение темного вопроса, то он, конечно, уйдет дальше, чем тот, кто пожелает освоиться с ним в короткое время. Для того чтобы каждый не стоял перед необходимостью заново приводить в порядок весь материал и полностью его разрабатывать, но находил все в упорядоченном и выясненном состоянии, и существует теория. Она должна воспитывать ум будущего полководца или, вернее, руководить им в его самовоспитании, но не должна сопровождать его на поле сражения; так мудрый наставник направляет и облегчает умственное развитие юноши, не ведя его, однако, всю жизнь на помочах.

Если из соображений, выдвигаемых теорией, сами собой сложатся принципы и правила, и если истина сама собой отольется в их кристаллическую форму, то теория не должна противиться этому естественному закону ума; наоборот,

там, где свод завершается таким законом, она его еще более выдвинет на первый план; но сделает она это лишь для того, чтобы удовлетворить философскому закону мышления и отчетливо указать на тот пункт, к которому устремлены все линии, а не для того, чтобы построить алгебраическую формулу для пользования на поле сражения; ведь эти принципы и правила также должны скорее определять главные линии внутренней, самостоятельной работы мыслящего ума, чем представлять при выполнении задачи вежи, точно указывающие путь.

28. При такой точке зрения теория является осуществимой, причем отпадает ее противоречие с практикой

Этой точкой зрения создается возможность удовлетворительной, т. е. полезной и никогда не вступающей в противоречие с действительностью, теории ведения войны; лишь от разумного обращения с нею будет зависеть сближение ее с делом настолько, чтобы исчезло бессмысленное расхождение между теорией и практикой. Последнее часто вызывалось неразумной теорией, отрешавшейся от человеческого здравого смысла, но часто являлось и для ограниченных умов и невежд предлогом, чтобы благополучно оставаться во врожденной им косности.

29. Таким образом, теория рассматривает природу целей и средств. Цель и средства в тактике

Итак, задача теории – рассмотреть природу средств и целей.

В тактике средством служат обученные вооруженные силы, которые должны вести бой. Цель – победа. Более точное определение этого понятия удобнее будет сделать в будущем, при рассмотрении боя; здесь мы ограничимся указанием как на признак одержанной победы на уход неприятеля с поля сражения. Посредством этой победы стратегия достигает той цели, которую она поставила данному бою и которая определяет истинное *значение* победы. Это значение, несомненно, оказывает известное влияние на природу победы. Победа, ориентированная на ослабление вооруженных сил противника, представляет нечто иное, чем победа, долженствующая доставить нам лишь обладание известной позицией. Таким образом, значение боя может иметь заметное влияние на организацию и ведение его, а следовательно, служить предметом рассмотрения и для тактики.

30. Обстоятельства, всегда сопровождающие применение средств

Так как известные обстоятельства всегда сопровождают бой и оказывают на него большее или меньшее влияние, то при исследовании применения вооруженных сил они также подлежат рассмотрению.

Этими обстоятельствами являются условия местности, время суток и погода.

31. Условия местности

Условия местности, под которыми разумеется как сама местность, так и почва, могли бы, строго говоря, не оказывать влияния, если бы бой давался на абсолютно плоской, лишенной каких-либо сооружений равнине.

В степных краях это действительно и встречается, в культивированных же районах Европы это почти фантазия. Таким образом, едва ли хотя бы один бой между цивилизованными народами Европы можно мыслить без влияния местности и почвы.

32. Время суток

Время суток влияет на бой различием между днем и ночью, но зависимость от него, конечно, простирается и за эту грань между ними, ибо каждый бой имеет известную продолжительность, а крупные бои длятся даже многие часы. При организации большого сражения, несомненно, будет существенно важным, начнется ли оно с утра или после полудня. Но, конечно, многие бои будут происходить при таких условиях, когда время дня окажется совершенно безразличным; в большинстве случаев влияние этого обстоятельства довольно ничтожно.

33. Погода

Погода еще реже оказывает решительное влияние на бой; в большинстве случаев известную роль играет туман.

34. Цели и средства в стратегии

Основным средством стратегии является победа, т. е. тактический успех, а цель ее в последней инстанции составляют те обстоятельства, которые должны непосредственно вести к заключению мира. Применение средств стратегии для до-

стижения этой цели сопровождается точно так же известными обстоятельствами, оказывающими большее или меньшее влияние.

35. Обстоятельства, сопровождающие применение средств

Эти обстоятельства суть: местность и почва, причем первая понимается широко как страна и население в пределах всего театра войны, время суток, причем это представление расширяется до времени года; наконец, погода, и притом необычайные ее проявления, – например, сильные морозы и т. п.

36. Они образуют новые средства

Ставя эти явления в связь с успехом боя, стратегия придает этому успеху, а следовательно, и самому бою особое значение и *ставит ему особую цель*. Но, поскольку эта цель не является той, которая ведет непосредственно к заключению мира, т. е. будет целью промежуточной³², она должна рассматриваться как средство, и мы поэтому можем рассматривать успехи в боях или победы во всех их различных значениях как средства стратегии. Захват позиции представля-

³² В оригинале – подчиненной. – *Ред.*

ет подобный боевой успех, связанный с территорией. Но не только отдельные бои с их особыми целями надо рассматривать как *средство*, но и всякое высшее единство, которое может образоваться из сочетания боев, направленных на одну общую цель. Зимний поход представляет такую комбинацию, связанную со временем года.

Таким образом, в качестве цели остаются лишь те явления, которые мыслятся как *непосредственно* ведущие к миру; теория исследует все эти средства и цели, руководствуясь природой их действительности и их взаимоотношениями.

37. Стратегия черпает подлежащие исследованию средства и цели из опыта

Первый вопрос: каким образом теория может достигнуть исчерпывающего перечисления этих явлений? Если бы это явилось задачей философского исследования, то последнее запуталось бы во всех тех трудностях, которые во имя логической необходимости исключаются из ведения войны и ее теории. Поэтому теория обращается к опыту и берет под свое рассмотрение те комбинации, которые уже отмечены военной историей. Теория, создавшаяся таким путем, будет, конечно, до известной степени ограниченной, соответствующей лишь условиям, представленным в военной истории. Но такое ограничение уже потому неизбежно, что все, что говорит теория, или переведено ею на язык отвлеченностей

из трудов по военной истории, или же по меньшей мере сопоставлено и сравнено с историческими данными. Впрочем, подобное ограничение существует скорее в мыслях, чем в действительности.

Большое преимущество этого пути заключается в том, что теория при этом не может заблудиться в мечтаниях, мудрствованиях и химерах и все время остается на почве практики.

38. До каких пределов должен доходить анализ средств

Другой вопрос: как далеко должна заходить теория в анализе средств? Очевидно, лишь настолько, насколько приходится принимать во внимание при пользовании этими средствами их специфические свойства. Дальнобойность и действительность разных видов огнестрельного оружия крайне важны для тактики, но конструкция оружия, хотя и определяющая упомянутые свойства, совершенно безразлична, ибо данными для ведения войны являются не уголь, сера и селитра, медь и олово³³ для выделки из них пороха и пушек, но готовое оружие с его действительностью. Стратегия пользуется картами, не беспокоясь о тригонометрических исчислениях; она не исследует вопроса о том, как следует устраи-

³³ Пушки делались в ту эпоху из бронзы, представлявшей сплав меди и олова. – *Ред.*

ивать страну, воспитывать народ и управлять им для достижения наибольших военных успехов, но берет все эти данные такими, какие они бывают в европейских государствах; надо лишь обращать внимание на те случаи, где имеются какие-либо резкие уклонения, могущие оказать заметное влияние на войну.

39. Значительное упрощение знаний

Легко понять, что таким путем число предметов, подлежащих теоретическому изучению, значительно сокращается, а знания, необходимые для ведения войны, сильно ограничиваются. Велико количество знаний и сноровок, которые вообще обслуживают военную деятельность и которые необходимы для подготовки; но прежде чем устроенная армия выступит в поход и раньше чем эти знания и сноровки достигнут конечной цели своей деятельности, они сливаются в небольшое число крупных выводов, подобно тому как воды страны сливаются в реки, прежде чем они докатятся до моря. Лишь с этими вливающимися в море войны выводами должен ознакомиться тот, кто призван ею руководить.

40. Этим объясняется, почему так быстро формируются великие полководцы и почему быть полководцем не означает быть ученым

В самом деле, этот результат нашего рассмотрения является настолько необходимым, что всякий иной должен был бы вызвать у нас подозрение в его правильности. Лишь этим объясняется, что на войне так часто выступали с большим успехом на высших постах, даже в роли главнокомандующего, люди, деятельность которых до этого имела совсем иное направление. Более того, выдающиеся полководцы никогда не выходили из класса много знающих или ученых офицеров, но из людей, которые жили в обстановке, в большинстве случаев не соответствовавшей приобретению большого количества познаний. По этой причине всегда высмеивались как жалкие педанты те, кто утверждал, что для воспитания будущего полководца необходимо или хотя бы полезно начать с изучения всех деталей военного дела. Нетрудно доказать, что такие, детальное знание приносят скорее вред, так как человеческое мышление воспитывается сведениями и течениями мысли, которые ему сообщаются. Лишь великое может сделать его великим; мелкое же делает его мелочным, если только он не отвергает мелочное как нечто ему совершенно чуждое.

41. Препжнео протнворечне

Так как многие не обращали внимания на эту простоту знания, потребного на войне, и сваливали это знание в одну кучу со всей массой служебных сведений и споровок, то впадали в явное протнворечне с явлениями действительно-го мира и находили из него выход лишь в том, что все приписывали гению; гений же не нуждается в теории, и не для гениев теории сочиняются.

42. Поэтому стали отрицать полезность всякого знания и приписывали все природным дарованиям

Люди, у которых природный здравый смысл сохранил свои права, конечно, чувствовали, какая огромная пропасть лежит между гением высшего порядка и ученым педантом; они пришли к известного рода вольнодумству, отвергали всякую веру в теорию вообще и считали ведение войны естественной функцией человека, которую он выполняет с известным успехом в зависимости от того, родился ли он на свет с большим или меньшим к ней дарованием. Нельзя отрицать, что эти люди были ближе к истине, чем преклонявшиеся перед ложным знанием; однако все же сразу бросается

в глаза, что этот взгляд представляет несомненное преувеличение. Никакая деятельность человеческого ума невозможна без известного запаса представлений; но эти представления, по крайней мере в большинстве своем, не являются врожденными; они приобретаются человеком, составляя существо его знаний. Вопрос, следовательно, сводится лишь к тому, какого рода должны быть эти представления; последнее, нам кажется, мы уже определили, сказав, что для целей войны они должны определяться по тем вопросам, с которыми приходится непосредственно иметь дело на войне.

43. Знание должно быть сообразно с занимаемой должностью

В пределах арены военной деятельности знания должны быть различными в зависимости от положения, которое занимает начальник; они окажутся направленными на более мелкие и ограниченные предметы, когда занимаемый пост – скромный, на более крупные и многообъемлющие, когда начальник занимает высокую должность. Бывали полководцы, которые не проявили бы особенного блеска в должности командира кавалерийского полка, но бывало и наоборот.

44. Требуемые на войне знания очень просты, но применение их – дело не очень легкое

Хотя знания, требуемые на войне, крайне просты, так как сосредоточиваются на небольшом числе предметов и притом охватывают лишь их конечные выводы, умение их применить все же не будет делом очень легким. На какие затруднения наталкивается деятельность на войне вообще, об этом мы уже говорили в 1-й части нашего сочинения; не останавливаясь здесь на тех, которые можно преодолеть только мужеством, мы утверждаем, что и подлинно умственная деятельность проста и легка на войне лишь на низших постах; с повышением же должности растут и трудности, а на высшем посту главнокомандующего умственная деятельность принадлежит к числу наиболее трудных, какие только выпадают на долю человеческого ума.

45. Каковы должны быть эти знания?

Полководцу не надо быть ни ученым историком, ни знатком государственного права, но он должен быть близко знаком с высшими областями государственной жизни, он должен знать господствующие направления, действующие интересы, очередные вопросы, он должен быть знаком с главны-

ми действующими на арене политики лицами и правильно их оценивать. Нет надобности, чтобы он был тонким наблюдателем человеческой природы, изысканным знатоком человеческих характеров, но он должен знать характер, образ мыслей и нравы, особые недостатки и достоинства тех, которыми он призван повелевать. Ему нет надобности знать что-либо об устройстве повозки или об упряжке лошадей в орудие, но он должен уметь правильно оценить продолжительность марша колонны при различной обстановке. Всех этих познаний нельзя добиться посредством аппарата научных формул и выкладок, цепляющихся одна за другую, как шестерни; они приобретаются лишь тогда, когда человеку при рассмотрении вопросов, а также в жизни присущи меткое суждение и талант ясного восприятия.

Необходимое для деятельности на высоком посту знание, следовательно, характеризуется тем, что оно может быть приобретено процессом рассмотрения, т. е. лишь с помощью своеобразного таланта изучения и размышления; этот талант, подобно пчеле, берущей мед из цветка, умеет каким-то духовным инстинктом извлекать из-под внешних оболочек жизни их сущность; он черпает свои знания не только из рассмотрения и изучения, а и прямо из жизни. Жизнь с ее богатым запасом поучений не в состоянии сформировать *Ньютонов и Эйлеров*, но ей по силам создать высокую способность расчета *Кондэ и Фридриха*.

Итак, для защиты высокого умственного уровня, требуе-

мого военной деятельностью, нет никакой надобности прибегать к неправде или бестолковому педантизму. Никогда еще не бывало великого полководца с ограниченным умом, но очень часты случаи, когда люди, служившие с выдающимся отличием на более низких постах, оказывались ниже посредственности на высших постах, так как у них не хватало способностей. Само собою разумеется, что в этом отношении имеется различие и между постами главнокомандующих в различных случаях в зависимости от объема их полномочий.

46. Знание должно стать умением

Теперь нам остается упомянуть еще об одном условии, которое более настоятельно необходимо для познания ведения войны, чем для всякого другого, а именно – это познание должно всецело слиться с духовной деятельностью, утратить всякую объективность. Почти во всех остальных искусствах и на других поприщах работы действующее лицо может пользоваться истинами, которые оно смогло просто изучить, дух и смысл которых уже не переживает и которые извлекает из пыльных фолиантов. Даже истины, которые у него ежедневно под рукой и которыми он обычно пользуется, могут оставаться чем-то совершенно для него внешним. Когда архитектор берет в руки перо, чтобы при помощи сложного расчета определить мощность устоя, то добытая таким путем

истина не есть выражение его духа. Ему сначала пришлось потрудиться над установлением необходимых данных, а затем он пустил их в обработку математической операции, законы которой не он изобрел и внутреннюю логику которой он в данную минуту даже и не вполне сознает; большей частью он применяет ее как механический прием. На войне так никогда не бывает. Духовная реакция, вечно меняющийся ход дела заставляют лицо, действующее на войне, носить в себе весь умственный аппарат своего знания; он должен обладать способностью всюду, при каждом биении пульса извлечь из себя самого необходимое решение. Таким образом, знание через такую полную ассимиляцию с духом и жизнью должно превратиться у него в подлинное умение. Вот почему все кажется таким легким у выдающихся военных деятелей и все приписывается *природному таланту*: мы говорим *природному таланту* для того, чтобы подчеркнуть различие его от таланта, воспитанного и выработанного путем наблюдения и изучения.

Мы думаем, что этим разбором мы отчетливо установили задачу теории ведения войны и указали способ ее разрешения.

Из двух областей, на которые мы разделили ведение войны, – тактика и стратегия – теория последней представляет, бесспорно, наибольшие трудности, ибо первая имеет почти замкнутый круг предметов, последняя же в направлении целей, непосредственно ведущих к заключению мира, раскры-

вается в безграничную область возможностей. Но так как эту цель должен иметь в виду почти исключительно главнокомандующий, то эта трудность преимущественно относится к той части стратегии, в которой вращается последний.

Поэтому теория стратегии, особенно в области высших ее вопросов, должна в гораздо большей мере, чем теория тактики, ограничиться простым лишь рассмотрением явлений и довольствоваться тем, чтобы помочь деятелю добиться того проникновения в суть явлений, которое, сплавившись в одно целое со всем его мышлением, облегчит его шаги и придаст им уверенность, но никогда не заставит его отрешиться от самого себя и сделаться послушным орудием объективной истины.

Глава III. Военное искусство или военная наука

**Словоупотребление еще не установилось
(Умение и знание. Цель науки – одно
лишь знание; цель искусства – умение)**

До сих пор еще колеблются в выборе между этими двумя терминами и не отдают себе ясного отчета, что должно послужить основанием для решения, хотя дело весьма просто. Мы уже раньше отмечали, что *знание* – нечто другое, чем умение. Оба эти понятия столь различны между собой, что, казалось бы, их нелегко смешать. Умение, собственно говоря, не могло бы быть изложено ни в какой книге, – значит, искусство не должно бы служить заглавием какой-либо книги. Но раз уже образовалась привычка объединять под одним общим названием теории искусства, или попросту искусства, все нужные для искусства знания (которые в отдельности могли бы составить законченные науки), то представляется последовательным проводить и дальше этот принцип расчленения и называть искусством все то, что имеет своей целью созидательное умение, – например, строительное искусство, – а наукой то, где целью является чистое знание, – на-

пример, математика, астрономия. Само собой понятно, что в каждой теории искусства могут заключаться отдельные научные построения; это не должно нас смущать. Но замечательно, что нет и наук, которые обходились бы совершенно без искусства; в математике, например, счет и применение алгебры есть искусство, и оно простирается еще далеко за эти пределы. Причина в следующем: как бы груба и наглядна ни была разница между знанием и умением в сложных результатах человеческого знания, проследить эти два начала в самом человеке и полностью разграничить их чрезвычайно трудно.

Трудность отделить опознание от суждения (военное искусство)

Всякое рассуждение есть искусство. Там, где логика протягивает тире³⁴, где заканчиваются предпосылки, составляющие результат *опознания*, и где начинается суждение, – там начинается и искусство. Мало того, само опознание умом есть опять-таки суждение – следовательно, и искусство; в конце концов, пожалуй, то же можно сказать и об опознании чувствами. Словом, если нельзя себе представить человеческое существо с одной способностью опознания и без способности суждения и наоборот, то точно так же нельзя пол-

³⁴ Т. е. переходит к выводу. – *Ред.*

ностью отделить друг от друга искусства и науки. Чем больше эти тонкие проблески воплощаются в *реальные формы* внешнего мира, тем их царства *резче отделяются* друг от друга; и опять: где творчество и созидание составляют цель, там царит искусство, наука же господствует там, где целью служат исследование и знание. После всего вышесказанного явствует само собой, что правильнее говорить «военное искусство», а не «военная наука».

Нам пришлось задержаться, так как обойтись без этих понятий невозможно. Но теперь мы выступим с утверждением, что война не есть ни искусство, ни наука в подлинном смысле слова; непонимание этого являлось той ложной отправной точкой, от которой шел ошибочный путь невольных сопоставлений войны с другими науками или искусствами и установления множества неправильных аналогий.

Это чувствовалось уже и раньше, почему и утверждали, что война – это ремесло; но от этого утверждения больше теряли, чем выигрывали, ибо ремесло есть лишь искусство *низшей категории* и как таковое оно подчиняется более определенным и узким законам. Действительно, некоторое время военное искусство вращалось в сфере ремесла, а именно в эпоху *кондотьеров*. Но такое направление оно получило *не по внутренним, а по внешним причинам*; в какой малой степени оно было в эту эпоху естественным и удовлетворительным, свидетельствует военная история.

Война есть акт людских отношений

Итак, мы говорим, что война не относится к области искусств и наук, а к области общественной жизни. Война есть столкновение крупных интересов, которое разрешается кровопролитием, и только этим она отличается от других общественных конфликтов. Скорее, чем с каким-либо из искусств, войну можно было бы сравнить с торговлей, которая также является конфликтом человеческих интересов и деятельностей; *гораздо* ближе к войне политика, которую опять-таки можно рассматривать как своего рода торговлю, в более крупном масштабе. Политика, кроме того, является тем лоном, в котором развивается война; в политике в скрытом виде уже намечены контуры войны, как свойства живых существ в их зародышах.

Различие

Существенное различие между ведением войны и другими искусствами заключается в том, что война не есть деятельность воли, проявляющаяся против мертвой материи, как это имеет место в механических искусствах, или же направленная на одухотворенные, но пассивно предающие себя ее воздействию объекты, например дух и чувство челове-

ка, как это имеет место в изящных искусствах. Война есть деятельность воли против одухотворенного *реагирующего* объекта. К такого рода деятельности мало подходит схематическое мышление, присущее искусствам и наукам; это сразу бросается в глаза, и в то же время становится понятным, почему постоянные попытки и искажения законов, подобных тем, которые выводятся из мира мертвой материи, должны были приводить к постоянным ошибкам. Тем не менее именно по образцу механических искусств хотели создать искусство военное. Уподобление его искусствам изящным встречало препятствие уже в том, что последние сами еще мало поддаются правилам и законам и все попытки создать таковые всегда признавались в конечном счете неудовлетворительными и односторонними – их всякий раз подмывал и сносил поток мнений, чувств и нравов.

Эта часть нашего труда должна до известной степени исследовать вопрос о том, подчиняется ли конфликт живых сил, завязывающийся и разрешающийся на войне, общим законам и могут ли последние служить пригодной руководящей нитью для военной деятельности; но уже само собою ясно, что этот предмет, как и всякий другой, не выходящий за пределы нашего разума, должен быть освещен и более или менее выяснен в его внутренней связи пытливым умом. И одного этого уже будет достаточно для того, чтобы удовлетворить понятию о теории.

Глава IV. Методизм

Чтобы отчетливо уяснить себе понятия метода и методизма, играющие на войне такую важную роль, мы должны разрешить себе беглый взгляд на логическую иерархию, которая подобно власти предержавшим управляет миром действия.

Закон – самое общее понятие, в одинаковой мере истинное и для познания и для действия; оно включает в своем буквальном смысле нечто субъективное и произвольное, но, несмотря на это, выражает как раз то, от чего зависим и мы, и все предметы, вне нас находящиеся. Закон как предмет познания есть взаимоотношение вещей и их воздействий; как предмет воли он определяет действие и в этом случае равнозначен *повелению и запрету*.

Принцип есть такой же закон для действия, но не в его *формальном окончательном значении*; он представляет лишь дух и смысл закона; там, где многообразие действительного мира не укладывается в законченную форму закона, принцип предоставляет суждению большую свободу при его применении. Так как самому суждению предоставляет мотивировать те случаи, где принцип неприменим, то последний является подлинной *точкой опоры* и путеводной звездой для действующего лица.

Принцип *объективен*, если он является результатом объективной истины, и тогда он имеет силу в одинаковой мере

для всех людей. Он *субъективен* и обычно называется *максимой* (maxime), если содержит субъективное отношение и, следовательно, имеет известную силу лишь для того, кто его себе создал.

Правило часто понимается в смысле *закона* и является в таком случае равнозначущим *принципу*, ибо говорят: нет правила без исключений, – но не говорят: нет закона без исключений; это является признаком того, что, имея в виду *правило*, оставляют за собой большую свободу в его применении.

В другом смысле *правилом* пользуются как средством опознать более глубоко скрытую истину по какому-нибудь единичному, более внешнему признаку, дабы связать с этим одним признаком закон, действие которого распространяется на всю истину в целом. К этой категории принадлежат все правила игры, все сокращенные приемы математики и пр.

Положения и наставления – это такие определения действия, которыми затрагивается множество мелких, ближе указующих путь обстоятельств и которые слишком многочисленны и незначительны для включения их в общий закон.

Наконец, *метод, способ действия* – это избранный между несколькими другими, постоянно повторяющийся прием, *методизм* же – когда деятельность определяется не принципами или индивидуальным наказом, а применением установленных методов. Тем самым необходимо, чтобы случаи, подведенные под такой метод, предполагались одинаковыми в

своих существенных чертах; так как все случаи одинаковыми быть не могут, то важно, чтобы таких одинаковых случаев было *возможно больше*, – другими словами, чтобы метод был рассчитан на наиболее вероятные случаи. Следовательно, методизм основан не на определенных конкретных предпосылках, а на *средней вероятности* повторяющихся случаев и направлен на то, чтобы установить среднюю истину, постоянное однообразное применение которой вскоре приобретает до некоторой степени характер механического навыка; необходимые действия выполняются почти бессознательно.

Понятие закона в смысле познания на войне является почти лишним, ибо сложные явления войны недостаточно закономерны, а закономерные – недостаточно сложны для того, чтобы посредством этого понятия можно было достигнуть чего-либо большего, чем простой истиной. А там, где достаточно простого представления и простых слов, там *усложненные, высокого ранга* представления и слова становятся вычурными и педантичными. В отношении же действия понятие закона не может быть использовано теорией, ибо при изменчивости и многообразии явлений ведение войны не знает утверждений, достаточно общих, чтобы заслужить название закона.

Но принципы, правила, положения и методы являются для теории ведения войны постольку необходимыми понятиями, поскольку они ведут к положительному учению, ибо

в последнем истина может принимать лишь эту кристаллизованную форму.

Ввиду того что тактика есть та часть ведения войны, в которой теория скорее может выработаться в положительное учение, эти понятия и будут в ней чаще встречаться.

Не употреблять кавалерию без нужды против еще не расстроенной пехоты; стрелять лишь с расстояния, обеспечивающего действительность огня; приберегать по возможности силы к концу боя, – это принципы тактики. Все эти положения не являются абсолютно применимыми в каждом отдельном случае, но они должны быть всегда в сознании действующего, дабы он не упустил использовать содержащуюся в них истину в подходящей для того обстановке.

Когда по неурочной варке пищи в неприятельском отряде заключают об его скором выступлении, когда умышленное выставление войск на открытом месте во время боя дает указание на демонстративный характер атаки, то этот способ познания истины можно назвать правилом, ибо на основании одного видимого признака заключают о намерении, к которому этот признак относится.

Если существует правило – атаковать с удвоенной энергией противника, как только он начинает снимать свои батареи, то с этим единичным явлением мы связываем определенный ход наших действий, направленный на разгаданное нами таким путем общее состояние противника: мы полагаем, что он намерен уклониться от продолжения боя, начина-

ет отступить и в этот момент не способен ни оказать достаточное сопротивление, ни уклониться в должной мере путем отступления.

Положения и методы вносятся в обиход ведения войны практической теорией, подготавливающей войну, поскольку они привиты как действенный принцип обученным вооруженным силам. Все строевые уставы, наставления по обучению и устав полевой службы представляют собой положения и методы; в строевых – преобладают первые, в уставе полевой службы – вторые. С этими указаниями связывается подлинное ведение войны, оно их воспринимает как установленные способы действия; в качестве последних они должны включаться и в теорию ведения войны.

Но деятельность по использованию вооруженных сил не может быть установлена путем официальных положений, т. е. определенных наставлений, так как такие положения исключают свободу использования сил. Напротив, методы, являясь общим способом выполнения встречающихся задач, рассчитанным, как мы сказали, на наиболее вероятные случаи, и представляя собой доведенное до практики господство принципов и правил, могут, конечно, найти себе место в теории ведения войны, поскольку их не выдают за то, что они собой не представляют; их нельзя считать абсолютными и необходимыми системами действия, а лишь наилучшими общими формами, которые предлагаются на выбор и к которым можно непосредственно обратиться вместо принятия

индивидуального решения.

Частое применение методов в ведении войны нам представляется крайне существенным и неизбежным; вспомним, как часто приходится действовать на основании одних лишь предположений или при полной неизвестности, ибо неприятель всячески мешает нам узнавать все обстоятельства, которые могут влиять на наше решение, и не хватает времени для их опознания; но если бы даже мы действительно ознакомились со всей обстановкой, то все же оказалось бы невозможным соответственно соразмерить наши распоряжения, которые не могут быть настолько сложными и далеко идущими; в результате наши мероприятия всегда должны быть рассчитаны на известное количество различных возможностей. Будем помнить, сколь бесчисленны все мелкие обстоятельства, которые сопровождают каждый конкретный случай и с которыми, следовательно, надлежало бы считаться; поэтому нет другого исхода, как мыслить их перекрывающими друг друга и строить все свои распоряжения лишь на общем и вероятном. Наконец, не будем упускать из виду, что при прогрессивно возрастающем с понижением должностей числе вождей, подлинной проницательности и подготовленности к суждению каждого из них может быть предоставлено тем меньше места, чем больше деятельность спускается на низшие ступени иерархии; ясно, что там, где нельзя предполагать никакого иного понимания, кроме подсказанного знанием уставов и опытом, этому пониманию надо прийти на

помощь соответствующим методизмом. Он даст точку опоры их суждению и в то же время будет служить сдерживающим началом против фантастических, искаженных воззрений, которых приходится особенно опасаться в области, где опыт дается так дорого.

Помимо этой неизбежности методизма, мы должны признать, что он приносит и положительную выгоду, а именно: постоянно повторяющимся упражнением в тех же формах достигаются известная *быстрота, отчетливость и уверенность* в вождении войск, что уменьшает естественное трение и облегчает ход машины.

Таким образом, метод будет применяться тем чаще и с тем большей неизбежностью, чем ниже по ступеням должностей будет опускаться деятельность, на пути же вверх применение его будет сокращаться и совершенно исчезнет на высших постах. Поэтому он найдет себе более места в тактике, чем в стратегии.

Война в ее высшем понимании состоит не из *множества мелких событий*, которые перекрывают в своем разнообразии друг друга и над которыми, худо или хорошо, можно господствовать при помощи более или менее удачного метода, но из *отдельных крупных, решающих событий*, каждое из которых требует особого, индивидуального подхода. Это не поле стеблей, которое можно хуже или лучше косить без разбора более или менее подходящей косой, но это большие деревья, к которым надо подходить с топором обдуманно, в со-

ответствии со свойствами и направлением каждого ствола.

Как далеко может быть доведено применение методизма в военной деятельности, это, конечно, решает не непосредственно ранг или занимаемая должность, а существо данного дела; лишь потому, что высшие посты охватывают наиболее широкие виды деятельности, методизм касается их в меньшей степени. Постоянный боевой порядок, постоянная организация авангарда и сторожевого охранения – это методы, которыми в известных случаях полководец связывает руки не только своим подчиненным, но и самому себе. Правда, все это может быть изобретено и самим полководцем в соответствии с конкретной обстановкой; но, поскольку эти тактические формы основаны на общих свойствах войск и оружия, они могут сделаться объектом теории. С другой стороны, надо решительно отвергнуть всякий метод, которым вздумали бы предопределять планы войны или кампании и поставлять их как бы штампованными из-под станка.

До тех пор пока не существует приемлемой теории войны, т. е. разумного рассмотрения ведения войны, методизм будет сверх меры захлестывать и высшую деятельность, ибо люди, занятые этим кругом деятельности, не всегда имели возможность подготовить и развить себя научными занятиями и более высокими жизненными условиями. Они не могут ориентироваться в непрактичном и противоречивом резонировании теории и критики, но присущий им здравый смысл отвергает его; в результате у них не остается иного разуме-

ния, кроме разумения опыта; отсюда и в тех случаях, которые требуют свободного, индивидуального подхода и допускают таковой, они охотно применяют те средства, которые им дает опыт, т. е. подражают характерному образу действий полководца, из чего сам собою получается методизм. Когда мы видим, как генералы Фридриха Великого постоянно применяют при атаках так называемый косою боевой порядок, как генералы французской революции пускают в дело охват длинными боевыми линиями, а питомцы Бонапарта с кровавой энергией атакуют сосредоточенными массами, мы узнаем в повторности приемов явно усвоенный метод и, следовательно, видим, что методизм может доходить и до самых высших сфер командования. Если более совершенная теория облегчит изучение ведения войны, воспитает ум и суждение людей, вознесенных на высшие посты, то методизм не будет распространяться так высоко, а поскольку методизм остается все же неизбежным, он по крайней мере будет черпать свое содержание из теории, а не будет заключаться в одном слепом подражании. Как бы прекрасно ни вел свое дело великий полководец, все же в том способе, каким он это делает, есть нечто субъективное, и если у него есть своя манера, то в ней отражается добрая доля его индивидуальности, а последняя может далеко не согласовываться с индивидуальностью того, кто подражает этой манере.

Между тем было бы невозможным и неправильным совершенно изгнать из ведения войны субъективный методизм

или манеру. На нее надо смотреть как на выявление влияния, оказываемого индивидуальностью данной войны в целом на отдельные ее явления. Только таким путем можно удовлетворить особые требования данной войны, не предусматривавшиеся и не рассматривавшиеся теорией. Совершенно естественно, что революционные войны имели свой способ действий, и какая теория могла бы предвидеть заранее их особенности? Но зло заключается в том, что такая вытекающая из конкретного случая манера сама себя переживает, оставаясь неизменной, в то время как обстоятельства незаметно уже изменились; этому-то и должна помешать теория своей ясной и разумной критикой. Когда в 1806 г. прусские генералы, принц Людвиг – под Заальфельдом, Тауэнцин – на Дорнберге под Иеной, Граверт – впереди Каппельдорфа, Рюхель – позади той же деревни, бросились в косом боевом порядке Фридриха Великого в открытую пасть гибели, то тут сказала не одна лишь уже пережившая манера, но полнейшее скудоумие, до которого когда-либо доходил методизм. И они погубили армию Гогенлое так, как никогда еще ни одна армия не бывала погублена на самом поле сражения.

Глава V. Критика

Теоретические истины всегда сильнее влияют на практическую жизнь посредством критики, чем путем своего изложения в виде учения, ибо критика, являясь приложением теоретической истины к действительным событиям, не только приближает ее к жизни, но в большей мере приучает и рассудок к этим истинам путем повторного их приложения к практике. Поэтому мы считаем необходимым, наряду с точкой зрения на теорию, установить такую же и на критику.

Мы отличаем *критическое* изложение исторического события от обыкновенного изложения, которое просто располагает явления одно за другим, едва касаясь их ближайшей причинной связи. В таком критическом изложении могут проявиться три вида умственной деятельности.

Во-первых, историческое расследование и установление сомнительных фактов. Это и будет собственно историческим исследованием, не имеющим с теорией ничего общего.

Во-вторых, вывод следствий из причин. Это и есть подлинное критическое исследование. Оно для теории необходимо, ибо все то, что в теории может быть установлено или подтверждено или хотя бы пояснено опытом, достигается лишь таким путем.

В-третьих, оценка целесообразности применявшихся средств. Это – *критика в собственном смысле*, содержащая

в себе похвалу и порицание. Здесь уже теория служит истории или скорее тому поучению, которое можно почерпнуть из истории.

В этих двух последних подлинно критических частях исторического рассмотрения крайне важно проследить явления вплоть до их начальных элементов, т. е. до бесспорных истин, и не останавливаться, как это так часто бывает, на полпути, т. е. на каких-либо произвольных допущениях или предположениях.

Что касается анализа следствий, то это нередко встречается непреодолимое внешнее препятствие в том, что истинные причины остаются порой совершенно неизвестными. Ни при каких обстоятельствах жизни это не случается так часто, как на войне, где события редко бывают вполне известны, а еще реже – мотивы действий, которые или умышленно скрываются действующими лицами, или могут утеряться для истории, если они были преходящие и случайные. Поэтому критическое повествование должно большей частью идти рука об руку с историческим исследованием, и все же часто образуется такое несоответствие между причиной и следствием, что критика не может считать себя вправе смотреть на известные результаты как на необходимые следствия определенных причин. Следовательно, получаются неизбежные пробелы, т. е. отрезки исторических событий, которыми нельзя воспользоваться для поучения. Теория может лишь требовать, чтобы исследование было решительно доведено

до этого пробела, а по отношению к самому пробелу воздержалось от каких бы то ни было выводов. Подлинное зло бывает тогда, когда за недостатком точных данных и полуизвестное признается достаточным для объяснения следствий, т. е. когда этому полуизвестному придают незаслуженное значение.

Помимо этого затруднения, критическое исследование встречается еще с другим весьма серьезным внутренним затруднением, заключающимся в том, что действия на войне редко вытекают из одной простой причины, но в большинстве случаев будут результатом совокупности нескольких причин; поэтому недостаточно беспристрастно и добросовестно проследить весь ряд событий вплоть до их источника, но надо еще за каждой из наличных причин установить долю ее влияния. Таким образом, придется подвергнуть ближайшему обследованию природу причин, и таким путем критическое исследование может привести в подлинную область теории.

Критическое *рассмотрение*, а именно оценка средств, приводит к вопросу о том, каковы были результаты примененных средств и отвечали ли они намерениям действовавших лиц.

Своеобразность воздействия данных средств приводит к исследованию их природы, т. е. снова в область теории.

Мы видели, что в критике все сводится к тому, чтобы дойти до несомненных истин, т. е. не останавливаться на про-

извольных допущениях, необязательных для других; таким допущениям могут быть противопоставлены другие, быть может, столь же произвольные утверждения. Тогда не будет конца совершенно бесплодным пререканиям и не получится никакого поучения.

Мы видим, что как исследование причин, так и оценка средств ведет в область теории, т. е. в область такой общей истины, которая вытекает не из данного лишь конкретного случая. Поэтому если мы будем обладать пригодной теорией, то при рассмотрении фактов мы будем ссылаться на то, что ею уже окончательно установлено, и прекращать дальнейшее исследование в этом направлении. Там же, где такой теоретической истины нет, исследование придется доводить до первичных начал. Если такая необходимость встречается часто, то писатель, естественно, углубляется в страшные дебри подробностей; он будет завален работой и утратит возможность останавливаться на всем с достаточным вниманием. В результате, чтобы положить хотя бы какие-нибудь границы рассмотрению, ему придется остановиться на произвольных допущениях, может быть, и достаточных для автора, но остающихся произвольными для других, так как они не очевидны сами по себе и ничем не доказаны.

Итак, пригодная теория является существенной основой критики, и без помощи разумной теории критика никогда не дойдет до того уровня, на котором она действительно становится поучительной, а именно – когда она достигает степени

убедительности и неопровержимого доказательства.

Однако было бы праздной мечтой верить в возможность такой теории, которая являлась бы хранительницей всей отвлеченной истины и оставляла бы для критики одну задачу – подвести каждый данный случай под соответствующий ему теоретический закон; было бы смешным педантизмом требовать от критики, чтобы она всякий раз почтительно останавливалась у порога священной теории. Тот же дух аналитического исследования, который создает теорию, должен руководить и работой критики. Таким образом, критическая мысль может и должна часто переноситься в область теории, выясняя детально те пункты, которые для нее в данную минуту имеют особенное значение. Напротив, критика совершенно не удовлетворит своего назначения, если она опустится до бездушного применения теории. Вся положительная часть теоретического исследования, всякие принципы, правила и методы утрачивают свой характер всеобщности и абсолютной истины по мере того, как они обращаются в положительное учение. Они существуют для того, чтобы предлагать свои услуги, а за суждением всегда должно оставаться право решать, подходят они или нет к данному случаю. Теоретическими положениями критика никогда не должна пользоваться как законами и нормами для оценки, но лишь так, как ими должны пользоваться действующие на войне лица, т. е. в качестве *точки опоры для суждения*. Хотя тактика считает установленным, что в общем боевом порядке кавалерии

лерия должна располагаться не на одной линии с пехотой, а позади нее, но все же было бы неразумно на этом основании безусловно отвергать всякий уклоняющийся от этого правила распорядок; критика должна исследовать основания для такого уклонения, и лишь в случае недостаточности их она вправе сослаться на авторитет теории. Далее, если теория установила, что атака по частям уменьшает шансы на успех, то было бы столь же неразумным без дальнейшего углубления в обстановку дела всякий раз, как атака по частям совпадает с неудачей, признавать последнюю за следствие первой, как и обратно: в случае успеха атаки по частям приходиться тотчас же к противоположному заключению о неправильности этого теоретического положения. Дух исследования, присущий критике, не должен допускать ни той ни другой крайности. Таким образом, критика преимущественно опирается на выводы аналитического исследования теории; то, что последняя окончательно выработала, критика не будет готовить заново; оно ведь и вырабатывается теорией для того, чтобы передать критике в готовом виде.

Задача критики – исследование причинной связи и целесообразности применявшихся средств – явится нетрудной в тех случаях, когда причина и следствие, цель и средство оказываются в близкой связи друг с другом.

Когда армия подверглась внезапному нападению и вследствие этого не оказалась в состоянии упорядоченно и разумно использовать свои возможности, то последствие внезап-

ного нападения представляется несомненным. Если теория установила, что охватывающая атака в бою ведет к большим, хотя и менее обеспеченным результатам, возникает вопрос, стремился ли преимущественно предпринявший охватывающую атаку именно к большому успеху; в утвердительном случае средство применено им целесообразно. Но если он хотел этим приемом вернее обеспечить свой успех и если он свой расчет строил не столько на конкретной обстановке, сколько на общих свойствах охватывающей атаки, как это имело место сотни раз, то он неправильно судил о природе такой атаки и допустил ошибку.

В подобных случаях задача критического исследования и оценки не представляет трудностей, и она окажется легкой всякий раз, как мы будем ограничиваться исследованием ближайших последствий и целей. Это доступно личному усмотрению; для этого стоит только исключить разбираемое явление из общей связи с ходом событий и рассматривать его лишь в одном отношении.

Но на войне, как и вообще во всем мире, все, что принадлежит к известному целому, находится во взаимной связи; следовательно, каждая причина, как бы ничтожна она ни была, сохраняет свое влияние до самого конца военных действий, видоизменяя его хотя бы в самой ничтожной мере. Точно так же и применение каждого средства должно увязываться с самой конечной целью.

Таким образом, можно следить за действием причины до

тех пор, пока оно заслуживает наблюдения; точно так же можно оценить целесообразность применения средства не только по отношению к ближайшей цели, но и рассматривая эту цель лишь как средство для достижения более высокой цели, и продолжать идти по этому пути, пока мы не дойдем до цели, которая не нуждается уже ни в какой проверке, ибо необходимость ее не подлежит сомнению. Во многих случаях, особенно когда речь идет о крупных, решительных мероприятиях, рассмотрение придется доводить до *окончательной* цели, до той именно, которая непосредственно должна привести к заключению мира.

Ясно, что при этом постоянном восхождении с каждым вновь достигнутым этапом для суждения приобретается новая точка зрения. Таким образом, то самое средство, которое с одной точки зрения представлялось выгодным, со следующей, более высокой, может быть отвергнуто.

Исследование причин явлений и оценка целесообразности примененных средств всегда идут рука об руку при критическом рассмотрении какого-нибудь акта, ибо только исследование причин приводит к тем вопросам, которые заслуживают стать объектом оценки.

Следуя вверх и вниз по этой цепи, мы наталкиваемся на значительные затруднения. Чем более отыскиваемая причина удалена от известного события, тем больше других причин приходится одновременно иметь в виду; при этом надо определить и учесть их воздействие, ибо чем выше сто-

ит каждое явление, тем большим количеством сил и обстоятельств оно обуславливается. Когда мы установим причины проигрыша сражения, то, конечно, тем самым мы установим и ту часть причин дальнейшего хода событий, которая падает на проигранное сражение, но лишь одну часть всех причин, ибо в конечный результат волеются, смотря по обстоятельствам, в большем или меньшем количестве также и следствия, вызванные другими причинами.

Совершенно такое же разнообразие возникает при оценке целесообразности средств по мере усвоения нами более высокой точки зрения, ибо с нею растет число средств, примененных к достижению более высокой цели. Конечная цель войны преследуется одновременно всеми армиями, а потому необходимо принять во внимание все, что при этом случилось или могло случиться.

Ясно, что это иногда может чрезвычайно расширить поле нашего рассмотрения и нам будет грозить опасность заблудиться; главная трудность сводится к тому, что приходится делать множество предположений о явлениях, в действительности не происходивших, но вполне возможных, а поэтому и не подлежащих устранению из рассмотрения.

Когда Бонапарт в марте 1797 г. наступал с Итальянской армией от р. Тальяменто на эрцгерцога Карла, то сделал он это с тем умыслом, чтобы принудить этого полководца к решительным действиям раньше, чем он успеет притянуть к себе ожидавшиеся им с Рейна подкрепления. Если смот-

реть лишь с точки зрения ближайшего решительного акта, то средство было избрано удачно, что успех и подтвердил, ибо эрцгерцог был еще настолько слаб, что на Тальяменто он лишь сделал *попытку* к сопротивлению, а когда увидел, что его противник слишком силен и решителен, то отступил и очистил входы в Норийские Альпы. Но для какой же цели нужен был Бонапарту этот *успех как средство*? Чтобы самому проникнуть в сердце австрийской монархии, облегчить наступление обеим рейнским армиям Моро и Гоша и установить с ними ближайший контакт. Так смотрел Бонапарт, и с этой точки зрения он был прав. Но если критика станет на более высокую точку зрения, а именно на точку зрения французской директории, которая могла и должна была предвидеть, что кампания на Рейне могла открыться лишь шесть недель спустя, то на вторжение Бонапарта через Норийские Альпы можно смотреть лишь как на излишне рискованный шаг. Ибо стоило австрийцам подтянуть в Штирию с Рейна значительные резервы, которые эрцгерцог мог бы бросить на Итальянскую армию, как не только эта последняя была бы уничтожена, но была бы проиграна вся кампания. Эти размышления и овладели Бонапартом в окрестностях Виллаха и заставили его очень охотно согласиться на Леобенское перемирие.

Но если критика поднимется еще на одну ступень выше и уяснит, что у австрийцев между Веной и армией эрцгерцога Карла не было никаких резервов, то станет ясно, что даль-

нейшее наступление Бонапарта угрожало бы самой Вене.

Допустим, что Бонапарт знал, что столица открыта и что он располагал в Штирии превосходством над эрцгерцогом; в этом случае его поспешное наступление к сердцу австрийской монархии оказывается уже не бесцельным; однако осмысленность его находилась в зависимости от того, какое значение австрийцы придавали сохранению Вены. Если это значение было настолько велико, что они предпочли бы пойти на те условия мира, которые Бонапарт намеревался им предложить, то на угрозу Вене приходится смотреть как на конечную цель военных действий. Если Бонапарт имел какие-либо основания предполагать это, то критика могла бы здесь остановиться, но если бы значение захвата Вены оставалось в области догадок, то критике пришлось бы вновь шагнуть на еще более высокую точку зрения и поставить вопрос: что бы случилось, если бы австрийцы решились пожертвовать Веной и отступили еще далее вглубь своей обширной территории? Однако на этот вопрос, как легко понять, нельзя дать ответа, не приняв в расчет вероятного хода действий между армиями обеих сторон на Рейне. При решительном численном перевесе французов (130 000 человек против 80 000) их успех, конечно, почти не подлежал сомнению, но тут возникал новый вопрос: как французская директория захотела бы его использовать? Французы могли развивать свой успех до противоположных границ австрийского государства, т. е. вплоть до полного разрушения или сокру-

шения этой державы, или же довольствоваться завоеванием значительной части территории в качестве залога при заключении мира. Для обоих случаев надо уяснить вероятный результат и лишь в зависимости от него определить затем вероятное решение французской директории. Положим, в итоге этого рассмотрения оказалось бы, что для полного разгрома Австрийской империи силы французов были далеко не достаточны, так что попытка в этом направлении сама собой вызвала бы полный переворот во всей обстановке, и что даже одно лишь завоевание и удержание за собой значительной части территории поставило бы французов в такое стратегическое положение, при котором их сил оказалось бы, по всей вероятности, недостаточно. Этот результат должен был бы повлиять на оценку стратегического положения Итальянской армии и побудил бы ее не предаваться чрезмерным надеждам. Это, бесспорно, и заставило Бонапарта, даже при полном учете беспомощного положения эрцгерцога, заключить Кампо-Формийский мир на условиях, не требовавших от австрийцев тяжелых жертв; австрийцы лишились только таких провинций, которые они не могли бы отвоевать даже после самой удачной кампании. Но французы не могли бы рассчитывать и на заключение этого умеренного мира в Кампо-Формию, а следовательно, не могли бы сделать его целью своего наступления, если бы не были выдвинуты два соображения. Первое заключалось в вопросе, как расценивали сами австрийцы каждый из двух возможных исходов, считали ли

бы они эти результаты, несмотря на вероятный счастливый конечный успех в обоих случаях, стоящими тех жертв, которые были сопряжены с продолжением войны и которых они могли избежать ценою не слишком убыточного мира. Второй вопрос ставился так: будет ли австрийское правительство в состоянии спокойно взвесить конечный возможный успех своего упорного сопротивления и не поддастся ли оно малодушию под впечатлением временных неудач?

Рассмотрение существа первого вопроса отнюдь не является праздной игрой ума, но имеет столь огромное практическое значение, что оно всякий раз возникает, когда обсуждается какой-либо ориентированный на крайность план, и оно-то весьма часто и препятствует приведению его в исполнение.

Рассмотрение второго вопроса представляется столь же необходимым, ибо войну ведут не с абстрактным, а с реальным противником, которого надо постоянно иметь в виду. И наверное, смелый Бонапарт не упускал эту точку зрения, т. е. учитывал тот ужас, который предшествовал его грозному мечу. Тот же расчет привел его в 1812 г. и в Москву. Здесь он просчитался; ужас несколько был изжит в предшествовавшей гигантской борьбе; в 1797 г. этот ужас, конечно, еще был свеж, а тайна сопротивления, доведенного до крайнего предела, тогда еще не была вскрыта; но и в 1797 г. его отвага привела бы к отрицательному результату, если бы в предвидении такового он не нашел исхода в умеренном Кам-

по-Формийском мире.

На этом мы прервем данное рассмотрение; сказанного достаточно, чтобы представить образчик, показывающий, с какой широтой, многообразием и трудностями имеет дело критический разбор, если доходить в нем до предельных целей, а последнее является необходимым, когда дело идет о крупных, решающих актах. Из нашего рассмотрения видно, что, помимо теоретического проникновения в предмет, на ценность критического разбора оказывает огромное влияние природный талант, ибо от этого таланта будут преимущественно зависеть надлежащее освещение взаимной связи событий и выявление наиболее существенных соотношений событий из бесчисленного их множества.

Но таланту в этом деле предстоит и другого рода задача. Критическое рассмотрение заключается в оценке не одних лишь примененных средств, но и всех возможных; а последние еще надо указать, т. е. изобрести; ведь вообще нельзя порицать одно средство, если не можешь указать на другое – лучшее. Как бы мало ни было в большинстве случаев число возможных комбинаций, все же нельзя отрицать, что, выдвигая еще неиспользованные средства, мы не только производим простой анализ имевших место событий, но и проявляем творчество, которое не может быть предуказано, а зависит исключительно от плодовитости ума.

Мы далеки от того, чтобы усматривать арену великой гениальности там, где все может быть сведено к очень немно-

гим практически возможным и очень простым комбинациям; мы считаем смехотворным, когда изобретение обхода позиции рассматривается как черта великой гениальности, что часто имеет место; но тем не менее этот акт творческой самодетельности является необходимым, и им существенно определяется ценность критического разбора.

Когда Бонапарт 30 июля 1796 г. принял решение снять осаду Мантуи, дабы сосредоточенными силами броситься навстречу отдельным колоннам неприятеля, двигавшимся на выручку крепости, чтобы разбить их поодиночке, то это оказалось самым верным путем к блестящим победам. Эти победы действительно были одержаны и повторились с еще большим блеском с теми же средствами при последующих попытках прийти на выручку означенной крепости. Об этом все в один голос отзываются не иначе как с восторженной похвалой.

Однако Бонапарт мог предпринять этот шаг 30 июля лишь ценой окончательного отказа от осады Мантуи, ибо при его решении нельзя было спасти осадный парк, а добыть в эту кампанию другой было невозможно. И действительно, осада затем превратилась в простую блокаду, и крепость, которая в случае продолжения осады пала бы в очень скором времени, сопротивлялась, несмотря на все победы Бонапарта в открытом поле, еще в течение шести месяцев.

Критика в этом усмотрела совершенно неизбежное зло, ибо она не могла указать лучшего способа сопротивления.

Соппротивление против идущей на выручку армии внутри циркумвалационной линии пользовалось такой дурной славой и презрением, что этот способ не приходил и в голову. Однако в эпоху Людовика XIV этот прием так часто достигал цели, что можно смотреть как на своего рода моду на то обстоятельство, что никто и не пытался *обдумать возможность его использования* сто лет спустя. При допущении такого способа учет ближайших обстоятельств показал бы, что 40 000 солдат лучшей в мире пехоты, которой располагал бы Бонапарт в циркумвалационной линии перед Мантуей, так мало могли страшиться 50 000 австрийцев, которых Вурмзер вел на выручку осажденной крепости, что последние едва ли попытались бы даже атаковать французские линии. Мы здесь не станем приводить дальнейших доказательств нашего утверждения, но полагаем, что сказанного достаточно для того, чтобы оно было принято во внимание наряду с другими. Думал ли сам Бонапарт, когда приступал к действию, об этом средстве, мы не беремся решать: ни в его мемуарах, ни в других печатных источниках об этом нет и следа; вся последующая критика об этом даже и не думала, так как глаз совершенно отвык от подобного мероприятия. Заслуга напомнить об этом средстве не из великих, ибо стоит лишь освободиться от засилия модных взглядов, чтобы дойти до этого; но последнее необходимо, чтобы приступить к его рассмотрению и сравнению с тем приемом, к которому прибег Бонапарт. Каков бы ни оказался результат такого сравнения,

критика не должна его миновать.

Когда Бонапарт в феврале 1814 г. разбил в боях под Этожем, Шампобером, Монмиралем и т. д. армию Блюхера, а затем, бросив его, обратился против Шварценберга и нанес ему поражение под Монтро и Морманом, все восторгались тем, как Бонапарт постоянной переброской своих главных сил блестяще использовал ошибку союзников, наступавших раздельно. Если эти блестящие удары, наносимые во все стороны, все же не спасли Бонапарта, то это, как полагали, не могло быть поставлено ему в вину. Никто до сего времени не задал себе вопроса, каков был бы результат, если бы Бонапарт не повернул от Блюхера на Шварценберга, а продолжал бы наносить удары Блюхеру и преследовал бы его до Рейна. Мы убеждены, что в этом случае произошел бы полный переворот во всей кампании и главная армия союзников не пошла бы на Париж, а отступила бы за Рейн. Мы не настаиваем на том, чтобы наше убеждение разделяли другие, но ни один специалист не станет сомневаться, что критика должна заняться рассмотрением этой альтернативы, раз о ней зашла речь.

В этом случае средство, подлежавшее сравнению с действительно примененным, было гораздо ближе к последнему, чем в предыдущем случае, однако и на этот раз на его рассмотрении никто не остановился, так как все слепо следовали по одному направлению и находились под влиянием предубеждения.

Из необходимости указать на лучшее средство взамен опороченного возник тот род критики, которым почти исключительно пользуются, а именно: ограничиваются голым указанием на якобы лучший прием, не представляя в пользу его никаких доказательств. В результате указанный метод действий не для всех представляется доказанным. Другие поступают так же, и возникает спор, не имеющий никакого разумного основания. Вся литература о войне полна подобными примерами.

Доказательство, которого мы требуем, необходимо всюду, где преимущество предлагаемого средства не настолько очевидно, чтобы не оставалось никакого сомнения. Сущность доказательства заключается в том, чтобы каждое из этих средств подвергнуть исследованию в отношении его особенностей и соответствия с поставленной целью. Раз дело сведено таким путем до простых истин, то спор должен наконец прекратиться или же привести к новым *выводам*, между тем как при ином методе аргументы *pro* и *contra*³⁵ на чисто уничтожают друг друга.

Если бы, например, мы, не довольствуясь сказанным, решились в приведенном нами случае доказать, что неуклонное преследование Блюхера являлось бы более удачным решением, чем поворот против Шварценберга, то мы оперлись бы на следующие простые истины.

1. Как общее правило, выгоднее продолжать наносить уда-

³⁵ За и против. – *Ред.*

ры в одном направлении, чем перебрасывать свои силы с места на место, потому что, во-первых, такое перебрасывание сопряжено с потерей времени и, во-вторых, там, где моральные силы уже подорваны значительными потерями, новые успехи являются более обеспеченными; таким образом, не меняя направления ударов, мы не оставляем неиспользованной часть достигнутого перевеса.

2. Хотя Блюхер был численно слабее Шварценберга, но благодаря своей предприимчивости был значительно опаснее, а потому скорее в нем лежал центр тяжести, увлекающий все остальное за собой во взятом им направлении.

3. Потери, понесенные Блюхером, были почти равнозначны поражению, вследствие чего Бонапарт приобрел над ним такой перевес, что отступление Блюхера к Рейну едва ли подлежало сомнению, так как в этом направлении он не мог получить существенных подкреплений.

4. Никакой другой возможный успех не выделился бы с такой яркостью, не предстал бы воображению в таком колоссальном очертании; а при нерешительном, робком командовании армией, каким заведомо было командование Шварценберга, это должно рассматриваться как один из самых существенных факторов. Потери, которые понесли наследный принц Вюртембергский под Монтро и граф Витгенштейн под Морман, вероятно, с достаточной точностью были известны Шварценбергу. Те же поражения, которые понес бы Блюхер на своем совершенно обособленном и отдельном на-

правлении от Марны до Рейна, докатывались бы до Шварценберга лишь в виде снежной лавины слухов. Отчаянный маневр, предпринятый Бонапартом в конце марта на Витри, представлявший попытку оказать воздействие на союзников угрозой их сообщениям, был, очевидно, построен на принципе устрашения, но обстоятельства были уже совершенно иные, ибо Бонапарт потерпел неудачу под Лаоном и Арси, а Блюхер уже присоединился к Шварценбергу со своей столысячной армией.

Конечно, найдутся люди, которых наши доводы не убедят, но, по крайней мере, они не будут иметь возможности нам возразить: «В то время как Бонапарт угрожал бы своим продвижением к Рейну – базе Шварценберга, Шварценберг угрожал бы Парижу – базе Бонапарта», – ибо мы приведенными нами доводами именно и хотели указать, что Шварценберг и не подумал бы двигаться на Париж.

По поводу примера из похода 1796 г., которого мы выше коснулись, мы бы сказали, что Бонапарт видел в принятом решении самое верное средство разбить австрийцев; если бы даже это и было так, то цель, достигаемая этим путем, являлась лишь пустым военным подвигом, который не мог оказать существенного влияния на падение Мантуи. Путь, который мы рекомендуем, по нашему мнению, гораздо вернее мог воспрепятствовать снятию осады; но если бы мы с точки зрения французского полководца и не считали, что это так, и даже полагали бы, что он представляет меньше шан-

сов на успех, то все же вопрос сводился к тому, что на одну чашу весов пришлось бы положить более обеспеченный, но почти бесполезный, а следовательно, ничтожный успех, а на другую – успех не вполне вероятный, но гораздо более значительный. При такой постановке вопроса наиболее смелым является второй способ разрешения вопроса, между тем как при поверхностном взгляде получается обратное представление. Несомненно, намерения Бонапарта были очень отважными, и, следовательно, надо полагать, что он не до конца уяснил себе природу данного случая и не обозрел последствий своего решения так, как мы их представляем себе теперь, после фактического опыта.

Вполне естественно, что при рассмотрении целесообразности примененных средств критике часто приходится ссылаться на военную историю, ибо в военном искусстве опыт имеет гораздо большую ценность, чем любая философская истина. Но, конечно, это доказательство историей действительно лишь при определенных условиях, о которых мы поговорим в особой главе. К сожалению, эти условия так редко выполняются, что ссылки на историю по большей части приводят к еще большей путанице в понятиях.

Теперь нам надо рассмотреть еще один важный вопрос, а именно: в какой мере дозволительно или даже обязательно для критики пользоваться при обсуждении конкретного случая имеющимися в ее распоряжении более подробными сведениями о событиях, а также результатами этих событий, –

иначе говоря, когда и где критика должна отвлечься от всех этих данных, дабы возможно точно встать в положение действовавшего лица.

Когда критика хочет высказать похвалу или порицание действовавшему лицу, то, разумеется, она должна постараться в точности встать на его точку зрения, т. е. сопоставить все то, что он знал и что руководило его действиями, и отстранить от себя все то, чего деятель не мог знать или не знал, – следовательно, прежде всего надо устранить данные о том, к какому результату привели предпринятые действия. Однако это лишь цель, к которой надо стремиться, но окончательно достигнуть невозможно, ибо обстановка, на фоне которой протекало какое-либо событие, никогда не может предстать перед глазами критика в том самом виде, в каком она была перед глазами действовавшего лица. Ряд мелких обстоятельств, которые могли оказывать влияние на решения, исчезли бесследно; об иных субъективных побуждениях не встречается никаких указаний. О последних узнают лишь потом из мемуаров самих деятелей или очень близких к ним лиц, а в таких мемуарах все трактуется обычно общими мазками, а порой излагается не вполне откровенно. Таким образом, у критика будет недоставать многого, что живо стояло в сознании действовавшего лица.

С другой стороны, критике еще труднее закрыть глаза на то, что ей слишком хорошо известно. Это легко лишь по отношению ко всем случайным, т. е. не коренящимся в суще-

стве обстановки, примешавшимся к ней обстоятельствам, но это крайне трудно и почти недостижимо по отношению ко всем существенным явлениям.

Прежде всего поговорим о конечном результате. Если он вытек не из случайных явлений, то почти невозможно, чтобы знание его не оказало влияния на суждение о тех событиях, из которых он получился, ибо на них мы смотрим сквозь призму конечного результата и лишь через него окончательно знакомимся с ними и учимся их оценивать по достоинству. Военная история со всеми ее явлениями представляет для самой критики *источник поучения*, и вполне естественно, что последняя рассматривает явления в том освещении, которое им придает рассмотрение всех событий в целом. Поэтому, если бы даже критика иногда и задавалась целью безусловно закрыть глаза на этот результат, то окончательно это ей все же никогда бы не удалось.

Но так обстоит дело не только с конечным результатом, т. е. с тем, что наступает позднее, но и с обстановкой соответствующего момента, т. е. с теми данными, которые определяют действие. В большинстве случаев в распоряжении критики их окажется больше, чем было у действовавшего лица; можно было бы думать, что закрыть на них глаза нетрудно, однако на деле это не так. Знание как предшествовавших, так и одновременных обстоятельств основывается не только на определенных сообщениях, но в значительной мере и на целом ряде догадок и предположений; мало того, редко

получается сообщение о не вполне случайных событиях, которому уже не предшествовали бы предположения или догадки; они-то и заменяют точное сообщение, если последнего нет. Таким образом, понятно, что позднейшая критика, которой фактически известны все предшествовавшие и все одновременные обстоятельства, должна действовать неподкупно, задавая себе вопрос, какое из неведомых тогда обстоятельств она сочла бы вероятным. Мы утверждаем, что в данном случае полностью исключить из своего суждения известные данные столь же невозможно и по тем же самым причинам, как и закрыть глаза на конечный результат.

Отсюда, если критика захочет высказать похвалу или порицание по поводу какого-нибудь конкретного действия, то ей всегда лишь до известного предела удастся встать в положение действовавшего тогда лица. Во многих случаях последнее достигается в пределах практически нужного, в других же случаях оно может и вовсе не удалиться; этого не следует упускать из виду.

Однако нет никакой необходимости и даже нежелательно, чтобы критика вполне отождествлялась с действующим лицом. На войне, как и во всякой деятельности, сопряженной с искусством, требуется развитое природное дарование, называемое мастерством. Мастерство может быть крупным и малым. В первом случае оно легко может оказаться выше дарования критика, ибо какой критик решился бы выразить притязание на мастерство Фридриха или Бонапарта! Но кри-

тика не может вовсе воздержаться от суждения о крупных талантах, и, следовательно, ей надо предоставить использовать преимущество более широкого горизонта. Следовательно, критика не может вслед за великим полководцем решать выпавшие на него задачи, исходя только из имевшихся у него данных, как можно было бы проверить решение математической задачи, она должна сначала почтительно ознакомиться с высшим творчеством гения по достигнутым им успехам и по точной координации всех действий, а затем изучить на фактах ту основную связь между событиями, тот истинный их смысл, которые умел предугадать взор гения.

Но и по отношению ко всякому, даже самому скромному мастерству необходимо, чтобы критика становилась на более высокую точку зрения, дабы, обогатившись объективными моментами для суждения, она являлась возможно менее субъективной и дабы ограниченный рассудок критика не мерил бы других своей мерой.

Такое более высокое положение критики, ее похвала и порицание, выносимые после полного проникновения во все обстоятельства дела, не содержит в себе ничего оскорбительного для наших чувств, последнее создается лишь тогда, когда критик выдвигает вперед свою особу и начинает говорить таким тоном, словно вся та мудрость, которую он приобрел благодаря полному знакомству со всеми событиями, составляет его личный талант. Как ни груб такой обман, однако пустое тщеславие охотно к нему прибегает, и немудре-

но, что это вызывает в других негодование. Но чаще случаи, когда такое самохвальство не входит в намерения критика, а лишь приписывается ему читателем; если первый не примет известных мер предосторожности, то тотчас же зарождается обвинение в отсутствии способности суждения.

Таким образом, когда критик указывает на ошибки Фридрихов Великих и Бонапартов, то это не значит, что он сам, произносящий критическое суждение, этих ошибок не совершил бы, он даже мог бы согласиться, что на месте этих полководцев он, вероятно, совершил бы гораздо более грубые ошибки, но он усматривает эти ошибки из хода событий и связи между ними и требует от проницательности полководца, чтобы тот их предусмотрел.

Итак, критика есть суждение, основанное на ходе событий и на связи между ними, а следовательно, и на их конечном результате. Но результат может сказаться на суждении и совершенно иначе, бывает, что им попросту пользуются в качестве доказательства правильности или неправильности того или другого мероприятия. Это можно назвать суждением по успеху. Такое суждение на первый взгляд кажется безусловно неприемлемым, и все же это не так.

Когда Бонапарт в 1812 г. шел на Москву, все зависело от того, принудит ли он императора Александра к миру завоеванием этой столицы и предшествовавшими этому событиями, как ему удалось принудить его в 1807 г. после сражения под Фридландом и как удалось принудить императора

Франца в 1805 и 1809 гг. после Аустерлицкого и Ваграмского сражений; ибо раз он не получал мира в Москве, ему ничего не оставалось другого, как возвращаться вспять, т. е. понести стратегическое поражение. Мы не будем останавливаться на том, что сделал Бонапарт, чтобы добраться до Москвы, и не было ли уже при этом упущено многое такое, что могло бы побудить императора Александра заключить мир; не будем также говорить о тех гибельных обстоятельствах, которые сопровождали отступление и причина которых, может быть, уже заключалась в ведении войны в целом. Но независимо от этого вопрос остается тем же самым, ибо какими бы блестящими ни были результаты похода до занятия Москвы, все же дело сводилось к тому, будет ли император Александр настолько запуган всем этим, чтобы заключить мир. Если бы отступление и не носило на себе такого отпечатка истребления и гибели, поход все же являлся бы крупным стратегическим поражением. Если бы император Александр согласился на невыгодный мир, то поход 1812 г. стал бы наряду с походами, закончившимися Аустерлицем, Фридландом и Ваграмом. А между тем и эти кампании, не будь заключен мир, вероятно, привели бы к таким же катастрофам. Таким образом, какую бы силу, искусство и мужество ни проявил всемирный завоеватель, этот конечный вопрос, обращенный к судьбе, оставался бы повсюду тем же самым. Но неужели на этом основании мы должны отвергнуть походы 1805, 1807 и 1809 гг. и на основании данных одной кампании 1812 г.

утверждать, что все они – плод неразумия, что успех их противоестественен и что в 1812 г. стратегическая правда наконец восторжествовала над слепым счастьем? Это было бы крайней натяжкой, суждением донельзя тираническим, которое могло быть доказанным лишь наполовину, ибо ни один человеческий взор не может проследить нить необходимого сцепления событий вплоть до окончательного решения, принятого побежденными монархами.

Но еще менее оснований утверждать, что поход 1812 г. заслуживал того же успеха, как и предшествующие, и если он им не увенчался, то это нечто совершенно ненормальное. В самом деле, нельзя же смотреть на стойкость императора Александра как на нечто ненормальное.

Что может быть естественнее, как сказать, что в 1805, 1807 и 1809 гг. Бонапарт правильно оценил своих противников, а в 1812 г. он ошибся; следовательно, тогда он был прав, а на этот раз нет, и притом в обоих случаях потому именно, что *нас тому учит конечный результат*.

Все действия на войне, как мы уже говорили раньше, рассчитаны лишь на вероятные, а не на несомненные результаты; то, чего недостает в отношении несомненности, должно быть предоставлено судьбе или счастью, – называйте это как хотите. Правда, мы можем требовать, чтобы доля счастья была как можно меньше, но лишь по отношению к конкретному случаю, т. е. *в каждом отдельном случае* эта доля должна быть возможно меньше, но из разных случаев мы вовсе

не обязаны предпочитать именно тот, в котором меньше всего подлежащего сомнению. Это было бы, согласно всей нашей теоретической установке, огромной ошибкой. Бывают случаи, когда величайший риск является величайшей мудростью.

Во всем том, что действующее лицо предоставляет судьбе, по-видимому, нет никакой его заслуги, а следовательно, в этой части на него и не ложится никакой ответственности; тем не менее мы не можем удержаться от внутреннего одобрения всякий раз, как ожидание полководца оправдывается. Когда же оно срывается, мы испытываем какое-то чувство неудовлетворенности. *Дальше этого и не должно идти суждение о правильном и ошибочном, которое мы сознаем только на основании конечного результата или, точнее, которое мы просто находим в нем.*

Однако нельзя не признать, что чувство удовлетворения, испытываемое нашим сознанием от меткого действия, и чувство неудовлетворенности от промаха все же покоятся на смутной догадке, что между успехом, приписываемым счастьем, и гением действующего лица существует тонкая, невидимая умственному взору связь, и эта гипотеза доставляет нам известное удовлетворение. Такой взгляд подкрепляется тем, что наш интерес возрастает и переходит в более определенное чувство, когда в деятельности того же самого лица удачи и промахи часто повторяются. Отсюда становится понятным, почему счастье на войне принимает гораздо более

благородный облик, чем счастье в игре. Повсюду, где благоприятствуемый счастьем вождь не задевает как-либо наши интересы, мы с удовлетворением будем следить за его успехами.

Итак, критика, после того как она взвесила все, что принадлежит к области человеческого расчета и может быть удостоверено, должна предоставить слово конечному исходу в той части, в которой тайная внутренняя связь вещей не воплощается в видимых явлениях. При этом она должна, с одной стороны, оградить этот безмолвный приговор высшего судилища против напора необузданных мнений, с другой – возразить против нелепых злоупотреблений, которые могут быть допущены этой высшей инстанцией.

Этот приговор по конечному результату всегда должен, следовательно, удостоверить то, чего не может распознавать человеческий ум. К нему приходится обращаться главным образом в вопросе о духовных силах и их воздействии, отчасти потому, что о них можно судить с наименьшей достоверностью, а отчасти и потому, что они, близко соприкасаясь с волей, легко ее обуславливают. Там, где решение вызвано страхом или мужеством, между чувством и волей не может быть установлено ничего объективного, а следовательно, здесь уже мудрость и расчет более не влияют на вероятный исход дела.

Теперь мы еще позволим себе высказать несколько замечаний об орудии критики, а именно о языке, которым она

пользуется, ибо критика в известной степени является спутником военных действий; ведь дающая оценку критика – не что иное, как размышление, которое должно предшествовать действию. Поэтому мы полагаем, что крайне существенно, чтобы язык критики носил такой же характер, какой должен иметь язык размышлений на войне; иначе он теряет свою практичность и не дает критике доступа в действительную жизнь.

При рассмотрении вопроса о теории ведения войны мы говорили, что она должна воспитывать ум вождей или, вернее, руководить их воспитанием. Она не предназначена к тому, чтобы снабжать вождя положительным учением или системами, которыми он мог бы пользоваться как готовыми орудиями ума. Но если на войне для суждения о данном случае построение научных подсобных линий³⁶ не только не нужно, но даже недопустимо, если истина не выступает здесь в систематическом оформлении и берется *не из вторых рук, а непосредственно* усматривается естественным умственным взором, то то же должно быть и при критическом рассмотрении.

Правда, мы видим, что всякий раз, как представляется слишком громоздким устанавливать природу явлений, критика должна опираться на уже окончательно признанные в теории истины. Однако подобно тому, как деятель на войне более повинуетя этим теоретическим истинам тогда, ко-

³⁶ В оригинале – «конструкция научных вспомогательных линий». – *Ред.*

гда слил свое мышление с их духом, чем когда он видит в них лишь внешний мертвый закон, так и критика не должна ими пользоваться как чуждыми законами или алгебраическими формулами, при применении которых не требуется искать нового доказательства. Она должна всегда сама светиться этими истинами, предоставляя теории лишь более точное и обстоятельное их доказательство. Таким образом критика избегнет таинственного и запутанного языка и будет литься простой речью в прозрачном, т. е. всегда *наглядном* ряде образов.

Конечно, это не всегда бывает в полной мере достижимо, но таково должно быть стремление критического изложения. Оно должно применять как можно меньше сложных форм распознавания и никогда не пользоваться построением научных подсобных линий как собственным аппаратом установления истины, но ко всему подходить с простым и свободным умственным взором.

Однако это благочестивое стремление, если мы можем позволить себе так выразиться, к сожалению, до сих пор господствовало лишь в очень немногих критических разборах, большинство же их из какого-то тщеславия тянулось к идейной напыщенности.

Первое зло, с которым часто приходится встречаться, — это беспомощное, совершенно недопустимое применение известных односторонних систем как формального закона. Но всегда нетрудно показать всю односторонность такой си-

стемы, и стоит это сделать хотя бы однажды, чтобы раз навсегда подорвать авторитет ее судейского приговора. Здесь мы имеем дело с определенным явлением, а так как число возможных систем в конечном счете может быть лишь незначительно, то сами по себе они представляют еще меньшее зло.

Гораздо больший вред заключается в том придворном штате *терминологий, технических выражений и метафор*, который тащат за собой системы и который, как распущенный сброд, как обозная челядь армии, отбившаяся от своих принципов, беспорядочно повсюду бродит. Критик, не поднявшийся до цельной системы или потому, что ни одна из них ему не понравилась, или потому, что ему не удалось изучить какую-нибудь из них полностью, все же норовит использовать хотя бы кусочек ее как направляющую веху, чтобы доказать, как ошибочен был тот или иной ход полководца. Большинство совсем не умеет рассуждать без того, чтобы не пользоваться то здесь, то там каким-либо обрывком военной теории как опорой. Самые мелкие из этих обрывков, сводящиеся просто к техническим терминам и метафорам, часто оказываются лишь затейливыми прикрасами, уснащающими критическое повествование. Но по самой природе дела вся терминология и технические выражения, принадлежащие какой-нибудь системе, утрачивают свой правильный смысл, если они им когда-нибудь обладали, раз только их выхватывают из системы и употребляют как аксиомы или как маленькие кристаллы истины, обладающие якобы большей

убедительностью, чем обыденная речь.

Таким-то путем и получилось, что наши теоретические и критические книги вместо простого, безыскусственного и ясного рассуждения, при котором автор, по крайней мере, сам знает, о чем говорит, а читатель понимает, что читает, кишмя кишат этими терминологиями, создающими темные перекрестки, на которых автор и читатель расходятся в разные стороны. Нередко бывает еще хуже: часто они являются простой скорлупой без зерна. Сам автор толком не знает, что он, собственно, думает по данному поводу, и успокаивается на туманных представлениях, которые в обыденной речи его самого не удовлетворили бы.

Третье зло критики – это злоупотребление историческими примерами и желание блеснуть начитанностью. Что такое история военного искусства, об этом мы уже говорили, и мы еще разовьем в отдельных главах нашу точку зрения на исторические примеры и вообще на военную историю. Факт, который задевают лишь мимоходом, может служить примером для *совершенно противоположных воззрений*, а три-четыре примера, выхваченные из самых отдаленных друг от друга эпох и стран, натасканные из самых разнородных обстановок и сваленные в кучу, чаще всего сбивают с толку и запутывают суждение, не обладая в то же время ни малейшей доказательной силой.

Если взглянуть на все это при правильном освещении, то примеры чаще всего оказываются простой трухой, а наме-

рение автора ограничивается желанием блеснуть начитанностью.

Что могут дать для практической жизни эти туманные, полуправдивые, запутанные, произвольные представления? Так мало, что в значительной степени из-за них теория, с тех пор как она существует, является подлинным противоречием практике и нередко служит предметом насмешек со стороны лиц, которым нельзя отказать в высоких качествах на поле брани.

Этого никоим образом не могло бы случиться, если бы теория простым языком и путем естественного рассмотрения вопросов, составляющих сущность военного дела, пыталась установить то, что может быть установлено; если бы она без ложных претензий и неподобающей пышности научных форм и исторических сопоставлений ближе придерживалась сути дела и шла рука об руку с людьми, которые призваны руководить военными действиями, опираясь лишь на свой разум.

Глава VI. О примерах

Исторические примеры все делают ясным и, кроме того, представляют собой самое лучшее доказательство в науках, исходящих из опыта. Более, чем где-либо, это наблюдается в военном искусстве. Генерал Шарнгорст, который в своем «Спутнике» лучше всех писал о подлинной войне³⁷, утверждает, что для понимания военного дела исторические примеры – самое важное, и он пользовался ими с изумительным искусством. Переживи он ту войну, в которой он пал, 4-я часть его переработанного сочинения об артиллерии дала бы нам еще более блестящее доказательство того, как он наблюдал и извлекал поучения из проникновения в опыт войны.

Но писатели-теоретики лишь редко умеют так хорошо пользоваться историческими примерами; мало того, способ, которым они ими пользуются, не только не удовлетворяет разума, но даже оскорбляет его. Поэтому мы считаем важным подробнее остановиться на правильном употреблении примеров и на злоупотреблении ими.

Бесспорно, что знания, лежащие в основе военного искусства, относятся к наукам опытным, ибо, хотя они в боль-

³⁷ Клаузевиц имеет здесь в виду изданный в начале революционных войн труд Шарнгорста: «*Militärisches Taschenbuch für den Gebrauch im Felde*», 1792. Далее Клаузевиц имеет в виду наиболее известный труд Шарнгорста: «*Handbuch der Artillerie*», переведенный в 1841 г. на русский язык. – *Ред.*

шинстве случаев и проистекают из свойств³⁸ явлений, все же с этими свойствами надо сперва ознакомиться на опыте; кроме того, практическое применение подвергается стольким изменениям под влиянием разнообразнейших обстоятельств, что действие никогда нельзя постигнуть в полной мере из одних лишь свойств примененного средства.

Действие пороха, этого великого фактора нашей военной деятельности, мы познали лишь на опыте; еще и ныне мы продолжаем беспрерывно заниматься ближайшим изучением его свойств путем опытов. Что чугунное ядро, получившее посредством пороха начальную скорость 1000 футов в секунду, раздробит всякое живое существо, которого оно коснется в своем полете, конечно, ясно само собой, и для этого нет надобности в опыте; но сколько сотен побочных обстоятельств точно определяют его действие, которое частично можно определить лишь на опыте! А ведь приходится нам считаться не с одной только материальной действительностью; мы интересуемся в особенности моральным воздействием, а чтобы изучить и оценить последнее, нет иного средства, кроме опыта. В Средние века, когда только что было изобретено огнестрельное оружие, его материальная действительность вследствие несовершенства устройства была, понятно, много слабее, чем в наши дни, но зато моральное воздействие было гораздо больше. Надо было самому наблюдать стойкость одной из частей, воспитавшихся на службе

³⁸ В оригинале – «природы». – *Ред.*

Бонапарту и предводимых им в его победоносном шествии, когда она находилась под сильнейшим и непрерывным ору-
дийным огнем, чтобы составить себе понятие, чего может
достигнуть воинская часть, закаленная долгой привычкой к
опасностям и доведенная полнокровным чувством победы
до предъявления самой себе требования высочайших дости-
жений. Кто не видел этого, тот не сможет этому поверить.
С другой стороны, опыт неоднократно свидетельствует, что
еще в наши дни среди европейских войск можно встретить
войска, строй которых легко рассеивается двумя-тремя пу-
шечными выстрелами.

Но никакая основанная на опыте наука, а следовательно, и
теория военного искусства не в состоянии постоянно сопро-
вождать свои положения историческими доказательствами;
в частности, по отдельным вопросам было бы нелегко при-
вести доказательство в виде опытных данных. Когда на вой-
не убеждаются, что известное средство оказывается весьма
действительным, то к нему прибегают вновь; один перени-
мает его у другого; устанавливается форменная мода. Таким
путем, опираясь на опыт, это средство входит в общее упо-
требление и получает место в теории, которая довольствуется
тем, что вообще ссылается на опыт, чтобы объяснить, от-
куда взялось это средство, но не затем, чтобы найти в опыте
доказательство его значения.

Совершенно иначе обстоит дело, когда приходится поль-
зоваться опытом, чтобы устранить общераспространенное

средство, разобраться в сомнительном или же ввести новое; тогда необходимо выставить в доказательство отдельные примеры из истории.

Применение исторических примеров при ближайшем рассмотрении исходит из четырех различных точек зрения.

Во-первых, примером можно пользоваться как простым *пояснением* мысли. При всяком отвлеченном рассуждении очень легко быть неверно понятым или даже вовсе непонятым; в тех случаях, когда автор этого опасается, он пользуется историческим примером, дабы осветить в должной мере свою мысль и обеспечить взаимное понимание между собой и читателем.

Во-вторых, пример может иметь *прикладной характер*³⁹, ибо он представляет возможность показать, как трактуются те более мелкие обстоятельства, которые при общем выражении мысли не могли быть охвачены во всей совокупности; в последнем и заключается различие между теорией и опытом.

Оба эти случая относятся к собственно историческим примерам; два следующих относятся уже к историческим доказательствам.

В-третьих, можно сослаться на исторический факт, дабы подкрепить то, что было сказано. Этого достаточно во всех случаях, когда желают доказать *одну лишь возможность* какого-либо явления или последствия.

³⁹ В оригинале – «служить приложением мысли». – *Ред.*

Наконец, в-четвертых, можно создать какое-либо поучение из обстоятельного изложения того или иного исторического факта или из сопоставления нескольких таких фактов; это поучение обретает в самом этом свидетельстве свое полное доказательство.

В первом случае обыкновенно бывает достаточно беглого упоминания данного факта, ибо он используется лишь односторонне. При этом даже историческая правда является делом второстепенным, вымышленный пример мог бы сослужить ту же службу; впрочем, исторические примеры имеют всегда то преимущество, что они приближают поясняемую ими мысль к практической жизни.

Второй случай предполагает более подробное изложение данного факта, но и здесь точное соответствие истине является второстепенным; в этом отношении можно сказать то же самое, что было сказано по поводу первого случая.

При третьем случае большей частью достаточно голого указания на несомненный факт. Если выдвигается положение, что укрепленные позиции при известных условиях могут достигнуть своей цели, то достаточно назвать Бунцельвицкую позицию⁴⁰, чтобы обосновать это утверждение.

Но если изложение какого-нибудь исторического факта должно доказать некоторую истину, имеющую общий характер, то этот случай должен быть развернут подробно и об-

⁴⁰ Эта позиция использована в 1761 г. Фридрихом Великим против подавляющего превосходства австрийцев и русских. — *Ред.*

стоятельно во всем том, что имеет отношение к данному утверждению; он должен быть в известной степени тщательно воспроизведен на глазах читателя. Чем менее окажется возможным этого достигнуть, тем слабее будет доказательство и тем нужнее будет заменить недостающую отдельно факту доказательность большим количеством подходящих фактов; при этом будет полное основание предполагать, что влияния частных обстоятельств, установить которые нет возможности, будут взаимно аннулированы при известном числе фактов.

Если хотят на основании опыта доказать, что кавалерии лучше стоять позади пехоты, чем на одной линии с нею, или что при отсутствии подавляющего перевеса сил опасно глубоко охватывать противника разобщенными колоннами — на театре войны или в сражении, следовательно, стратегически или тактически, — то в первом случае недостаточно назвать несколько проигранных сражений, где кавалерия была расположена на флангах пехоты, и несколько выигранных, где она стояла позади нее, а во втором случае недостаточно вспомнить о сражениях под Риволи и Ваграмом, о наступлениях австрийцев на итальянском театре войны в 1796 г. или о наступлении французов в том же году на немецком, но это надо доказать, тщательно проследив все обстоятельства и отдельные происшествия и выяснив, каким путем эти формы расположения или наступления могли существенно обусловить неблагоприятный исход. При этом будет также

выяснено, *в какой мере* эти формы должны быть отброшены; последнее надо установить непременно, ибо совершенно огульное отрицание их, во всяком случае, не соответствовало бы истине.

Мы уже признали, что когда обстоятельное установление факта невозможно, то недостаточную доказательность можно заменить количеством примеров, но нельзя отрицать, что это опасный прием, которым часто злоупотребляют. Вместо одного очень обстоятельно изложенного факта довольствуются тем, что *вскользь упомянут* три или четыре факта и тем самым достигнут видимости сильного доказательства. Между тем бывают вопросы, в которых целая дюжина приведенных примеров ничего не доказывает, так как речь идет о явлениях, часто повторяющихся; следовательно, нетрудно подобрать другую дюжину примеров с противоположным исходом. Если нам назовут двенадцать проигранных сражений, где была применена атака разобщенными колоннами, то мы можем привести двенадцать сражений, выигранных при применении того же порядка. Отсюда видно, что этим путем нельзя прийти ни к какому выводу.

Если продумать все сказанное, то станет ясно, как легко могут иметь место злоупотребления историческими примерами.

Событие, не воспроизведенное тщательно во всех деталях, а лишь затронутое поверхностно, на лету, подобно предмету, на который смотрят с очень большого удаления: мы

уже не в состоянии различить положение его частей, и он кажется имеющим одинаковый вид со всех сторон. Подобные примеры действительно могут служить подтверждением самых противоположных мнений. Одни считают походы Дауна образцом мудрой осторожности, другие – робости и нерешительности. Энергичное продвижение Бонапарта через Норийские Альпы в 1797 г. может рассматриваться как проявление блестящей решимости, но в нем можно видеть и подлинную необдуманность. Его стратегическое поражение в 1812 г. может, с одной стороны, быть истолковано как следствие избытка энергии, а с другой – объяснено недостатком таковой. Все эти мнения действительно были высказаны, и легко понять, как они могли возникнуть; каждое из них рисовало себе связь между событиями по-своему. Во всяком случае, эти противоположные мнения не могут быть одновременно признаны, и какое-нибудь из них необходимо должно быть ложным.

Конечно, мы должны быть чрезвычайно признательны превосходному Фекьеру⁴¹ за многочисленные примеры, содержащиеся в его мемуарах, частично потому, что они довели до нас множество исторических данных, которых иначе мы были бы лишены, частью же потому, что Фекьер в своих мемуарах впервые произвел крайне полезное сближение теоретических, т. е. отвлеченных, представлений с практиче-

⁴¹ *Фекьер* (1648–1711) – участник войн Людовика XIV. Мемуары Фекьера были изданы в 1725 г. – *Ред.*

ской жизнью, поскольку приведенные им случаи могли рассматриваться как пояснение и более точное определение его теоретических утверждений. Впрочем, он едва ли достигает у непредубежденного читателя наших дней цели, которую он главным образом задался, — доказать исторически теоретические истины; хотя он порою рассказывает события весьма обстоятельно, однако многого не хватает, чтобы внутренняя связь приведенных фактов необходимо обуславливала сделанные им выводы.

Простые ссылки на исторические события имеют еще тот недостаток, что часть читателей, недостаточно знакомая с этими событиями или не вполне сохранившая их в памяти, не может воспринять при этой ссылке те мысли, какие имел в виду автор; читателю остается либо подчиниться впечатлению, производимому на него автором, либо продолжать считать вопрос открытым.

Правда, чрезвычайно трудно так воспроизвести или развернуть перед глазами читателя историческое событие, как это необходимо, чтобы им можно было пользоваться в качестве доказательства. Писатель большей частью при этом будет стеснен отсутствием данных, а также временем и размерами труда. Однако мы утверждаем, что там, где дело идет о том, чтобы установить новое мнение или разобраться в сомнительном, одно основательно изложенное событие более поучительно, чем десять поверхностно затронутых. Главное зло такого поверхностного отношения к истории заключа-

ется не в том, что писатель это делает в неосновательном предположении, будто он может им нечто доказать, а в том, что он никогда с этими событиями толком не ознакомится и что из такого легкомысленного, поверхностного обращения с историей впоследствии возникнут сотни ложных взглядов и теоретическое прожектерство, которые никогда бы не появились, если бы писатель сознавал свою обязанность – все то новое, что он намерен выпустить в свет и что он стремится доказать историей, выводить с полной несомненностью из точной связи явлений.

Убедившись в трудности пользования историческими примерами и в необходимости предъявлять к ним указанные требования, придется согласиться с тем, что история последних войн всегда должна представлять наиболее естественную область для выбора примеров, поскольку лишь она достаточно известна и разработана.

Последнее зависит не только от того, что в более отдаленные периоды существовали другие условия, а следовательно, по-другому складывалось и ведение войны, что делает события, имевшие тогда место, менее поучительными и практически менее важными для нас, но также и от того, что с течением времени военная история, подобно всякой другой, постепенно утрачивает множество мелких черт и обстоятельств, которые вначале еще в ней сохранялись. Она все более теряет свою окраску и жизненность, как выцветшая и потускневшая картина, так что под конец остаются лишь об-

щие очертания и немногие случайно уцелевшие частности, приобретающие благодаря этому преувеличенное значение.

Если мы взглянем на современное состояние военного дела, то убедимся, что, начиная с войны за австрийское наследство, войны, по крайней мере в смысле вооружения, еще имеют значительное сходство с современными⁴² и, несмотря на значительные изменения, происшедшие за это время как в крупных, так и в малых вопросах, все же условия достаточно близко подходят к современным, чтобы из них можно было извлечь много поучительного. Совершенно иначе обстоит дело хотя бы с войной за испанское наследство, когда ручное огнестрельное оружие еще не так усовершенствовалось, а кавалерия представляла главный род войск. Чем дальше мы отходим назад, тем менее пригодной становится военная история и тем она делается беднее и малосодержательнее. Наиболее непригодной и скудной надо признать историю древних народов.

Эта непригодность, конечно, не абсолютна; она относится лишь к вопросам, которые находятся в зависимости от точного знакомства с такими обстоятельствами или явлениями, в отношении которых ведение войны подвергалось изменениям. Как бы мало мы ни знали о ходе сражений между австрийцами и швейцарцами, между бургундцами и французами, мы тем не менее здесь усматриваем прежде всего ярко выраженные черты превосходства хорошей пехоты над са-

⁴² Т. е. наполеоновскими. — *Ред.*

мой лучшей конницей. Общий взгляд, брошенный на эпоху кондотьеров, учит нас тому, насколько все ведение войны зависит от орудия, которым государство пользуется, ибо ни в какое другое время вооруженные силы, которыми пользовались на войне, не носили до такой степени характера самодовлеющего орудия и не были до такой степени оторваны от остальной государственной и народной жизни, как в эту эпоху. Тот удивительный способ, которым Рим во Вторую Пуническую войну повел борьбу с Карфагеном, т. е. нападая на него в Африке и Испании, в то время, как Ганнибал еще не был побежден в Италии, может послужить предметом весьма поучительного рассмотрения, ибо общее соотношение сил и условий этих государств и их войск, на чем и была основана разумность этого косвенного сопротивления, достаточно известно.

Но чем глубже мы будем вникать в подробности и удаляться от общих отношений и обстоятельств, тем меньше при изучении отдаленных эпох мы найдем образцов и опытных данных, ибо мы не в состоянии ни должным образом оценить соответствующие явления, ни сопоставить их с нашими совершенно изменившимися средствами.

К сожалению, во все времена у писателей была большая склонность поговорить о событиях древности. Не будем касаться вопроса, какую роль в данном случае играли тщеславие и шарлатанство, но мы в этой тенденции в большинстве случаев не замечали признаков честного намерения и горя-

чего стремления научить и убедить, а при таких условиях мы не можем не видеть в этих экскурсиях ничего иного, кроме красивых заплат, прикрывающих пробелы и промахи.

Какая была бы огромная заслуга преподать военное искусство на ряде исторических примеров, как то попытался сделать Фекьер! Но на это едва ли хватило бы целой человеческой жизни, если вспомнить, что тот, кто захотел бы это предпринять, должен был бы получить предварительную подготовку в виде долголетнего боевого опыта.

Тот, кто чувствует влечение задаться подобным трудом, пусть снарядится на это благое начинание, как на далекое паломничество. Пусть пожертвует он своим временем и не страшится никаких трудов, пусть не убоится никакой земной власти и великих мира сего, пусть он поднимется над собственным тщеславием и ложным стыдом, дабы, по выражению французского кодекса, *сказать правду, одну только правду, всю правду.*

Часть третья. О стратегии вообще

Глава I. Стратегия

Понятие стратегии установлено в главе II⁴³ 2-й части. Стратегия – это использование боя в целях войны. Собственно говоря, она имеет в виду только бой, но ее теория должна рассматривать вместе с тем и проводника этой своеобразной деятельности, т. е. вооруженные силы как сами по себе, так и в их главных соотношениях, ибо бой дается при их посредстве и на них же оказывает прежде всего свое влияние. Самый бой стратегия должна исследовать со стороны его возможных последствий, а также в отношении моральных сил, играющих в нем важнейшую роль.

Стратегия есть использование боя для целей войны, следовательно, она должна поставить военным действиям в целом такую цель, которая соответствовала бы смыслу войны. Она составляет план войны и связывает с поставленной военным действием целью ряд тех действий, которые должны привести к ее достижению; иначе говоря, она намечает проекты отдельных кампаний и дает в них установку отдельным боям. Так как большинство этих действий может быть наме-

⁴³ На самом деле – в главе I. – *Ред.*

чено лишь на основе предположений, которые частично не оправдаются, а целый ряд более детальных определений заранее и совсем не может быть сделан, то из этого, очевидно, следует, что стратегия обязана сама выступить на театр войны, дабы на месте распорядиться частностями и внести в целое те изменения, в которых постоянно будет нужда. Таким образом, она ни на минуту не может оторваться от военных действий.

Не всегда держались такого взгляда, по крайней мере по отношению к руководству в целом; это доказывает имевшаяся раньше привычка отводить стратегии место в правительстве, а не при армии, что лишь тогда допустимо, когда правительство находится настолько близко к армии, что на него можно смотреть как на ставку главнокомандующего.

Теория также последует за стратегией в этом проектировании военных действий, или, вернее сказать, она будет освещать явления в их существе и взаимоотношениях и выделять то немногое, что кажется принципом или правилом.

Если мы припомним из I главы⁴⁴, как много крупнейших величин затрагивает война, мы поймем, что способность учесть все эти величины предполагает редкую умственную силу.

Монарх или полководец, умеющий направить войну, которую он ведет, в точном соответствии со своими целями и

⁴⁴ Вероятно, I главы 1-й части. Вследствие постоянного изменения конструкции труда все ссылки Клаузевица на другие главы крайне сомнительны. — *Ред.*

средствами и делающий не слишком много, не слишком мало, дает этим лучшее доказательство своей гениальности. Но влияние гениальности сказывается не столько во вновь найденном оформлении действия, немедленно бросающемся в глаза, сколько в счастливом конечном исходе целого предприятия. Восхищения достойны именно попадание в точку безмолвно сделанных предположений и бесшумная гармония во всем ходе дела, обнаруживающиеся лишь в конечном общем успехе.

Исследователь, который, исходя от конечного успеха, не умеет напасть на след этой гармонии, часто ищет гениальность там, где ее нет и быть не может.

Обычно средства и формы, которыми пользуется стратегия, являются столь простыми, а благодаря своему постоянному повторению столь знакомыми, что для здравомыслящего человека может показаться только смешным, когда ему приходится так часто слышать от критики преувеличенно напыщенные о них отзывы. Тысячу раз уже проделанный обход превозносится то как черта блестящей гениальности, то как глубокая проницательность, то даже как проявление самого всеобъемлющего знания. Могут ли быть в книжном мире более нелепые бредни?

Еще смешнее становится, если к этому добавить, что та же самая критика, исходя из самого пошлого взгляда, исключает из теории все духовные величины и хочет иметь дело лишь с одними материальными. Таким путем все сводится

к двум-трем математическим соотношениям равновесия сил и численного превосходства во времени и пространстве да к нескольким углам и линиям. Если бы в самом деле все сводилось лишь к этому, то из такой дребедени едва ли удалось бы составить даже задачу для школьника.

Но согласимся раз навсегда: здесь не может быть и речи о научных формах и задачах; соотношения материальных элементов крайне просты; труднее уловить поставленные на карту моральные силы. Однако и в этой области сплетение явлений морального порядка и большое разнообразие моральных величин и их соотношений можно найти лишь в высших сферах стратегии, там, где она граничит с политикой и государствоведением или, вернее, где она сама становится и тем и другим. Тем не менее и в данном случае, как мы сказали, дело идет скорее об определении степени напряжения сил, чем о форме выполнения. Там, где господствует последняя, как это имеет место в отдельных мелких и крупных событиях войны, количество моральных величин уже значительно уменьшается.

Таким образом, в стратегии все оказывается чрезвычайно просто, но из этого не следует, чтобы все было и чрезвычайно легко. Раз из состояния и отношений государства определилось, чего должна и чего может достигнуть война, то найти к этому путь нетрудно; но неуклонно следовать по этому пути, проводить план до конца, не позволять себе тысячу раз сбиваться с него под влиянием различных побуждений —

для этого, помимо большой силы характера, требуется еще и большая ясность и уверенность ума. Поэтому из тысячи людей, из которых один отличается умом, другой – проницательностью, третий – отвагой и силой воли, может быть, ни один не соединяет в себе все те качества, которые выдвинули бы его на стезе полководца из ряда посредственностей.

Может показаться странным, что для принятия важного решения в стратегии требуется гораздо больше силы воли, чем в тактике; но это не подлежит сомнению для тех, кто знает войну с этой стороны. В тактике мгновение само вас увлекает с неудержимой силой; действующее лицо чувствует, что его уносит водоворот событий, против которого оно не может бороться, не рискуя вызвать самых губительных последствий; оно подавляет в себе возникающие сомнения и смело продолжает дерзать. В стратегии, где все протекает гораздо медленнее, предоставлено гораздо больше простора для собственных и чужих сомнений, возражений, представлений, а следовательно, также и для несвоевременных сожалений о прошлом. А так как в стратегии не приходится, как в тактике, видеть собственными глазами хотя бы половину всего, но лишь угадывать и предполагать, то и воззрения бывают менее устойчивы. В результате большинство полководцев там, где они должны были бы действовать, топчутся на месте среди мнимых затруднений и колебаний.

Бросим теперь взгляд на историю; остановимся на кампании Фридриха Великого 1760 г., прославленной блестя-

щими маршами и маневрами, подлинном произведении искусства стратегического мастерства, как нам превозносит ее критика. Неужели мы должны приходить в безумный восторг от того, что король решил обходить то правый фланг Дауна, то левый, то опять правый и т. д.? Неужели мы обязаны в этом усматривать проявление глубочайшей мудрости? Нет, мы не вправе этого делать, если хотим судить естественно и без жеманства. Раньше всего, конечно, мы должны удивляться мудрости короля, который, преследуя великую цель и располагая только ограниченными средствами, никогда не брался за дела, не отвечающие этим средствам, но предпринимал *ровно столько*, сколько было нужно для достижения его цели. Эта мудрость полководца была им проявлена не только в этой кампании, но и в течение всех трех войн, которые вел великий король.

Привести Силезию в надежную гавань хорошо обеспеченного мира – вот что было его целью.

Стоя во главе небольшого государства, во многих отношениях сходного с другими и имевшего превосходства лишь в некоторых отраслях административного управления, он не мог сделаться Александром Великим, а в качестве Карла XII он, как и этот последний, мог бы только разбить себе голову. Поэтому мы всегда видим в его способе вести войну ту сдержанную силу, которая всегда парит в равновесии, у которой никогда нет недостатка в настойчивости и которая в опасный момент возвышается до достойного удивления, с тем чтобы

мгновение спустя снова спокойно парить, подчиняясь требованиям самых тонких побуждений политики. Ни тщеславие, ни честолюбие, ни жажда мести не могут сбить его с этого пути, и только этот путь привел Фридриха к благополучному исходу борьбы.

Как слабы эти слова, чтобы достойно оттенить эту черту великого полководца; лишь внимательно всмотревшись в удивительный исход борьбы и проследив причины, которые его обусловили, проникаешься убеждением, что только пронизательный взор короля провел его благополучно через все подводные камни.

Это одна сторона, которой мы восторгаемся в великом полководце, проявленная им в кампании 1760 г. и во всех остальных, но особенно в кампании 1760 г., ибо ни в одной другой ему не приходилось с такими малыми жертвами уравновешивать столь значительно превосходящие неприятельские силы.

Другая сторона связана с трудностями исполнения. Легко наметить марши для обхода справа и слева; нетрудно прийти и к мысли всегда держать сосредоточенно свою горсточку войск, дабы всюду иметь возможность противостоять разбросанному неприятелю и умножать свои слабые силы быстрой их переброской; отсюда видно, что подобное изобретение не может вызывать нашего изумления, и перед лицом столь простых действий ничего не остается другого, как сознаться, что они просты.

Но пусть какой-нибудь полководец попробует повторить эти дела по примеру Фридриха Великого. Долго спустя толковали писатели, бывшие сами очевидцами, об опасности, даже о неосмотрительности, сопряженной с теми лагерями, которые занимал король, и мы не сомневаемся, что в тот момент, когда он располагался в них, эта опасность казалась втрое больше, чем впоследствии.

То же нужно сказать и о маршах, совершавшихся на глазах, часто даже под жерлами неприятельских пушек. Фридрих Великий располагался в этих лагерях или предпринимал эти марши потому, что он находил в методе действий Дауна, в его манере занимать позиции, в его чувстве ответственности и характере ту гарантию, которая делала его стоянки и марши хотя и рискованными, но не безрассудными. Однако при этом требовались отвага, решительность и сила воли короля, для того чтобы видеть обстановку под таким углом зрения и не сбиться с пути, испугавшись опасности, о которой в продолжение тридцати лет после нее не переставали писать и говорить. Немногие полководцы, оказавшись в положении Фридриха, сочли бы выполнимыми эти простые стратегические средства.

Была еще и другая трудность выполнения. Армия короля в течение этой кампании находится в постоянном движении. Два раза идет она по пятам Дауна, имея позади себя Ласси, по плохим проселочным дорогам от Эльбы к Силезии (начало июля и начало августа). Она каждое мгновение должна

быть готова к бою и искусно организовать свои марши, что, однако, связано с большим напряжением войск. Хотя армию и сопровождают тысячи повозок, затрудняющих марш, однако ее снабжение крайне скудно. В Силезии до самого сражения под Лигницем, в течение 8 суток непрерывно, она была вынуждена совершать ночные переходы, все время двигаться взад и вперед мимо неприятельского фронта; это влечет за собой страшное напряжение сил и сопряжено с большими лишениями.

Можно ли предполагать, что все это могло происходить без большого трения в машине? Разве полководец может ворочать армией с такою же легкостью, как рука землемера ворочает астролябию? Разве сердца начальников и главнокомандующего не разрываются тысячу раз при виде страданий бедных голодных и изнемогающих от жажды соратников? Разве до его уха не доходят жалобы и сетования по этому поводу? Разве у заурядного человека хватит мужества потребовать таких жертв от своих солдат и разве такие усилия не привели бы неизбежно к упадку духа в войсках, не расстроили бы дисциплину, – словом, не подорвали бы воинской доблести, если бы все это не сглаживалось безграничной верой в величие и непогрешимость полководца? Вот к чему надо питать уважение; этими-то чудесами выполнения мы должны восхищаться. Но все это можно целиком прочувствовать лишь тогда, когда мы на собственном опыте получим известное предвкушение; тот, кто знает войну лишь по книгам и

по занятиям на учебном плацу, для того весь этот противорес, встречаемый действием, не существует; пусть же он поверит нам на слово, примет на веру все то, чего не знает по собственному опыту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.